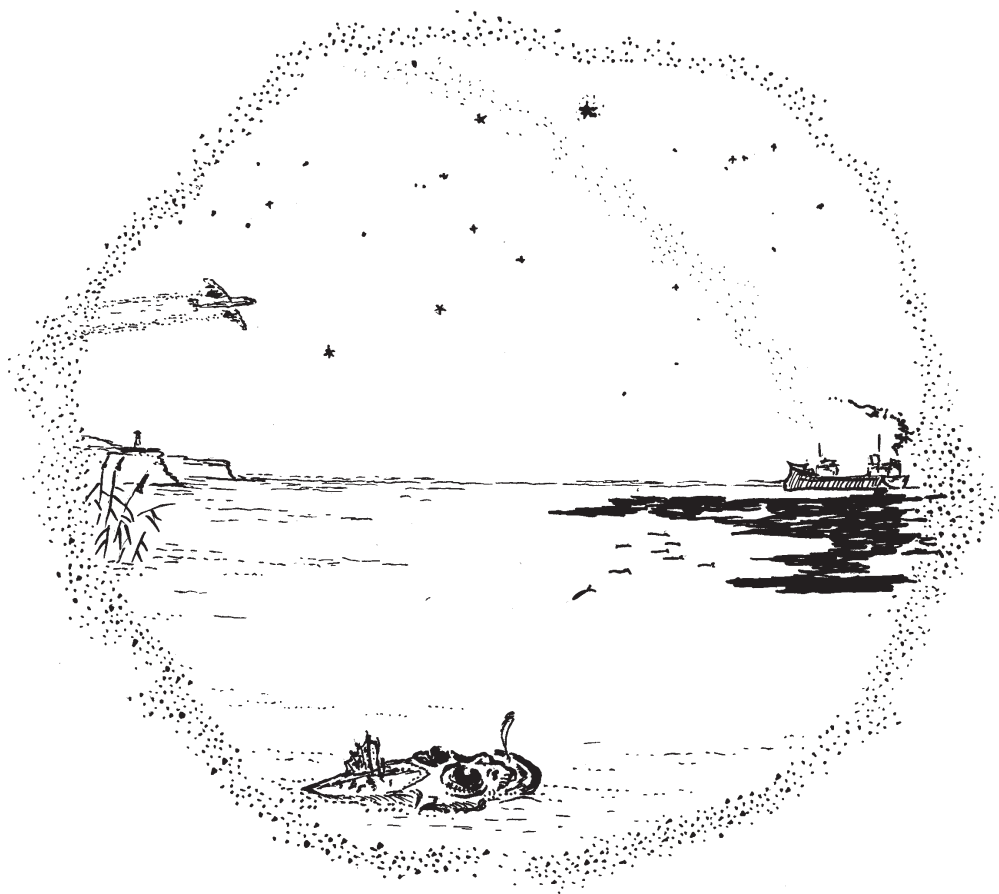

ГУМАНИТАРНЫЙ ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Том 6
Выпуск 2

2004

Редакционная коллегия:

Александров Д.А., Россия, кандидат биологических наук
Борейко В.Е., Украина, главный редактор
Гараев А.С., Азербайджан
Грищенко В.Н., Украина, кандидат биологических наук, главный редактор
Данилина Н.Р., Россия
Дежкин В.В., Россия, доктор биологических наук
Левченко В.Ф., Россия, доктор биологических наук
Мазуров Ю.Л., Россия, кандидат географических наук
Марушевский Г.Б., Украина, кандидат философских наук
Морохин Н.В., Россия, доктор филологических наук
Никольский А.А., Россия, доктор биологических наук
Поликарпов Г.Г., Украина, доктор биол. наук, академик НАН Украины
Прохорова И.А., Россия, кандидат социологических наук
Симонов Е.А., Россия
Уинер Д., США, доктор исторических наук
Штильмарк Ф.Р., Россия, доктор биологических наук
Шукуров Э.Д., Кыргызстан, доктор географических наук
Ясвин В.А., Россия, доктор психологических наук

Адрес редакции:

ул. Радужная, 31–48
02218, г. Киев,
Украина.

Address:

Raduzhnaya str. 31–48
02218 Kyiv
Ukraine

Электронная версия журнала: <http://www.ln.com.ua/~kekz/human.htm>

Сайт по гуманитарной экологии: <http://www.ecoethics.ru>

Humanitarian Environmental Magazine

Volume 6 • Issue 2 (№ 15) • 2004

Edited by V.E. Boreyko & V.N. Grishchenko

Международный экологический журнал

Учредитель — Киевский эколого-культурный центр

Регистрационное свидетельство КВ 4345 от 3.07.2000 г.

Издатели — Киевский эколого-культурный центр,

Всемирная комиссия по охраняемым территориям МСОП (WCPA/IUCN)

Журнал издан при поддержке Фонда МакАртуров

Компьютерный набор — Е.В. Кривошеева; верстка — В.Н. Грищенко;

корректурa — Е.Д. Яблоновская-Грищенко.

Обложка — рис. С.А. Лопарева.

© Гуманитарный экологический журнал, 2004

© Киевский эколого-культурный центр, 2004

© Всемирная комиссия по охраняемым территориям МСОП, 2004

© Humanitarian Environmental Magazine, 2004

© Kiev ecological and cultural centre, 2004

© World Commission on Protected Areas IUCN, 2004

ISSN 1727–2661 (Print)

ISSN 1727–270X (Online)

Экологическая философия

ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ

С.Д. Дерябо

Московский психолого-социальный институт

Экологическое сознание в эпоху античности

Античная культура, сформировавшаяся в X–XI вв. до н. э. и завершившая свое существование в IV–V вв. н. э., явилась первым этапом в формировании современного типа общественного экологического сознания.

Античность представляет собой завершающий этап в развитии мифологии, бывшей ведущим типом сознания практически до V в. до н. э., когда стало складываться присущее современному человеку научно-логическое мышление. В эпоху античности окончательно закрепились подготовленная всем ходом развития общественного экологического сознания возникающая на последних этапах архаики психологическая противопоставленность, явившаяся, как уже говорилось, результатом возникновения представлений о богах как творцах природы и, соответственно, “равенства в отчужденности” между людьми и природой. Особенно показательным является появление в греческой мифологии таких богов как Прометей, Гефест, которые создают для людей различные предметы культуры, добывают огонь, вводят металлы и т.д.: в них нашло свое осмысление подчинение людьми природы, ее освоение и “укрощение”.

По сравнению с архаической эпохой в экологическом сознании произошло первое в процессе его эволюции фундаментальное не количественное, а именно *качественное* изменение: психологическая включенность человека в мир природы сменилась психологической противопоставленностью.

Таким образом, *первая характерная черта античного экологического сознания – психологическая противопоставленность человека и природы.*

Дополнительным фактором, увеличивающим противопоставленность человека и мира природы, стало то, что в эпоху античности началось научное осмысление природы, причем не только для конкретных нужд практики, как это было, в основном, до этого.

Природа стала *объектом изучения*, а гносеологическая парадигма “подпытывает” объектность восприятия. И хотя она при этом не лишалась “души” (например, Аристотель даже звезды считал одушевленными), но душа у нее менее “качественная”, чем человеческая. Разделение Платоном “разумной” (человеческой) души и “чувственной” (животной) ярко демонстрирует противопоставленность человека и природы, его принципиальное превосходство над ней с точки зрения античного сознания. Характерно в этом плане высказывание римского историка Саллюстия: “Всем людям, стремящимся отличаться от остальных, следует всячески стараться не прожить жизнь безвестно, подобно скотине, которую природа создала склоненной к земле и покорной чреву. Вся наша сила ведь – в духе и теле; дух большей частью повелитель, тело – раб; первый у нас – общий с богами, второе – с животными”.

В эпоху античности произошло разделение того, что имеет “душу”, и того, что является субъектом. Поэтому наличие у природных объектов “души” вовсе не означало для античного человека, что они являются субъектами, относятся к сфере “человеческого”, равны в своей самооценности человеку и уж тем более не означало, что они способны осуществлять специфически субъектные функции. Как считал Аристо-

тель: “Ни дружбы, ни права не может быть по отношению к неодушевленным предметам. Невозможна дружба и с конем или быком или рабом в качестве раба... потому что раб – одушевленное орудие, а орудие – неодушевленный раб”.

И тем не менее, *вторая характерная черта античного экологического сознания заключается в том, что оно ближе к субъектному, чем к объектному восприятию природы.* Это противоречие связано с противоречивостью, двойственностью самого античного сознания: с одной стороны, для античности свойственно уже научно-логическое мышление, приводящее к объектному восприятию природы, но с другой – миф, мифологическое мышление не исчезают полностью, а становятся как бы “подтекстом” научно-логического, особенно в период заката античности, обеспечивая действие механизмов атрибуции субъектности, присущих архаической эпохе.

Поскольку античный мир – это мир космоса, гармонии, порядка, мир, пронизанный божественным началом, природа как часть этого мира выступает в качестве образца, идеала гармонии, которой человек должен учиться у нее, подражать ей в своей повседневной жизни. Красота, совершенство природы становятся одной из популярных тем античной литературы, искусства в целом.

В связи с этим в эпоху античности существовало понимание ценности прагматического взаимодействия с миром природы: для античного человека природа – это не только материальная, но еще и духовная ценность.

Поэтому *третья характерная черта античного, экологического сознания заключается в том, что взаимодействию с миром природы свойствен не только прагматический, но и непрагматический характер.*

Таким образом, *античная эпоха, закрепила психологическую отчужденность человека и мира природы,* и, в определенном смысле, подготовив их абсолютную противопоставленность в последу-

ющие века, *стала первым качественным этапом в формировании современного экологического сознания.*

Экологическое сознание в Средние века

Начало следующего этапа в формировании современного экологического сознания связано с появлением монотеистических религий, в частности, христианства. Для средневекового сознания, господствовавшего в Европе почти тысячу лет с V вплоть до XV вв., идеологическим стержнем которого было христианство, характерна жестко иерархизированная картина мира, вся поставленная под знак Бога.

Система представлений в христианстве строится на основе иерархии “Бог – человек – природа”. Как писал Аврелий Августин в трактате “О Граде Божиим”: “В ряду того, что каким-то образом существует, но не есть Бог, его сотворивший, живое помещается выше неживого, способное рождать и испытывать желания – выше того, что не способно к этому. А среди живых существ чувствующие стоят выше нечувствующих, как, например, животные стоят выше растений. Среди же чувствующих разумные стоят выше неразумных, как люди – выше животных. А среди разумных бессмертные стоят выше смертных, как ангелы – выше людей. Все это помещается одно выше другого в силу порядка природы”. Иными словами, противопоставленность человека и мира природы определена и освящена волей Бога.

Таким образом, *для средневекового экологического сознания характерна абсолютная психологическая противопоставленность человека и природы.*

Продолжение процесса субъектогенеза приводит к тому, что в христианской культуре еще больше возрастает степень субъектности человека. В античной картине мира люди действуют не сами по себе, все свершается по воле богов, они участники человеческой драмы, на Земле вершится божья воля. Но и над самими богами вла-

ствуется судьба, перед которой они бессильны (незавершенность субъектогенеза приводит к тому, что даже боги не являются до конца субъектами).

В христианстве же Бог поднимается на абсолютную высоту: все есть Бог, ничто не может быть вне Бога и не по воле Бога. А коль скоро человек богоподобен, то поднимается в мировой иерархии и он: христианство провозгласило право личности на выбор – выбор своего поведения, своей позиции в противостоянии Бога и дьявола, причем выбор самостоятельный, добровольный и ответственный. В результате христианская средневековая культура открывает неведомую для античности категорию совести.

Но поставив человека на вершину пирамиды земного мира, христианство кардинально меняет характер восприятия природных объектов. Главное отличие человека, созданного “по образу и подобию” божьему, от всего природного – наличие у него нематериальной божественной души.

Если античность, сделав природу объектом научного изучения, оставляла всему природному “право” на душу, то христианство их этого полностью лишило. Вместе с ней природные объекты лишаются и своей самоценности: они представляют интерес только в той мере, в какой могут служить человеку и быть полезными ему. Характерно, что в сцене изгнания бесов Христос вселяет их в свиней, которые гибнут в пропасти: ни жалости к этим животным, ни намеков на размышления о том, зачем всемогущему Христу для изгнания бесов понадобилась смерть ни в чем не повинных животных. Все эти вопросы немислимы для христианского сознания, поскольку невозможно сопереживание тому, что воспринимается как объект.

Таким образом, для средневекового экологического сознания характерно абсолютно объектное восприятие природы.

Закрепив абсолютно объектное восприятие природы, Средневековье явилось вторым качественным этапом в формировании современного экологического сознания.

Христианство также кардинально изменило и характер взаимодействия с миром природы, переведя его в плоскость прагматизма. Оно освободило человека от обязанности боготворить природу, дало ему неограниченную свободу в обращении с ней, превращенной в “сырье”, лишенное какого бы то ни было священного смысла. Христианство утвердило представление о санкционированном самим Богом потребительском, прагматическом использовании природы. Красноречив в этом отношении текст Библии: “И сказал Бог: сотворим человека по образу Нашему и по подобию Нашему, и да владычествуют они над рыбами морскими, и над птицами небесными, и над скотом, и над всею землею, и над всеми гадами, пресмыкающимися по земле” (Бытие, 1:26).

Таким образом, для средневекового экологического сознания характерен прагматический характер взаимодействия природой.

Итак, христианство, сформировав представление о жестко иерархической картине мира, поставленной под знак Бога, в которой человеку отведено высшее из всего земного положение, об отсутствии какой-либо самоценности природного, санкционированном Богом прагматическом использовании природы, завершило отчуждение от нее в религиозной форме.

Экологическое сознание Нового времени

Но впереди еще ждало отчуждение от природы, освященное наукой. Важнейшую роль в этом сыграло картезианство, возникшее в XVII в. и ставшее одной из философских основ современной цивилизации.

Его исходным пунктом являлось представление о человеке-субъекте и мире-объекте, которым человек манипулирует. В этом смысле картезианство венчает собой развитие, коренящееся в самой сущности человека и состоящее в том, что человек во всех отношениях радикальным образом выделяется из мира. Оно логически завершило берущую истоки в античности, но

ставшую центральной именно для христианства тенденцию приближения человека к Богу и постановки его на высшую ступень в земной иерархии. Человеческая личность, воспитанная в течение полутора тысяч лет на опыте абсолютной личности, захотела теперь сама стать абсолютном.

В культуре классицизма, господствующей в XVII–XVIII вв., одной из основ которой и являлось картезианское учение, природа отодвигается на периферию мира. Более того, в классицистическом сознании доминирует представление о том, что природа прекрасна лишь тогда, когда она “облагорожена” человеком-творцом, демиургом (вспомним так называемый “английский газон”). Если христианство лишило природные объекты души, то классицизм лишил ее права даже оставаться самой собой, в своем естественном состоянии. Таким образом, благодаря картезианству, в экологическом сознании Нового времени психологическая противопоставленность человека и природы достигла максимальной степени. Картезианство утверждало абсолютную ценность человеческого разума, субъективности в целом, а поскольку вне-человеческая природа ими не обладает (животные и растения по Декарту – машины, лишённые внутреннего мира), то, соответственно, ее ценность *несоизмеримо* ниже. А раз так, то препарирование животного ничем не отличается от разборки часов – гордией узел этических сомнений о допустимости таких действий разрушен окончательно.

В результате, в экологическом сознании Нового времени объектность восприятия природы также достигла максимальной степени.

Характерно, что конечную цель знания картезианство видело в господстве человека над силами природы, в открытии и изобретении технических средств, которые позволяли бы это господство обрести – “человек – царь природы”. Природа не должна существовать и развиваться “просто так”, она должна служить человеку. Если христианство *разрешило* прагматическое

использование природы, как санкционированное Богом, то картезианство *призывало* к нему.

Как следствие, в экологическом сознании Нового времени взаимодействие с природой носит абсолютно прагматический характер.

Абсолютизовав прагматический характер взаимодействия с природой, Новое время стало третьим качественным этапом в формировании современного экологического сознания.

Как это ни парадоксально звучит, но картезианская наука просто впитала в себя по наследству религиозное представление о богоизбранности человека, в ходе своего развития избавившись от идеи самого бога за ненадобностью. Последний шаг в формировании полной отчужденности от природы был сделан: она признана лишенным всякой самостоятельной ценности объектом манипуляций во имя научного знания и прогресса. Авторитет Библии оказался подкреплен авторитетом науки. При всем их антагонизме здесь они оказались едины.

Следует отметить, что тенденции развития экологического сознания в Новое время не являются прямолинейными, как может показаться на первый взгляд. Достаточно вспомнить относящуюся к этому же периоду культуру Ренессанса, которая “реабилитировала” материю и материальное, а соответственно, и природу, поскольку в ней “взгляд по вертикали” (на Бога) сменился “взглядом по горизонтали” (на земной мир); культуру сентиментализма, противопоставившего природу и социум, с его абсолютно позитивной оценкой первого и негативной – второго; природу в культуре романтизма, в которой была радикально преодолена дихотомия “дух – материя”, “божественное – профанное” и т. д.

И далеко не все мыслители Нового времени стояли на тех же позициях, что и Декарт: например, Лейбниц приписывал душевную жизнь всему сущему, у Шеллинга и Гегеля природа, будучи неодушевленной в своих неорганических формах, понимается как нечто, чьей целью является субъек-

ектность, даже если она и достигается лишь после долгого процесса развития и т. д.

Но “железная поступь” картезианства, ведущего человечество в экологический тупик, оказалась сильнее.

Таковы культурно-исторические истоки доминирующего сейчас антропоцентрического экологического сознания.

Современное антропоцентрическое экологическое сознание

Логика исторического развития “западной” цивилизации, развития ее отношений с окружающим миром оказалась такова, что в общественном сознании прочно утвердилась так называемая “парадигма человеческой исключительности” (Human Excerptionalism Paradigm) которая определяет самые различные аспекты мировоззрения. Для нее характерны антропоцентризм (греч. *anthropos* – человек + *Kentron* – центр), антиэкологизм и социальный оптимизм, которые выражаются в следующих постулатах.

1) Поскольку, кроме генетической наследственности, люди обладают также и культурным наследованием, человек принципиально отличается от всех остальных живых существ на Земле, над которыми он доминирует.

2) Именно социальные и культурные, а не биофизические факторы окружающей среды являются главными факторами, обуславливающими деятельность человека: человек живет в социальном, а не в природном контексте.

3) Технологический и социальный прогресс может продолжаться бесконечно, и все социальные проблемы так или иначе принципиально разрешимы.

В сфере экологического сознания “парадигма человеческой исключительности” предстает как “парадигма человеческой освобожденности” (Human Exemptionalism Paradigm), освобожденности от подчинения объективным экологическим закономерностям. Базирующееся на ней “западное” экологическое сознание в целом может быть

названо **антропоцентрическим**, поскольку для него характерны следующие особенности.

1) *Высшую ценность представляет человек.* Лишь он самоценен, все остальное в природе ценно лишь постольку, поскольку оно может быть полезно человеку, приносящее ему вред – антиценно. Природа объявляется собственностью человечества, причем, как само собой разумеющееся, считается, что оно имеет на это право.

2) *Иерархическая картина мира.* На вершине пирамиды стоит человек, несколько ниже – вещи, созданные человеком и для человека, еще ниже располагаются различные объекты природы, место которых в иерархии определяется полезностью для человека. Мир людей противопоставлен миру природы.

3) *Целью взаимодействия с природой является удовлетворение тех или иных прагматических потребностей:* производственных, научных и т. д., – получение определенного “полезного продукта”. Сущность его выражается словом “использование”.

4) *Характер взаимодействия с природой определяется своего рода “прагматическим императивом”:* правильно и разрешено то, что полезно человеку и человечеству.

5) *Природа воспринимается только как объект человеческих манипуляций, как обезличенная “окружающая среда”.*

6) *Этические нормы и правила действуют только в мире людей и не распространяются на взаимодействие с миром природы.*

7) *Дальнейшее развитие природы мыслится как процесс, который должен быть подчинен процессу развития человека.*

8) *Деятельность по охране природы продиктована дальним прагматизмом, необходимостью сохранить природную среду, чтобы ею могли пользоваться будущие поколения.*

Таким образом, современный антропоцентрический тип экологического сознания – это система представлений о

мире, для которой характерны: 1) противопоставленность человека как высшей ценности и природы как его собственности, 2) восприятие природы как объекта одностороннего воздействия человека, 3) прагматический характер мотивов и целей взаимодействия с ней.

Антропоцентрическое экологическое сознание пронизывает все сферы деятельности человека: хозяйственную, политическую, образовательную и т. д.

В экономических расчетах при планировании нового производства учитывается его прибыльность, рыночная конъюнктура, возможность удовлетворения спроса и т. п., иными словами, в центр внимания поставлен фактор полезности для человека, благополучие же мира природы вообще выносятся за рамки анализа. Даже если и проводится экологическая экспертиза, то, как правило, она осуществляется с точки зрения того, насколько изменится среда обитания человека, насколько это производство будет для него безопасным, т. е., в конечном счете, опять же с точки зрения человека, а не самой природы как таковой.

Экологическая информация в прессе построена на клише “в пределах допустимых норм”. Допустимых для человека, но ведь для отдельных видов животных и растений эти “нормы” могут оказаться запрещенными. Учебные программы по биологии, географии, экологии, призванные, в общем-то, воспитывать “ответственное отношение к природе”, пронизаны идеей полезности ее для человека: “вредные и полезные жуки”, “значение леса в народном хозяйстве”, “полезные ископаемые” и т. п.

Антропоцентрический тип экологического сознания очень устойчив, люди не хотят от него отказываться. По данным одного из исследований, порядка 90 % читателей газет просто избегают статей об экологических проблемах, поскольку они разрушают сложившийся “благополучный” образ мира: как говорится, катастрофа должна произойти, чтобы доказать, что она вообще возможна.

Но для преодоления экологического кри-

зиса необходимо новое видение мира, новый тип экологического сознания.

Новое экологическое сознание

Социальные истоки возникновения так называемого “нового экологического сознания” хорошо иллюстрирует история развития США. На начальном этапе – это история освоения новых земель на Западе. Наличие открытой границы сформировало представление о возможности неограниченного экстенсивного роста.

Экстенсивный путь был естественным и самым простым способом снятия социального напряжения – недовольные своей жизнью могли уйти на Запад и установить там свои собственные порядки. Американская демократия того этапа и природное изобилие были взаимосвязанными явлениями.

Но к середине XIX века запас свободных земель исчерпался и государственная граница приобрела значение границы экстенсивного роста. Это был первый в истории США экологический кризис, который вызвал переход к технологическому, урбанистическому направлению развития американской цивилизации.

В результате осмысления этого кризиса во второй половине XIX – начале XX вв. складывается общетеоретическая и мировоззренческая ориентация, получившая название *американского инвайронментализма*. В центре ее внимания оказывается взаимодействие общества со средой своего обитания. Эта ориентация проявилась в социологии, философии, политэкономии, правоведении, этике, эстетике, а также в социальных движениях за качество среды обитания.

Инвайронментальный консервационизм

Появление консервационистского крыла инвайронментального движения (Пауэлл, Пиншо, Фернау и др.) можно считать первым этапом новой, эгоцентрической тенденции развития общественного эколо-

гического сознания. Консервационисты провозгласили лозунг: “Максимум природных благ для большего числа людей на более длительный период”. Они призывали к необходимости реорганизации социальных институтов, чтобы можно было обеспечить рациональное природопользование и справедливое распределение природных ресурсов.

Тем не менее экологическое сознание, базирующееся на идеях консервационизма, не претерпевает каких-либо качественных изменений по сравнению с экологическим сознанием, сформировавшимся в Новое время: человек по-прежнему противопоставлен природе, воспринимает ее как объект, во взаимодействии с природой продолжает доминировать прагматизм. Но консервационизм принципиально изменил вектор развития экологического сознания: прагматизм сменяется “дальним прагматизмом”, утверждается необходимость консервации природных ресурсов для будущих поколений.

Универсальная этика, биоцентризм

Большую роль в формировании нового типа экологического сознания, в преодолении взгляда на природу как на простой объект человеческих манипуляций сыграла так называемая “универсальная этика” (Торо, Ганди, Швейцер и др.). Она не проводит в ценностном отношении разграничения между человеком и другими живыми существами: жизнь насекомого столь же ценна, как и жизнь человека, иными словами, представители природы такие же полноправные субъекты, как и человек, равны ему в своей самоценности.

Идеи “универсальной этики” стали идеологической базой такого направления американского инвайронментализма, как *биоцентризм*. Биоцентризм основывается на предположении естественного порядка, в котором все движется в соответствии с естественным законом; порядка, в котором поддерживается самый тонкий и совершенный баланс до тех пор, пока в нем не появ-

ляется человек со всем его “невежеством и самонадеянностью”. Биоцентристы рассматривают Природу как наиболее совершенное и наделенное духовными качествами существо, воплощающее в себе основополагающие принципы жизнедеятельности всего живого и разумного. Биоцентристы (Эмерсон, Кэтлин, Лоу, Олмстед, Элист и др.) выдвинули три основные идеи.

1. *Синкретичность мира* (от греч. *synkrutismos* – соединение, объединение). Если для экологистов свойственно рассмотрение человека как отдельной фигуры, возвышающейся на фоне окружающей его среды, то биоцентристы отвергают не только выделение человека, но и вообще представление о мире как состоящем из отдельных самостоятельных объектов. Мир – это единое целое, и поэтому не существует разделения субъекта и объекта, “человеческого” и “не-человеческого” и т. д.

2. *Биосферный эгалитаризм* (от франц. *égalité* – равенство). В соответствии с этой идеей, биоцентристы провозглашают равное право всех живых существ жить и процветать, равную *внутренне присущую* им ценность. Причем это не ценность, определяемая с точки зрения человека, связанная с перспективами того или иного их использования, а именно самоценность. Поэтому для биоцентристов рациональное природопользование и охрана природы лишь поверхностное проявление, вторичное следствие более глубоких связей с Природой.

3. *Принцип экологического самообеспечения*. Биоцентристы выступают против дальнейшего развития ради повышения жизненных стандартов. Человек может использовать природные ресурсы только в тех пределах, которые необходимы для самообеспечения существования человеческого вида. Материальные стандарты должны быть резко снижены, но вот качество жизни как удовлетворение духовных потребностей должно быть существенно улучшено.

Следует отметить, что биоцентризм является своего рода “радикальным” крылом инвайронментализма, биоцентристским

идеям присущ несколько мистифицированный, метафизический характер. Поэтому эти идеи имеют много оппонентов, критикующих их с самых разных позиций.

Таким образом, экологическое сознание, базирующееся на идеях универсальной этики, биоцентризма, характеризуется *высокой степенью психологической включенности человека в мир природы, высоко субъектным ее восприятием, доминированием прагматического над прагматическим характера взаимодействия с ней.*

Новое экоцентрическое экологическое сознание

70-ые годы XX века принято считать своеобразным рубежом в развитии западного общественного экологического сознания, который связан с постепенным осознанием того, что на смену “веку изобилия” постепенно начинает приходить “век постизобилия”.

Почти четыре столетия экстенсивного развития западной цивилизации создали иллюзию того, что такое развитие может продолжаться бесконечно. Она была обусловлена двумя факторами: 1) колонизацией второго полушария и 2) созданием новых технологий добычи топлива и энергоресурсов.

До этого времени экологические ограничения человеческой деятельности практически не давали о себе знать. Но к 70-м годам стало наблюдаться существенное замедление прогресса во всех областях общественной жизни. Это было связано, в первую очередь, с ростом цен на энергоносители во время “нефтяного кризиса”, что для современной индустриальной, энергоемкой цивилизации являлось сигналом приближающейся катастрофы.

Возникшая в конце 20-х – начале 30-х годов в США под впечатлением “великой депрессии” идея *пределов роста* стала находить все больше и больше сторонников. В соответствии с ней центральной для дальнейшего развития цивилизации станет проблема “экологического дефицита”.

Специалисты по экологической социологии предсказывают, что картина ожидаемого человечеством будущего разойдется с реальностью, которая наступит. “Экологический дефицит”, ограничив доступ людей к базе жизнеобеспечения, причем в глобальных масштабах, вызовет ситуацию паники, заставит людей действовать по принципу “каждый сам за себя” или “спасайся кто может”. Неизбежное обострение конкуренции за жизненные ресурсы приведет к разрыву групповых связей, девальвации нравственных ценностей. Нарастание контраста между “ожидаемым будущим” и реальностью и вероятность насильственного решения проблемы перераспределения природных ресурсов может привести к революциям и мировым войнам (постоянная напряженная ситуация и военные конфликты на Ближнем Востоке в борьбе за контроль над нефтедобычей – подтверждение правильности таких прогнозов).

Все это с неизбежностью ставило вопрос о необходимости новой системы взаимоотношений человечества с природой. Понимание того, что антропоцентрическое экологическое сознание заводит в тупик, является психологической базой экологического кризиса, привело к возникновению так называемой “новой инвайронментальной парадигмы” (New environmental Paradigm), для которой характерны следующие постулаты.

1) Хотя человек и обладает исключительными характеристиками (культура, технология и т. п.), он остается одним из множества видов на Земле, взаимозависимых и включенных в единую глобальную экологическую систему.

2) Человеческая деятельность обусловлена не только социальными и культурными факторами, но и сложными биофизическими, экологическими связями, в которые он включен и которые налагают на его деятельность определенные физические и биологические ограничения. Человек живет не только в социальном, но и природном контексте.

3) Хотя человеческий интеллект позволяет существенно расширить возможности

его существования в социальной и природной средах, тем не менее экологические законы не утрачивают для него своей обязательности.

Базирующееся на “новой инвайронментальной парадигме” экологическое сознание в целом может быть названо **экоцентрическим**, поскольку для него характерны следующие особенности:

1) *Высшую ценность представляет гармоничное развитие человека и природы.* Природное признается изначально самоценным, имеющим право на существование “просто так”, вне зависимости от полезности или бесполезности и даже вредности для человека. Человек не собственник природы, а один из членов природного сообщества.

2) *Отказ от иерархической картины мира.* Человек не признается обладающим какими-то особыми привилегиями на том основании, что он имеет разум, наоборот, его разумность налагает на него дополнительные обязанности по отношению к окружающей его природе. Мир людей не противопоставлен миру природы, они оба являются элементами единой системы.

3) *Целью взаимодействия с природой является максимальное удовлетворение как потребностей человека, так и потребностей всего природного сообщества. Воздействие на природу сменяется взаимодействием.*

4) *Характер взаимодействия с природой определяется своего рода “экологическим императивом”* – правильно и разрешено только то, что не нарушает существующее в природе экологическое равновесие.

5) *Природа и все природное восприни-*

мается как полноправный субъект по взаимодействию с человеком.

6) *Этические нормы и правила равным образом распространяются как на взаимодействие между людьми, так и на взаимодействие с миром природы.*

7) *Развитие природы и человека мыслится как процесс коэволюции, взаимовыгодного единства.*

8) *Деятельность по охране природы продиктована необходимостью сохранить природу ради нее самой.*

Таким образом, экоцентрический тип экологического сознания – это система представлений о мире, для которой характерны: 1) ориентированность на экологическую целесообразность, отсутствие противопоставленности человека и природы, 2) восприятие природных объектов как полноправных субъектов, партнеров по взаимодействию с человеком, 3) баланс прагматического и непрагматического взаимодействия с природой.

Экоцентрический тип сознания представляет собой кардинальную смену образа мира, которую можно, пожалуй, сравнить с тем переворотом в сознании, который был произведен Коперником сменой геоцентрической (от греч. *gē* – земля) модели солнечной системы на гелиоцентрическую (от греч. *hēlios* – солнце). Как тогда Земля потеряла статус центра вселенной и его заняло Солнце, так и теперь человек должен отказаться от представления о себе как “центре” природы, мира, а это место должен занять принцип экологической целесообразности, “экологический императив”.

ЛЮБОВЬ К ПРИРОДЕ: СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ

В.Е. Борейко

Киевский эколого-культурный центр

Любовь к природе возникает из того лучшего, что в ней заключено. Мы любим ее как град божий несмотря на то (а скорее как раз потому), что в этом граде нет жителей.

Р. Эмерсон

Любовь к животным сама собой приводит к тому, что люди требуют самых породистых, и это в свою очередь неизбежно порождает жестокость.

Я. Кавабата

Что такое любовь к природе

О необходимости любви к природе на уроках школьного естествознания еще в XIX веке писали русские педагоги Ястребцов, Сальцман, Симашко; известный педагог-естественник Д.Н. Кайгородов неоднократно заявлял: “Нужно культивировать в школе не мертвую науку о природе, а живую любовь к природе и Божьим творениям” (13). К такому же мнению в начале XX века пришел и известный педагог Стенли Холл (22).

Одну из наиболее серьезных работ обсуждению такого сложного и таинственного понятия как любовь к природе посвятил известный российский педагог и деятель охраны природы Б.Е. Райков еще в 1915 году (6). По его мнению, любовь к природе является “отвлеченным чувствованием собирательного характера”. В него входят разнообразные и сложные переживания, как то:

“1. Наслаждение красивыми формами, красками, звуками и связанные с этим восприятия и представления;

2. Удивление перед разнообразием форм и явлений в природе, интерес перед новым, неизвестным, проистекающее отсюда стремление узнать, понять, объяснить наслажде-

ние от успеха самостоятельных попыток и достижений в этой области;

3. Преклонение перед величием природы, ее возвышенной красотой, необъятностью, переходящее в чувство умиления, сознания собственного ничтожества, скоротечности нашего бытия перед лицом вечности, священный трепет перед бесконечностью” (6).

Кроме этого, Б.Е. Райков полагал, что любовь к природе складывается из трех групп чувствований: эстетических, этических и интеллектуальных.

С ним частично не согласен автор легендарной “Розы мира” Даниил Андреев: “Но напрасно толкуют о любви к природе естествоиспытателей. Интеллектуальную любовь можно испытывать только к продукции интеллекта – именно умом любить идею, мысль, теорию, научную дисциплину. Так можно любить физиологию, микробиологию, даже паразитологию, но не лимфу, не бактерии и не блох. Любовь к природе может быть явлением физиологического порядка, может быть явлением порядка эстетического, наконец – порядка этического и религиозного. Явлением только одного порядка она не может быть – интеллектуального. Если отдельные специалисты-естественники и любят природу, то

это чувство не имеет никакой связи ни с их специальностью, ни вообще с научной методикой познания Природы: это чувство или физиологического, или эстетического порядка” (14).

Кстати, как тут не вспомнить русского поэта Я. Полонского, писавшего, что “любовь к природе нет без чувства красоты”. По мнению известного английского культуролога и экофилософа Джона Рескина, любовь к природе – самое здоровое чувство, несовместимое со злыми страстями: “Отсутствие любви к природе не является несомненным недостатком, но наличие этого чувства – обязательный признак доброго сердца и справедливого нравственного чувства... степень глубины этого чувства, вероятно, определяет и степень благородства и красоты характера” (цит. по: 11).

По его мнению “любовь к природе, где бы она не проявлялась, всегда была волнующим и святым элементом чувства” (цит. по: 11), а человек, который больше других любит природу, всегда оказывается более способным в вере в Бога.

Известный польский пионер охраны природы, юрист, культуролог и экофилософ Ян Павликовский писал: “Любовь к природе соединяет человека с Землей, и ведь, собственно эта любовь является источником и одновременно плодом охраны природы. Известен тот психологический факт, что прежде всего любим то, что является предметом наших забот (...). Охрана природы – это деятельная любовь, активная, в ней эта любовь является, становится реальностью, благодаря ей усиливается. А эта любовь для природы имеет высокую моральную ценность. Укрепляет она связь солидарности со всем сущим, расширяет горизонты наших благородных чувств, является источником благородного бескорыстного удовлетворения, дает мысли покой и отдых” (цит. по: 11).

Любовь к природе может прийти к человеку неожиданно, поразить как гром среди ясного неба. Вот как рассказывает о таком случае Д. Андреев: “Лично у меня все началось в знойный летний день 1929 года

вблизи городка Триполье на Украине. Счастливо усталый от многоверстовой прогулки по открытым полям и по кручам с ветряными мельницами, откуда распахивался широчайший вид на ярко голубые рукава Днестра и на песчаные острова между ними, я поднялся на гребень очередного холма и внезапно был буквально ослеплен – передо мной, не шевелясь под низвергающимся водопадом солнечного света, простиралось необозримое море подсолнечников. В ту же секунду я ощутил, что над этим великолепием как бы трепещет невидимое море какого-то ликующего живого счастья. Я ступил на самую кромку поля и с колотящимся сердцем прижал два шершавых подсолнечника к обеим щекам. Я смотрел перед собой на эти точки земных солнц, почти задыхаясь от любви к ним...” (14). Писатель назвал это “первым прозрением”: “рано или поздно наступит первый день – внезапно ощутишь всю Природу, как если бы это был первый день творения и земля блаженствовала в райской красе” (14).

Таким образом, под любовью (влечением, приверженностью, страстью) к природе можно подразумевать сложную смесь неподвластных волевому регулированию этических, эстетических, религиозных чувствований, имеющих заинтересованный характер и основанных на восхищении и наслаждении красотой природы, симпатии, преклонении и благоговении перед ней и т.п. Любовь к природе вызывает альтруистические и одновременно эгоистические мотивации быть рядом с объектом любви, смотреть на него, обладать им или защищать его.

Любовь к природе отличается от любовного (чувственного) отношения к природе, под которым понимается воспитываемая в человеке симпатия, сострадание, уважение, доброта к природе, умение ею любоваться и желание защищать природу.

Любовь к природе может быть составной частью любви к Богу, а также к отечеству (являясь мотивацией патриотизма или природоохраны).

В заключение несколько слов о таком

ходячем представлении как любовь к природе у охотников. По мнению Д. Андреева, “охота не находится с любовью к природе ни в какой связи”. В качестве доказательства он ссылается на Тургенева, страстного охотника и автора, честного с читателем. Вот эта фраза: “Природой на охоте я любоваться не могу – все это вздор, ею любоваться, когда лежишь или присядешь отдохнуть после охоты. Охота – страсть, и я, кроме какой-нибудь куропатки, которая сидит под кустом, ничего не вижу и не могу видеть. Тот не охотник, кто ходит в дачные места любоваться природой” (Д. Садовников. Встречи. О Тургеневе).

Любовь к природе и рыночные отношения

Как я уже писал выше, любовь к природе может вызывать не только альтруистические, но и эгоистические мотивации: быть рядом, наслаждаться, обладать объектом любви. Именно эгоистические мотивации, вызванные любовью к природе, ведут к таким вредным для природы практикам как коллекционирование бабочек, любительская охота, туристский “перевыгул” и т. п.

Соединение любви к природе с рыночными отношениями является взрывоопасной смесью. Еще в 1913 году известный польский природоохранник Ян Павликовский предупреждал: “Очередь наступила и для красивой, полной свежести и силы идеи любви к природе. Вынесенная на торг как мода, в жизни она привилась под двумя лозунгами: сделать природу красивой и сделать ее доступной. Сами по себе те лозунги невинны, и могли быть даже полезными, но в исполнении стали опасными и чисто убийственными для идеи” (20).

Евгений Евтушенко в “Балладе о нерпах” верно сказал:

Нерпы, нерпы, мы вас любим,
Но дубинками вас лупим,
Ибо требует страна.
По глазам вас хлещут люто,

Потому что вы – валюта,
А валюта нам нужна...

Если спросить охотников, то они тоже любят природу. Но по своему, через прицел ружья. Часто такая любовь бывает эгоистической не только у охотников, но и рыбаков, грибников, туристов. Михаил Пришвин пытался защитить охотников: “Многим непонятно, как это можно любить природу и всей душой сосредотачиваться на убийстве животных... Со стороны, и правда, это совсем невозможно понять, но по себе мы должны разобраться и в природе охотника-поэта. Мы так понимаем, что каждый страстный охотник является обладателем огромного и многим вовсе неведомого чувства природы. Прямо же тут, за околицей, для него начинается волшебный мир. Ему нужен трофей, доказать, что мир чудес существует и начинается тут, совсем близко. А сколько раз, бывало, в какую-нибудь деревеньку приходит дикий поэт-охотник с глухарем в руках, и вся деревня собирается вокруг охотника, и вся деревня удивляется, и тут между ребятами утверждается новая правда: за околицей начинается действительно мир чудес.

Так было в веках, с этого началось: само же страстное чувство природы требует поймать бегущего зверя, метким выстрелом остановить летящую птицу. И после самому, своей собственной рукой, поднять, поддержать...

На этом для самого дикого поэта страсть кончается и остается еще тоже большое наслаждение: показать свой трофей близкому человеку, убедить, удивить – такой чудесный мир у нас так близко, прямо же тут, за околицей”... (“Корабельная чаща”). (цит. по: 23).

Как мы видим, защита охотников Пришвину, несмотря на весь его блистательный талант писателя, не удалась. Во всем этом многословии сквозит обыкновенный человеческий эгоизм, желание обладать и наслаждаться предметом любви любой ценой. Пусть даже путем самым страшным – путем убийства живого существа.

Любовь к природе как мотивация природоохраны

Людям свойственно защищать то, что они любят. Поэтому, наверное, защитники природы выработали твердую уверенность, что любовь к природе является чуть ли не основной мотивацией природоохраны.

“Мы защищаем то, что любим”, – сказано в Манифесте Движения дружин по охране природы, принятом в 1994 году (1).

Святой Франциск Ассизский, объявленный Ватиканом святым патроном защитников природы, в свое время предложил любить природу, цветы, птиц как своих братьев и сестер, то есть как своих ближних, к чему, кстати, и призывает христианская этика. Создавая в 1935 году кедровый резерват, западноукраинский митрополит А. Шептицкий одной из главных задач резервата назвал способствование тому, чтобы там “молодежь черпала любовь к родной земле и училась познавать ее красоту” (16).

“Берегите, любите, охраняйте нашу природу” – призывал в своей проповеди “Красота природы” архиепископ Саратовский и Волгоградский Пимен (17).

Лидер Международного Социально-экологического Союза Святослав Забелин стоит на сходной позиции: “Социальными предпосылками нашего подхода [к охране дикой природы – **В.Б.**] являются все проявления и формы любви как высшего проявления человеческой духовности и Любви к Природе, в частности Любви, как счастливого дарения себя и своего достояния – другому... Заповедание, т. е. дарение территории в полное и ненарушаемое распоряжение населяющим ее существам – и есть материализация этой любви во всей ее полноте” (3).

Известный французский природоохранник Жан Дорст (2) писал, что спасти природу может только любовь, только чувство восхищения, а не расчет. С ним согласен видный российский деятель заповедного дела Ф.Р. Штильмарк: “Поэтому идеалисты, считающие, что спасти природу может только любовь, по нашему убеждению, бо-

лее правы, чем те, кто призывает к разумному управлению биоценозами...” (4).

А Олдо Леопольд заявил: “Я не представляю себе, что этическое отношение к земле может существовать без любви и уважения к ней, без благоговения перед ее ценностью” (21).

“Дефицит любви – одна из причин неблагополучия в обществе и в его отношении с земной природой”, – считает преподаватель философии Московского университета Л.Н. Самойлов (5). По его мнению любовь – самое экологически позитивное отношение человека к природе.

А российский писатель-природоохранник В. Чивилихин даже поставил вопрос так: “Мне кажется, что наступило время, когда любить природу – мало. Любит ли она тебя, и что ты сделал для того, чтобы она тебя любила?” (18).

Согласно известному американскому писателю и экофилософу Эдварду Эбби любовь к природе “это выражение благодарности земле, которая нас родила, вскормила и стала нашим домом, единственным нужным нам раем, если только мы можем это понять” (19).

По мнению американского экпсихолога Джеймса Свана, любовь к природе, желание ее защищать возникает не на основе знаний, а на основе эмоциональных переживаний. И в этом очень могут помочь священные природные места – такие места, где мы вновь можем обрести “любовь к нашей второй матери – земле” (24).

Можно ли “научить” любить природу?

Известный российский деятель охраны природы, московский географ Ю.К. Ефремов даже стихотворно обосновал развитие чувства любви к природе:

Люблю и знаю,
Знаю и люблю,
И тем полней люблю,
Чем глубже знаю (12).

Однако, как справедливо пишет В.П. Чижова, “далеко не всегда и не у всех зна-

ния предшествуют любви или играют существенную роль в ее возникновении и укреплении. Обратимся на этот раз к другому литературному авторитету – М. Пришвину: “Разве я не понимаю незабудку: ведь я и весь мир чувствую иногда при встрече с незабудкой, а скажи – сколько в ней лепестков, не скажу. Неужели вы меня пошлете изучать незабудку?” А уж в том, что Пришвин не только понимал природу, но и любил ее и знал – и не с позиции ученья, а через восприятие сердцем, я думаю, никто не сомневается” (12).

С В.П. Чижовой согласен известный педагог-природоохранник К.Н. Благодослов (26): “Чтобы любить природу, нужно ее знать” – формула педагогики, которая вызывает возражения. Можно пойти еще дальше, рассмотрев известное стихотворение Н.К. Рериха “Не убить?”, в котором рассказывается о том, что мальчик, дабы изучить птичку, убил ее. Однако навряд ли он от такого “изучения” стал еще больше любить ее, если вообще любил. Действительно, любовь к природе и объем знаний о ней – понятия не пропорциональные, а нередко и наоборот пропорциональные. Недаром кто-то из великих сказал: “Лекарство от любви – узнать поближе”.

Утверждение, что чем больше мы изучаем природу, тем больше ее любим – является сужением вопроса. Порой бывает и наоборот – чем ближе мы узнаем (человека), тем меньше мы его любим. А может быть, и вообще любовь к природе никак не зависит от интеллектуальных знаний. Проблема “воспитания” любви к природе состоит еще и в том, что любовь, как мотивация – очень ненадежна, так как скоротечна и избирательна. Более того, как справедливо отмечал известный американский психолог и философ Э. Фромм (10), не все способны на любовь.

Как справедливо считает российский экпсихолог С.Д. Дерябо, любовь не подвластна волевому регулированию, то есть находится вне влияния человека. Ее невозможно формировать, невозможно научить людей любить природу, как и воспитать

“любовь к природе”. Она приходит независимо от воли человека, это подтверждают и народные пословицы: “Любовь зла, полюбишь и козла”, “Сердцу не прикажешь”. По мнению Э. Эбби – “любовь к дикой природе сильнее, чем голод, она всегда вне досягаемости для разума” (19). Можно формировать уважение к природе, законопослушание, чуткое отношение к природе, но формировать любовь к природе нельзя. Формулу любви не смог объяснить даже опытный маг – граф Калиостро. Кстати, такой же неожиданной, личностной, не подвластной волевому регулированию может быть и ненависть к природе. От которой к любви (или наоборот), как известно, один шаг.

Любовь к природе – это дело очень личное, интимное. Ей, как и любви к Богу, нельзя научить, особенно в школе с ее казенщиной. Вспомним, до 1917 г. Закон Божий преподавался во всех школах, но это не спасло страну ни от революции, ни от безбожия.

“Любовь, – писал Виктор Гюго, – как дерево, она вырастает сама собой”. С ним согласен Стендаль, заявивший, что любовь подобна лихорадке – она рождается и гаснет без малейшего участия воли. Действительно, о каком волевом регулировании любви может идти речь, если любовь – это болезнь, дар небес, безумие. “Любовь подобна удаче – она не любит, чтоб за ней гонялись” (Т. Готье), “Любовь возникает внезапно и безотчетно” (Ж. Лабрюйер) (15).

В.И. Даль определял любовь следующим образом: “Любить (...) – это избрание и предпочтение кого-то по воле, волею (а не рассудком), иногда и вовсе безотчетно и безрассудно”.

Другая трудность воспитания любви к природе состоит в том, что люди, как правило, любят больше живописные пейзажи, симпатичных животных, красивые растения. Как говорится, любовь есть желание наслаждаться красотой. Но ведь 98 % всех видов животных относятся к членистоногим, которых трудно записать в число явных красавцев. А значит, им не достанется

наша любовь. А что говорить о червях, простейших, микробах, вирусах? Сможет ли полюбить большинство людей пустоши или болота?

К. Лоренц пишет: “Наша любовь к ближнему настолько разбавляется массой этих ближних, притом слишком близких, что, в конце концов, даже следов ее невозможно обнаружить. Кто хочет испытывать сердечные и теплые чувства к людям и вообще, должен сосредоточить их на необходимом числе друзей: как бы ни было правильно и этично требование любить всех людей, мы так устроены, что не можем его исполнить” (28). Это же замечание справедливо и в отношении видов животных и растений. Такие же аргументы приводит и В.И. Грищенко (27), коснувшийся проблемы любви к природе.

Вспомним еще раз слова Я. Полонского, что “любви к природе нет без чувства красоты”. Но ведь болота или комары и черви не вызывают эстетического наслаждения, значит, на них трудно или невозможно распространить человеческую любовь. А нет любви – нет охраны. Что ставит под сомнение любовь к природе как эффективную и универсальную мотивацию ее защиты.

Другой спорный вопрос заключается в том, что каждый человек по своему понимает любовь к природе, вкладывая в это понятие свое, субъективное отношение. Получая наслаждение от красоты рощи или речки, многие любители природы не готовы и не желают прийти на помощь природе.

Еще одна проблема состоит в том, что любовь к природе, так же как и благоговение перед жизнью – это не правило, которое мы можем применять в специфической ситуации. Это скорее понятие, или даже черта характера. Любовь к природе, в отличие от экологической этики не дают нам ответ на вопрос, как нужно поступать, скажем, в случае, когда происходит конфликт интересов природы и человека.

Нельзя не согласиться с московским экофилософом, профессором А.Н. Тетиором: “...можно любить всю природу или

только ее красивую часть, можно благоговеть перед живой природой, но, очевидно, не перед всей, – есть и очень негативные предметы и явления, перед которыми нельзя благоговеть, которые нельзя любить. Введенные в моделях идеальных экологических этик, понятие “благоговение” и “любовь” носят человеческий, антропоморфный характер и поэтому неприменимы для объективной оценки взаимодействия с природой” (25).

Исходя из вышеизложенного, любовь к природе не может считаться универсальной природоохранной мотивацией или идеологией, формирующей и объединяющей движение в защиту природы.

Интересно, что ряд авторов – известный русский педагог П.Ф. Каптерев (29), англичанин С. Холл (22) предпочитают говорить не о воспитании любви к природе, а о воспитании симпатии к природе и чувственного к ней отношения. На мой взгляд, с такой постановкой вопроса и терминологией можно согласиться.

Любить или уважать природу?

Известный австралийский экофилософ и один из основателей международного Движения освобождения животных Питер Сингер более чем скептически относится к любви к природе: “Мы не испытываем какой-то “любви” к животным. Мы просто хотим, чтобы с ними обращались как с независимыми существами, которыми они и являются, а не как с предметами целей человека...” (7).

Американский экофилософ Пол Тейлор полагает, что уважение к природе куда важнее любви к ней. Уважение к природе, как основанное на незаинтересованности, отличается от любви к природе, основанной на наборе заинтересованных чувств и predisposedностей. Последнее происходит от нашего личного интереса к природному миру и реакции на него. Подобно нежным чувствам, испытываемым нами к определенным людям, наша любовь к природе является ничем иным как проявлением та-

ких чувств к диким существам. Точно так как наша любовь к отдельному человеку отличается от нашего уважения ко всем личностям как таковым (любим ли мы их или нет), так и любовь к природе отличается от нашего уважения к природе. Уважение к природе – это такое отношение, которое мы испытываем вне зависимости от того, любим мы природу или нет. Уважение к природе, в отличие от любви к природе, основывается на экологической этике и соответствует определенным правовыми обязанностями (таким, как непричинение зла и невмешательство) и чертам характера (таким как справедливость и благожелательность) (8).

В данном случае, осуществляя волевое действие в защиту природы на основе принципов экологической этики, человек осознанно противостоит власти непосредственно испытываемых потребностей, чувств, влечений, страстей, инстинктивных побуждений, импульсивных решений. Для волевого акта на основе принципов экологической этики характерна не мотивация “я хочу”, а мотивация “надо”, “я должен”, “я обязан”, а также осознание ценностной характеристики цели действия. Благодаря этому человек представляет собой единственное существо, которое ради охраны природы может добровольно действовать наперекор своим собственным интересам.

“Уважение к природе коренным образом отличается от любви к природе. Моральное уважение к природе не есть какая-то личная приверженность или забота из любви к природе. Чувства, которые человек может питать к животным или растениям, могут заставлять его тревожиться об их благополучии. Человек может особенно любить какой-либо конкретный вид диких растений или животных... и, конечно, тревожиться и заботиться об этих конкретных живых существах. Если тревога и забота такого рода являются следствием личных эмоций, они являются частью нашей любви к природе. Однако, они не являются свидетельством отношения уважения к природе, если человек не считает его свои дол-

гом. Отношение уважения к природе не является частью личного отношения человека к природе, его любви к природе.

Различие между уважением и любовью имеет важнейшее значение для понимания того, что требуется для рационального обоснования уважения к природе. Поскольку основой уважения не является наша эмоциональная привязанность к каким-либо живым существам, тот факт, что какое-либо существо кажется нам привлекательным, вовсе не имеет отношения к принятию нами отношения уважения к природе, или выражения этого отношения в том, как мы с этим существом обращаемся (...). Если мы приняли этику уважения к природе, привлекательность или непривлекательность природы ни в коей мере не влияет на нашу непредвзятую, справедливую заботу о ее благополучии. Принятие отношения уважения к природе – это принятие определенного набора моральных стандартов и правил как веских этических норм” – пишет П. Тейлор (8).

Уважение к природе отличается от чувства любви к природе, поскольку хорошие действия по отношению к ней являются этически обязательными вне зависимости от наших чувств. По И. Канту, любовь, как вообще симпатия, не нравственна (ибо она может нести как добро, так и зло), а нравственно лишь сознание обязанности, бесстрастного почитания нравственного закона. Действительно, человек может не испытывать к природе особых чувств, но уважать ее и потому охранять. Я, например, не люблю домашних кошек, однако уважаю их и не позволю кому-то таскать их за хвост (9).

Уважение – позиция, предписывающая не причинять вред другому: ни физически – насилием, ни морально – суждением.

Так, американские аболиционисты призывали освободить негров от рабства, начать уважать их права и свободы, но отнюдь не любить негров. Подобная аналогия напрашивается и с природой. Нужно научиться уважать ее права и свободы, а любить или не любить – это личное дело каждого.

* * *

Таким образом, ответственное, гуманное отношение к природе можно формировать при взаимодействии как чувственного (жалость, восхищение, сострадание и т. п.), так и интеллектуального (экологические и этические знания) воспитания. Что же касается любви к природе, то она всегда будет оставаться неподвластным человеку сопутствующим природоохранным мотивом.

И последнее. Природа должна быть защищена вне зависимости от наших чувств, вне зависимости от того, любим ли мы ее или нет. Природа должна быть защищена по той простой причине, что она имеет право на существование.

Литература

1. Манифест Движения дружин по охране природы, 1996, Спецбюллетень Охрана природы "Про эко", №11, стр.12.
2. Дорст Ж., 1968, До того, как умрет природа, М.
3. Забелин С.И., 2000, Проект новой концепции охраны дикой природы, Гуманитарный экологический журнал, т.2, вып.1 стр. 3-5.
4. Штильмарк Ф.Р., 2001, Абсолютная заповедность как высшая форма экологической этики, Гуманитарный экологический журнал, т.3, спецвыпуск, стр.127-128.
5. Самойлов Л.Н., 2002, О любви к природе, Гуманитарный экологический журнал, т.4, спецвыпуск, стр.127-129.
6. Райков Б.Е., 1915, Школьное естествознание и любовь к природе, в кн. Райков Б.Е., Вагнер В.А., Естествознание в школе, Пг. Образование, стр.5-39
7. Сингер П., 2003, Освобождение животных, К. КЭКЦ, 132 стр.
8. Taylor, 1989, Respect for nature: a theory of environmental ethics, Princeton University Press, 329p.
9. Борейко В.Е., 2001, Прорыв в экологическую этику, К., КЭКЦ, 204 стр.
10. Фромм Э., 1991, Искусство любви, Минск, Полифакт, 77 стр.
11. Борейко В.Е., 2002, Философы дикой природы и природоохраны, К., КЭКЦ, 16 стр.
12. Чижова В.П., 1997, Любовь к природе (в вопросах и ответах), В кн. Любовь к природе. Материалы международной школы-семинара "Трибуна-6", К. КЭКЦ, стр. 87-92
13. Кайгородов Д.Н., 1907, На разные темы, Спб, стр.92
14. Андреев Д., 2003, М., 300 стр.
15. Энциклопедия афоризмов, 1999, Издательство АСТ, М., 720 стр.
16. Борейко В.Е., 1995, Заповедники как гордость нации и национальный символ, В кн. Экологическое просвещение и работа с населением в государственных природных заповедниках и национальных парках, М., стр.27-32.
17. Пимен, 1989, Красота природы, Журнал Московской Патриархии, №10
18. Чивилихин В., 1968, Любит ли она тебя?, М., Сов. Россия, 314 стр.
19. Abbey E., 1968, Desert solitaire: a season in the wilderness, New York, Avon Books.
20. Pavlikowski J.G., 1913, Kultura a natura, t.4, Lamus, Krakov Warszawa
21. Леопольд О., 1980, Календарь песчаного графства, Мир, 216 стр.
22. Холл С., 1914, Эволюция и воспитание чувства природы у детей, Спб. 70 стр.
23. Смирнов С., 1967, Охотничья проза и поэзия за 50 лет, Охотничьи просторы, №25, М., Физкультура и спорт, стр 7-58.
24. Swan James, 1990, Sacred places: how the Living earth seeks our friendship, Bear and Company Publishing, Santa Fe, New Mexico, 237p.
25. Тетиор А.Н., 2004, Целостность, красота, целесообразность мира множественной природы, М., 444 стр.
26. Благосклонов К.Н., 1982, Некоторые педагогические аспекты охраны животных, В кн. Проблемы охраны фауны, ч.II, М., МГУ, стр. 101-103.
27. Грищенко В.Н., 2002, Познание и любовь к природе, Гуманитарный экологический журнал, т.4 спецвыпуск, стр.79-89.

28. Лоренц К., 1998, Восемь смертных грехов цивилизованного человечества, Обратная сторона зеркала, М., Республика, 60 стр.

29. Каптерев П.Ф., 1999, Воспитание у

детей любви к природе при помощи эстетического и нравственного чувств, Гуманитарный экологический журнал, т.1, в.2, стр.68-69.

НОВАЯ ЭВОЛЮЦИЯ БИОСФЕРЫ

В.Ф. Левченко

Институт эволюционной физиологии и биохимии РАН, г. Санкт-Петербург

Эволюция жизни и развитие информационного обмена в биосфере

Еще Пьер Тейяр де Шарден (1987) писал о том, что эволюция пронизывает все уровни биологической организации – от микроорганизмов до экосистем, включающих в себя множество популяций самых разных видов. Поэтому особенности эволюции жизни на Земле могут рассматриваться с разных точек зрения, например, с позиций традиционной биологии, или же касаться того, как изменяются экосистемы и геологические условия в тех или иных частях планеты в процессе глобальной эволюции всей биосферы. В то же время эволюция жизни может обсуждаться и с информационной точки зрения, хотя бы потому, что у всех живых организмов имеется генетическая память. В процессе существования биосферы идет непрерывная передача (с искажениями) – генетической информации между организмами разных поколений, происходит обмен организмами между разными ее частями, и, следовательно, обмен генетической информацией.

Можно сказать, что биосфера, как и отдельные организмы, “помнит” свое прошлое, поскольку у нее есть механизмы памяти. Это, во-первых, генетическая память организмов биосферы ее составляющих, а, во-вторых, “память среды”, то есть необратимые изменения на планете, происходящие в процессе биосферной эволюции. В.И. Вернадский (1960) посвятил многие свои

работы именно таким геологическим изменениям, вызванным процессами жизнедеятельности населявших планету в течение последних трех миллиардов лет живых существ. Когда такие, по сути, необратимые изменения происходят, они влияют на весь ход дальнейших эволюционных процессов.

Принципиально новая ситуация сложилась с появлением на планете человека. Развитие человеческой цивилизации началось с появления вида *Homo sapiens*, представители которого обладали развитой нервной системой. Но главное, отличавшее людей от всех иных биологических видов, заключалось в том, что они обладали новыми способами передачи важной для выживания информации. Это стало возможным после возникновения абстрактного мышления и языковых средств коммуникации. Иначе говоря, главным “эволюционным изобретением” человека было то, что он научился передавать огромное количество информации не только генетическим путем – от поколения к поколению, но и посредством речи. В итоге каждый человек получил возможность использовать в своей жизни индивидуальный опыт множества других людей, причем зачастую не только современников, но и людей прошлого.

Стоит отметить, что при таком, то есть посредством языковых средств, способе обмена информацией, от человека к человеку передается не просто совокупность сведений о конкретных событиях и явлениях окружающей среды. Часто это некоторый об-

общенный опыт, в том числе и всевозможные полезные для выживания навыки, которые подразумевают использование приспособлений и технических средств. В обыденной жизни мы обычно почти не вспоминаем об этом, но ведь, например, наша одежда, жилища и многие другие удобства цивилизации – все результат использования чужого, или лучше сказать, общечеловеческого опыта, причем, как правило, не только современников, но и множества людей прошлого.

Хорошо известно, что такие эволюционные достижения нервной системы, как возможность использования чужого индивидуального опыта через наблюдение, подражание и обучение, передача сведений о ситуации, например, об опасности, а также различные способы коммуникации существовали и существуют не только у человека. Многие виды высших, особенно социальных животных, в той или иной степени владеют этими средствами, используют для общения механизмы звуковой и запаховой коммуникации, и это способствует их успешному выживанию. Однако только в случае человека, как показывает вся история развития человечества, упомянутый обобщенный опыт, важнейшие навыки в целом накапливаются в человеческой популяции в течение этой истории. У животных накопления такого опыта не происходит, а то немногое, что известно стае и передаваемое от поколения к поколению, касается, главным образом, конкретных условий обитания. Весьма часто при этом главным носителем “мудрости” выступает вождь стаи или же стайная элита. Например, у ряда перелетных птиц, далеко не каждая особь может стать вожаком, а потенциальных вожаков специально воспитывают другие, более опытные птицы (Дольник, 1994; Мак-Фарленд, 1998).

У архаичных и древних культур передача и накопление опыта происходит в результате обучения, во многом основанного на запоминании того, что передано и получено, главным образом, посредством речи. Даже в наше время в отдаленных уголках

Африки и Австралии живут еще такие первобытные племена. Интересно, что у некоторых из них имеются специальные хранители племенного знания, своего рода первобытные мудрецы. С появлением же письменности и, соответственно, книг и библиотек передача и накопление человеческого опыта и знаний существенно упростились.

Таким образом, обладание навыками, помогающими существовать в очень разных условиях среды, причем таких, для которых биологически человек неприспособлен, – все это следствие того, что люди постоянно используют то, что антропологами называется культурным наследием. Разумеется, помимо использования такого наследия, огромную роль имеет еще и “культурная трансмиссия”, то есть постоянный обмен информацией между людьми своей и иных культур (Броди, 2001). Для описания процессов передачи “культурной”, негенетической информации был придуман специальный термин: по аналогии с генами Докинс (Dawkins, 1976) ввел понятие мемов – минимальных единиц культурной трансмиссии. Мемы могут создаваться, сохраняться, быть передаваемыми и принимаемыми только живыми существами, имеющими абстрактное мышление и живущими в некотором едином информационном социуме (со всеми его мифами, контекстами и т. п.), то есть людьми.

Из рассказанного несложно понять, что и эволюция человека, и эволюция всей жизни на Земле так или иначе связана с запоминанием, накоплением информации. Понимая обучение в широком, эволюционном смысле, можно сказать, что оно возможно не только при наличии нервной системы в процессе индивидуального развития, но и на основе использования иных механизмов памяти, например, генетической памяти. Действительно, в результате естественного отбора происходит как бы обучение на популяционном уровне, поскольку при этом выявляется и сохраняется в поколениях существенная для выживания генетическая информация. Ход эволюции жизни на Земле можно поэтому описать как постепен-

ное “самообучение” живого способом эксплуатации среды (Maturana, Varela, 1980; Varela, 1981; Капра, 2002).

Как уже говорилось, наличие нервной системы позволяет использовать не только популяционный опыт, но еще и собственный, иными словами, позволяет дополнительно обучаться в течение жизни. У социальных животных, обменивающихся информационными сообщениями, появляется дополнительная возможность обучения на основе использования результатов чужого индивидуального опыта. Венцом эволюции в этом направлении стал человек, который хранит и накапливает в виде культурного наследия результаты индивидуального опыта и мыслительной деятельности многих когда-либо живших членов человеческой популяции (в этом смысле культурное наследие этноса отражает последствия обучения данного этноса окружающей природно-социальной средой).

Поскольку скорости и объемы обмена информацией с помощью языковых средств несравненно выше, чем в случае генетических, то и эволюционные изменения биосферы планеты с появлением человека происходят много быстрее (об этом немного подробнее сказано ниже). Поэтому с тех пор, как информационный обмен между организмами стал осуществляться языковыми средствами и на вербальном уровне, наступил новый – информационно-технический этап сверхбыстрой эволюции биосферы (Левченко, 2000).

Таким образом, нетрудно прийти к выводу о том, что каждый принципиально новый этап эволюции жизни на планете сопряжен с началом использования новых способов передачи, хранения и использования информации. То, как значимая для жизни информация хранится, передается и используется, непосредственно влияет на весь ход эволюции живого и предопределяет ее основные этапы. При этом для новейшего этапа эволюции – техносферной эволюции – характерно использование не только новых, связанных со спецификой биологии вида *Homo sapiens* механизмов памяти и обмена информацией, но и спе-

циально изобретенных, нефизиологических средств запоминания массивов данных, то есть библиотек. Накопленные знания и навыки позволяют широко применять на этом этапе технические приспособления, которые помогают активно использовать дополнительные, неизвестные другим животным источники энергии (например, полезные ископаемые), создавать локально комфортные для жизни и различных видов деятельности условия среды (жилища и специализированные постройки) и т. п.

В этом контексте человек превращается из биологического существа в нечто подобное биомашине, у которой “биологическая начинка” снабжена и (или) пользуется множеством средств, являющихся усилителями физиологических возможностей. Это, например, приспособления, позволяющие более эффективно эксплуатировать окружающую среду, медицинские препараты и протезы, компенсирующие недостаточность функций естественных физиологических механизмов, средства защиты от неблагоприятных условий – одежда, жилища, а также усилители возможностей мозга – библиотеки, компьютеры и т. п. При таком подходе следует обсуждать уже не эволюцию человека, а эволюцию связанных информационным обменом разумных биомеханизмов, принадлежащих виду *Homo mechanicus*, или, если использовать традиционную для биологии латынь, *Homo machinalis*. Нет нужды предполагать, что такое возможно только где-то в фантастическом будущем, населенном супер-биороботами; будущее уже наступило, причем довольно давно, но мы – люди, занятые собственными делами, – не слишком это осознали.

Как подойти к эволюции био-технических существ? Пока никаких законченных теорий на этот счет не существует. Хотя, справедливости ради, стоит отметить, что попытки рассмотрения эволюции технических средств, в частности транспортных, уже предпринимались. При этом было показано, что для них, как ни удивительно, наблюдается ряд известных эволюционных закономерностей (Меншуткин и др., 1992; Меншуткин, 1995). Например, переход от

цепной передачи к карданному валу у автомобилей может рассматриваться как эволюционный скачок, а дальнейшие усовершенствования этого механизма передачи вращательного движения – как постепенное эволюционное развитие нового, удачного способа.

Человек и машина

Выше говорилось о том, что главные особенности человека как сверхуспешного, сверхгениального вида, сумевшего внедриться практически во все крупные природные экосистемы и биогеоценозы, определяются не столько его особыми физиологическими данными, сколько умением сохранять и быстро накапливать в популяции опыт и навыки, способствующие выживанию. В отличие от других видов, экологическая ниша вида *Homo sapiens* определяется не только генотипом, но зависит также и от знаний и навыков, передающихся негенетическим путем. Большую роль в развитии человека и цивилизации играл и играет социум, предопределяющий через социальные правила и мифы те или иные формы межчеловеческого взаимодействия. Отсюда следует, что особенности информационного обмена между людьми каждого этноса определяют многие черты эволюции тех экосистем, в функционировании которых участвуют люди этого этноса. Такие экосистемы можно назвать этноэкосистемами.

В современной биологии подспудно подразумевается, что каждой видовой популяции можно сопоставить конкретную экологическую нишу. В случае человека это правило нарушается, поскольку различные субпопуляции людей, обладающие разными навыками и способами выживания, имеют неодинаковые ниши и выполняют различные функции в тех экосистемах, в жизнедеятельности которых участвуют. Это значит, что можно говорить о разных этновидах и этнопопуляциях в случае субпопуляций людей, принадлежащих разным культурам (слово “культура” понимается здесь в этнографическом контексте, как

комплекс ментальных и материальных средств самосохранения этнопопуляции).

Одни культуры являются традиционно вписывающимися в этноэкосистемы, и тогда соответствующие этнопопуляции участвуют во внутренне уравновешенном функционировании этноэкосистем таким же образом, как популяции обычных биологических видов. К носителям таких культур еще к началу XX века можно было отнести, например, многие коренные народы Севера, но неразумная политика в их отношении привела фактически к тому, что их культуры в настоящее время оказываются умирающими, а уникальный опыт общения с дикой природой, теряется. Другие культуры преобразуют среду обитания. В первую очередь – это технократические культуры, существование которых так или иначе связано с интенсификацией использования различных природных ресурсов.

Существуют аналогии между процессами эволюции экосистем и этноэкосистем. В частности, межкультурный информационный обмен приводит к процессам, подобным тем, которые бывают в обычных экосистемах при вселении чужеродных видов животных или растений. Смена культурно-социальных парадигм, например, в силу тех или иных научно-технических достижений, тоже может приводить к чрезвычайно быстрым изменениям этноэкосистем, чему тоже можно найти аналогии и эволюции экосистем. При этом значительную роль играют как механизмы регуляции биоразнообразия, так и, видимо, сходные с ними механизмы регуляции этноразнообразия. Можно предположить, что для успешного существования современной биосферы и сохранения естественного биоразнообразия необходим некий оптимальный уровень этноразнообразия вписывающихся культур. Иначе говоря, для успешного и устойчивого существования биосферы требуется не только биоразнообразие, но и этноразнообразие (Levchenko, 2003).

Приспособления и машины, которые когда-то помогли человеку выжить, распространиться по планете и достигнуть высот знания и человеческой культуры, оказались

сейчас, образно говоря, у власти, поскольку они эксплуатируют человеческий интеллект, а для своего существования и развития требуют использования все большего количества невозобновляемых ресурсов среды. Это, в частности, отражено в том, что наиболее успешные в современном мире государства, по сути, субпопуляции людей, принадлежащих к новейшим технократическим культурам, являются не вписывающимися в окружающую среду, а преобразуют ее, разрушая естественную природу планеты и уничтожая популяции иных видов. В сущности, новейшие технократические культуры способствуют переходу от биосферы к техносфере, технически контролируемой планетарной жизни с весьма ограниченной ролью человека.

То, что машины и приспособления начали играть в жизни людей все большую и большую роль, иногда полностью меняя их образ жизни, остро чувствовали многие философы и художники еще в начале XX века. Эпоха восхищения “веком пара и электричества” кончилась, научно-технический прогресс начал открываться со своей темной стороны. В 1922 году Максимилиан Волошин (1997) в стихотворении “Машина” писал:

Как нет изобретателя, который,
 Чертя машину, ею не мечтал
 облагодетельствовать человека,
 Так нет машины, не принесшей в мир
 тягчайшей нищеты
 и новых видов рабства <...>
 Как ученик волшебника, призвавший
 Стихийных демонов,
 Не мог замкнуть разверстых ими хлябей
 И был затоплен с домом и селеньем, –
 Так человек не в силах удержать
 Неистовства машины <...>
 Машина победила человека:
 Был нужен раб, чтоб вытирать ей пот,
 Чтоб умащать промежности елеем,
 Кормить углем и принимать помет.
 И стали ей тогда необходимы:
 Кишащий сгусток мускулов и воль,
 Воспитанных в голодной дисциплине,
 И жадный хам, предешеивший

За радости комфорта и мещанства

<...>

Но ни единой мысли человека.

Не проскользнет по чутким проводам.

<...>

И нищий с оскопленной душою,

С охолощенным мозгом торжествует

<...>.

Не правда ли эти строки звучат сейчас, наверное, даже более актуально, нежели тогда, когда они были написаны? Задача современного человека – вернуть власть над техническими средствами, для чего необходима смена культурных парадигм и духовная эволюция в направлении *Homo nobilis*, человека благородного (Левченко, 2002a), человека, неудовлетворенность которого смещена из материальной сферы в область ментального. Ведь власть человека над машиной, да и, вообще, над материальным обоюдоостра: чем большим мы владеем, тем больше усилий для поддержания этой власти требуется. В итоге же оно может сделать человека своим рабом, в то время как человеку был бы достаточен лишь какой-нибудь разумный компромисс.

В философском плане это означает, что одномерные представления о прогрессе как непрерывном росте потребления и использовании сложных технических приспособлений с целью создания все более искусственной и, якобы, более благоприятной среды, должны быть, видимо, изменены на представления о мультикультурном духовном, эмоциональном и интеллектуальном развитии по множеству направлений. Атавистические представления об успешности, происходящие от стайной морали высших приматов, тоже, очевидно, требуют пересмотра (Дольник, 1994; Левченко, 2002b). В противном случае придется согласиться с тем, что человек – это промежуточная эволюционная форма, роль которой в природе заключается в обслуживании техносферы на ее ранних этапах развития. Цена свободы человека много больше, чем плата за удобства. Более того: без свободы нет жизни как таковой, именно способность поступать самостоятельно и

свободно отличает любое живое от неживого. Поэтому свобода и есть необходимый атрибут гармонии, которая, впрочем, никогда не достижима, как и горизонт, ведь гармония есть не более, чем плод ума. Великий инквизитор Федора Достоевского противоречил сам себе, полагая, что гармония – это некий статический мир, а не ускользающая цель.

Пожалуй, наиболее последовательными в своих рассуждениях о свободе были представители экзистенциализма. Только “осуществление свободы” – экзистенция – является с их точки зрения “истинной жизнью”, механистическое же существование в мире действительных или мнимых необходимостей рассматривается как полностью роботическое, когда грани между жизнью и не жизнью почти стираются (Сартр, 1994; Камю, 1998). Стоит лишь немного отвлечься от борьбы за выживание и поддержание социального статуса, как сразу же на первый план выступает перманентная скука пустого бытия. Без сомнения, экзистенциальная составляющая человека важна и представляет собой, видимо, самую большую угрозу технократическому “устойчивому развитию” по направлению к “светлому будущему”, где все заранее просчитано и каждому отведено свое место. Нет только места для жизни, если мы хотим оставаться людьми, а не превратиться в домашних животных на ферме техносферы, растворенными в виртуальных реальностях телевизора, то это означает, что нужно ставить вопрос о защите “дикой природы”, биологического в человеке. Иначе говоря, не все животное в человеке требует уничтожения во имя некоей стерильной “вышей” морали. Другое дело, что инстинкты могут и должны быть облагорожены.

Полностью однородное человечество вряд ли возможно, несмотря даже на тотальный информационный обмен, между его частями. У человека все равно остается стремление к свободе, и когда он однажды осознает несвободу, он обязательно становится бунтарем (Ошо, 2001). Когда миллионам, посвятившим свою жизнь маши-

не, станет однажды мучительно больно за бесцельно прожитые годы, возможно, они найдут нового господина. Какого?

Литература

- Броди Р. Психические вирусы. М., 2001.
- Вернадский В.И. Биосфера и ноосфера. М., 1989.
- Волошин М.Л. Избранное. СПб: Диамант, 1997. С. 336-340.
- Дольник В.Р. Непослушное дитя биосферы. Беседы о человеке в компании птиц и зверей. М.: Педагогика-Пресс, 1994. 208 с.
- Камю А. Калигула // Избранное. Ростов на Дону: Феникс, 1998. С. 115-199.
- Капра Ф. Паутина жизни. Новое научное понимание живых: систем. Киев; София, Москва: Гелиос, 2002.
- Левченко В.Ф. Модели в теории биологической эволюции. СПб.: Наука, 1993, с. 384.
- Левченко В.Ф. Сверхбыстрая эволюция современной биосферы // Тез. докл. на II Международном конгрессе “Слабые и Сверхслабые поля и измерения в биологии и медицине”. Санкт-Петербург, 3–7 июля 2000 г.
- Левченко В.Ф. “Прометей благородный, или кто спасет планету” // Гуман. экол. ж. 2002а, Т. 4. Вып. 1. С. 3-12.
- Левченко В.Ф. Проблема самоидентификации человека в биосфере – принципиальный вопрос биоэтики // Сб. тезисов второго международного симпозиума по биоэтике, посвященного памяти В.Т. Поттера. Киев. Март 2002б. С. 24-25.
- Мак-Фарленд Д. Поведение животных. Психобиология, этология и эволюция. М.: Мир, 1988.
- Меншуткин В.В. Аналогия закономерностей биологической и технической эволюции // Теоретические проблемы экологии и эволюции. Вторые Люблинские чтения. Тольятти. 1995. С. 47-71.
- Меншуткин В.В., Наточин Ю.В., Черниговская Т.В. Общие черты эволюции функциональных гомеостатических и информационных систем // Журнал эволюционной биохимии и физиологии. 1992. № 6. С. 623-636.
- Ошо. Мятаж, революция, религиозность. Киев, М.: Янус, 2001.
- Сартр Ж. П. Экзистенциализм – это гуманизм // Тошнота. Избр. произведения. М.: Республика, 1994.
- Тейяр де Шарден П. Феномен человека. М., 1987.
- Dawkins, R. The Selfish Gene. Oxford University Press, 1976.
- Levchenko V.F. New informational Stage of the Biosphere Evolution. Ethno-Population, Ethno-Species, Ethno-Ecosystems // Intern. J. Comp. Anticipatory Systems. 2003.
- Maturana H., Valera F., Autopoiesis and Cognition. Dordrecht, 1980.
- Valera F. “Describing the logic of the living”. The adequacy and limitation of the idea of autopoiesis // Autopoiesis: A Theory of Living Organisation. North Holland, New York, 1981. P. 36-48.

Этика и рынок. Конфликт внутри нас

Марк Сагофф

Если энтузиаст охраны природы хочет сохранить участки природной среды ради них самих, мы вполне можем допустить, что таково его собственное намерение. Тогда он должен будет доказать, что принципы справедливости, равноправия и эффективности, пригодные для распределения дохода, могут быть неприменимы для охраны природной среды или заповедания дикой природы. Причина заключается в том, что, к примеру, конфликт по поводу Mineral King Valley не связан прежде всего с распределением благ. Он не просто ставит лыжников с любителями дикой природы. Ведь и сами лыжники могут из эстетических соображений считать, что дикую природу следует сохранить, даже если такое мнение противоречит их потребительским предпочтениям. То есть этот конфликт сталкивает потребителя с ним самим как гражданином или как членом морального сообщества.

Другими словами, конфликт этот вырастает не только между нами, но и внутри нас. То, что я хочу как потребитель, противоречит тому, что я считаю как гражданин. Это давно и хорошо известная проблема. Это конфликт, о котором Пого сказал “Мы встретили врага, и он – это мы сами”.

Это – этический конфликт. Этический не только потому, поднимает вопрос о распределении благ – отдать ли их бедным или богатым, нынешним поколениям или будущим. Этический вопрос – это не просто вопрос распределения. Он касается, скорее, того, как мы удовлетворяем свои интересы и как мы живем согласно своим убеждениям.

Такого рода вопрос никогда не был бы поднят в обществе, сделавшем своими единственными целями эффективность и

справедливость удовлетворения потребительского спроса. Такое общество могло бы иметь дело только с противостоянием лыжников и любителей дикой природы. Оно никогда не смогло бы реагировать и действовать в соответствии или разрешить противоречие между лыжниками и самим собою.

Я не хочу комментировать этическую позицию своих студентов, которые, подобно многим американцам, отнеслись с уважением к сохранению природной среды. Хочу только подчеркнуть, что это и есть этическая позиция. И это мнение широко распространено, глубоко воспринято и воплощено в нашем законодательстве. Я думаю, что если бы закон изменили, и курорт был бы построен, то больше половины горнолыжников на подъемнике согласились бы, в принципе, с моими студентами. Они, возможно, осудили бы сооружение этого курорта из этических соображений. Но деньги есть деньги, и только деньги звучат убедительно. Горнолыжники заплатили массу денег за пользование подъемником и всем остальным, кроме того, им бы это стоило больших хлопот. Не возникло бы ни малейших вопросов – не правда ли? – о том, чего они хотят.

Это общая проблема. Она возникает не только из-за нашего высокого почитания дикой природы, такой как в Mineral King Valley, а вследствие общей для нас всех широкой системы ценностей в отношении природы, окружающей среды, здоровья, безопасности, качества и смысла жизни. Многие из нас, к примеру, озабочены тем, чтобы рабочее место было безопасным, чистым и свободным от канцерогенов; мы можем разделять эту заботу, даже если мы и не принадлежим к рабочему классу. И поэтому мы можем одобрять законы, содержащие очень высокие нормы качества воздуха на нефтехимических предприятиях. И

как потребители мы можем и не поддерживать мероприятия по охране труда и технике безопасности, если это удорожает приобретаемую нами продукцию.

Как граждане, как члены морального и политического сообщества мы можем отстаивать любые ценности – сентиментальные, исторические, идеологические, культурные, эстетические, этические, – и все они конфликтуют с нашими потребительскими интересами, которые мы раскрываем, покупая башмаки или выбирая помидоры. Конфликт внутри индивидуумов, а не между ними, может быть весьма распространенным. Индивидуум как потребитель с эгоистическими интересами противостоит себе как моральному агенту и заботливому гражданину.

Какое же общество мы представляем собою? Представляем ли мы публичному вниманию только два типа ценностей – личные интересы и нормы распределения? Настаиваем ли мы на том, что единственными политическими решениями, которые мы можем принимать, являются те, что касаются распределения богатства и благ, скажем, путем повышения эффективности и справедливости рынков, а все остальные, в том числе и решения об охране окружающей среды, должны быть оставлены, по возможности, на откуп тем же рынкам? Должны ли мы предоставить решение о размещении ресурсов туристу, с восторгом слушающему кассету Джона Денвера о том, как он врывается на своем вседорожнике в Центр обслуживания автомобилей диснеевского курорта? Можно ли позволить такому парню стать законодателем и выражать нашу общую волю?

Предположим, он откроет рот, чтобы выразить этическое мнение – жуткие сентенции! – об использовании окружающей среды. Предположим, он сообщит нам, что нам бы не следовало пускать Микки Мауса в горы. Должны ли мы заткнуть уши и не слушать его? Вот это и есть наше общество? Все, что нам нужно – это совершенно конкурентоспособный рынок?

Я не знаю ответов на эти вопросы. Од-

нако подозреваю, что большинство людей пока что откажутся ответить на них положительно. Как иначе можем мы объяснить нежелание активистов охраны природы спорить на чисто этических или политических основах? Почему они предпочитают рассказывать сказки о возможных экономических выгодах восстановления популяции мытника канадского, вместо того, чтобы изложить моральные основания для поддержки Закона о видах, находящихся под угрозой? Это закон исключительно этический, вряд ли он может быть оправдан экономическими соображениями. Почему активисты охраны природы ищут, как бы им защитить какие-нибудь интересы, снизить затраты, получить выгоды, – даже если для этого им приходится доходить до абсурда и вычислять интересы деревьев?

Независимо от того, как американцы делают покупки, они обычно разделяют мировоззрение активистов охраны природы. Более того, большинство американцев могут заявить, что они – активисты охраны природы. Почему ж тогда они не желают признаться самим себе, что они принимают Закон об охране природы на основе общих идеалов, а не личных выгод или удобств? Почему им так трудно признать, что их общество представляет собою нечто большее, чем конкурентоспособный рынок, и что эффективность размещения ресурсов и справедливость их распределения отнюдь не исчерпывают репертуар их общественных ценностей? Почему им так трудно сказать вслух, что можно размещать и использовать ресурсы не только так, как на совершенном рынке, но и на вполне независимых, нормативных и откровенно этических основах?

Я думаю, что ответы как-то связаны с тем чувством некоторой неустойчивости, неуверенности, которое многие из нас ощущают, не имея под рукой никаких “нейтральных” теорий и критериев для оценки политических, этических или эстетических позиций. Как-то страшно думать о проблемах в их собственных терминах; проще обратиться к методологии, еще более со-

блазнительно думать о проблемах, поднимаемых самими этими методологиями, или исследовать саму теорию. Кроме того, если одна сторона имеет числа, то они могут потребоваться и в другой. Раз застройщики рассказывают сказки о готовности платить за рекреационные возможности Mineral King Valley, то и сторонники охраны природы начинают рассказывать сказки о стоимости альтернатив и ценности удовольствий.

В результате государственные должностные лица обсуждают значение величественных пейзажей, пользуясь словарем, пригодным лишь для измерения потребительских желаний. Быть может, важнейшая роль природоохранной этики – помочь разработчикам стратегий найти более подходящие концепции для взвешивания и обоснования целей государственной политики, изучения и устранения препятствий на пути их достижения. Концепции, связанные с принципами эффективности размещения и равенства распределения не особенно подходят для этого.

ДЕНЬГИ И СМЫСЛ

Вещи, которые мы ценим, любим или уважаем, – не всегда то, за что мы готовы платить. Вообще-то, их ценность может быть снижена, если их ассоциировать с денежными суммами. Справедливо будет сказать, что ценность любимых нами вещей лучше измерить нашим нежеланием платить за них. Подумаем, к примеру, о самой любви. Цивилизованный человек взберется на самую высокую вершину, переплывет самую глубокую реку, пересечет самую жаркую пустыню ради любви, сладчайшей любви. Он сделает все, что потребуется, кроме платы за нее.

Когда-то Церковь продавала индульгенции. Она продавала с аукциона будущие акции на небесах по рыночной цене с очень приличными скидками. Была ли это хорошая идея – продавать спасение на рынке? Конечно! А как еще могли бы вы определить, чего стоит бесконечное блаженство со

скидкой на вероятность того, что Бога нет? Однако церковная паства слегка утратила свои иллюзии, увидев, как милость Господа продается с аукциона за золото и серебро. Это утрата иллюзий была одной из причин Реформации.

Вещи, за которые мы не хотим платить, вовсе не безразличны для нас. Они могут быть для нас бесценны; мы просто считаем, что не должны платить за них. Такова Любовь. Она бесценна, и нет такой жертвы, которой мы не принесли бы во имя Любви. Но торг здесь – так же, как во всем, что мы считаем святым для себя, – вот уж истинно, абсолютно неуместен.

Я считаю, что вещи, имеющие достоинство, – это, вообще говоря, те вещи, которые помогают нам выяснить наши отношения друг с другом. Наша общая окружающая среда имеет такое достоинство. То, как мы используем и оберегаем наше общее драгоценное наследство, помогает нам выяснить наши отношения, или нашу связь, друг с другом, с грядущими и ушедшими поколениями.

Позвольте, однако же, вернуться к примеру, с которого я начал. Как я сказал, мои студенты бросились в одну сторону, когда я попросил их сделать потребительский выбор, следует ли или нет способствовать сооружению курорта Диснея. Этот вопрос касался их потребностей и желаний просто как индивидуумов. Они бросились в другую сторону, когда я попросил их принять политическое решение – должны ли США превратить свои зоны дикой природы в горнолыжные курорты? Это решение вызвало к их концепции ценностей, разделяемых нами всеми, или к принципам, уважаемым нами как нацией.

Так следует ли нам основывать нашу стратегию охраны природы на интересах, которые индивидуумы могут проявить как потребители, или на ценностях, которые они могут разделять как граждане? Наша политика может быть “рациональной” в любом случае. Она может быть “рациональной” в экономическом смысле, если сведем роль закона к защите прав и кор-

ректировке слабостей рынка. Тогда мы должны предположить, что цели разработки политических решений просто “заданы” в тех предпочтениях, которые потребители раскрывают или могут раскрыть на рынке. С другой стороны, мы можем считать “рациональной” политику, основанную на некоей концепции равенства, или любую другую заранее обусловленную концепцию или критерий.

Однако мы также можем получить политику, являющуюся рациональной в том смысле, который мы можем назвать намеренным, или хорошо продуманным, если мы будем стремиться основать закон на принципах и идеалах, отражающих наши лучшие представления о том, что мы отстаиваем и уважаем как нация. Этот вид рациональности зависит от добродетелей и достоинств коллективного решения проблем; он оценивает разумность целей в их связи с ценностями, которые они воплощают, и жертвами, которые мы должны будем принести для их достижения. Этот продуманный

подход уважает конституционные права, дающие людям равную возможность внести свой вклад в политический процесс, однако не утверждает заранее никакой политической теории относительно целей государственной политики.

Напротив, этот подход предполагает, что ценности, на которых мы базируем нашу социальную политику, являются объектами общественного опроса. Они не могут быть получены (как на рынке) в результате агрегирования экзогенных предпочтений, или (как в политической философии) на основе метафизических истин о человеческой природе. Общие цели государственной политики должны определяться путем политического процесса, участие граждан в котором ограничивается только правами, защищаемыми Конституцией. Эти цели не могут быть известны заранее никакой передовой партии, никаким политэкономистам или элитному корпусу королей – философов.

Цена жизни животного с точки зрения ученого

И. Загороднюк

Ужгородский национальный университет

Охотник! Каждый убитый заяц – это 10 спасенных деревьев!

(Из плаката в лесничестве).

Кто хочет что-нибудь живое изучить,
Сперва его всегда он убивает,
Потом на части разнимает,
Хоть связи жизненной – увы! – там не открыть.
Мефистофель. “Фауст”.

Сейчас состояние популяций большинства видов диких зверей достигло того критического уровня, что когда-то обычные

виды скопом “пошли” в Красную книгу. Теперь – как вне, так и внутри науки – все чаще звучат мысли о ценности жизни и изменении отношения к животным. Чаще всего это ставят в вину охотникам и зоологам, с чем и попробуем разобраться. Речь

тут не будет идти об убийстве как таковом (эксперимент без материала не проведешь), а о минимизации влияния ученых на состояние популяций объектов нашего исследования.

Ломка (вместо предисловия)

Весной 2000 года Украинское териологическое общество и новосозданная его группа под названием Украинский центр охраны летучих мышей проводили семинар по использованию ультразвуковых детекторов для идентификации видов летучих мышей и обнаружения их убежищ. Это было на биостанции “Ядуты”. Во время одной из экскурсий наши тренеры, голландские хироптерологи Герман Лимпенс и Питер Лина вывели группу на колонию летучих мышей, в составе которой был новый для нашей фауны вид – нетопырь-пигмей, которого удалось определить как раз по ультразвуку. Началось планирование того, как выдрать тех “пигмеев” из-под крыши.

Прозвучали удивленные голландские: “Kill?” Я искренне говорил им: “Почему “kill?”, просто взять в коллекцию...”. Голландцы упрямо повторяли: “Kill”. Мы объясняли, что у нас существуют определенные стандарты, и нам просто не поверят, а пара убитых нетопырей нас спасет (так и случилось: на отчете перед ученым советом наши с голландцами детекторные успехи были высмеяны). Голландцы внимательно это выслушали, членораздельно объяснили, что не для этого они сюда ехали, и повели группу дальше...

Началась ломка... Споры были многократными. Шла перемена ценностей. Приход новых исследователей шел под очевидными “зелеными” лозунгами, хотя этому не учили. Как-то профессор Шарпило не без печали рассказывал мне, что настоящая зоология окончилась вместе с XX столетием. (Теперь понимаю, что это было не настроение, а правда.) Тогда за мое упоминание о том, как у нас для поиска гельминтов вскрыли сотни летучих мышей, он так оби-

делся, что мне стыдно поныне. Он (“верхом”) не видел, а я не понимал продолжения старого. “Каждый исследователь должен пройти путь развития своей науки” (это из Вениамина Эпштейна).

Вначале было слово?

Когда-то мы считали цену одного образца. Вовсе не как жизнь. Каждый череп мышки или суслика с учетом экспедиционных расходов, виварного содержания и т. п. стоил от 3 до 330 рублей в зависимости от сложности экспедиции. Это те деньги, которые расходовало государство, цена, которую она платила за каждый образец (очевидно большая от сегодняшних штрафов за убийство). За добычу платили исправно: и научным работникам, и эпидемиологам, и природоохранникам, и музейщикам. Поныне в задачи заповедников входит установка ловушек на все, что движется, для учета “методом безвозвратного изъятия”.

Это называется мониторинг, и этим не занимаются только нерадивые. Этого требует программа ведения летописи природы – ежегодного описания состояния природы в заповедниках, национальных парках и биосферных резерватах. Добытый материал, как правило, никуда не передается, кроме того добыча редких видов является очевидным нарушением закона, и краснокнижные виды быстро... исчезают из результатов учетов, после чего становятся еще более редкими... на бумаге и еще более ценными в коллекциях.

Появление раритетов создает рынок, который требует товара. Когда-то государственный заказ (в частности, музеи и знаменитый “зооветснаб”) исчез из-за неплатель способности государства, но выгодной стала продажа чучел и живых животных. Во всяком случае животных в природу не возвращают, потому что не за это платят. Спектр заказов вырос: заказывают живых, чучела, пробы. Однако... Если это все-таки рынок и “биобизнес”, то, кроме товара, должен был бы быть и производитель. Ан

нет. Такое можно сказать разве что о зоопарках и питомниках.

Виноваты ли биологи?

За убитых комаров и в биосферном заповеднике не ругают. Значит, есть определенные стандарты: комар – не лось, и исследователь москитов – не серийный убийца. При мириадах комаров разве об этом речь? А промысел моллюсков, рыб, жаб, дельфинов, объем которого измеряют не особями, а тоннами или сотнями тонн? И куда, в конце концов, подевались те миллионы “вредных” грызунов, которых мы столько исследовали? Тема “вредителей” нашего хозяйства стала неактуальной задолго до того, как ученые разработали эффективные меры против них. И мехов на улицах стало меньше не потому, что у нас свернули исследования пушных зверей.

Один знакомый зоолог, супер-полевик и биобизнесмен, рассказывал мне о заготовках в Карпатах тысяч редких тритонов и саламандр на продажу. Акция выглядела благородной с учетом того, что амфибий брали в тех местах, где под постройку известного всем нефтепровода вырубали широчайшие полосы пралесов. Добытчики спасали жизнь тех животных, которые обитали в этих лесах и на трассах лесовозов. Смешанное чувство? Но: сокращение в Украине общей площади лесов вчетверо, до 14%, распространение монокультур и славная биотехния на пользу немногих охотничьих животных – не это ли главная причина общего падения численности лесной птицы и зверя?

В период громких перепалок “зеленых” и ученых по поводу чернобыльских тарпанов господин Крыжановский напечатал статью об этом в одном специальном издании, завершив текст интересными словами о том, что судьба чернобыльских лошадей во всяком случае более счастливая, чем у тех, которых ежегодно отправляют в Асканию на колбасу. Разве не экологично! И кони целы, и нуклиды связаны. Кто-то предложил что-нибудь мудрее? Очевидно, что вли-

яние ученых на фауну несравнимо меньше и влияния многочисленных у нас “любителей природы” – браконьеров и электроудочников, ягодников и пастухов. К тому же это слабенькое влияние исследователей все больше уменьшается с развитием прижизненных методов исследования фауны.

Субъективное и объективное

Аргумент “зеленых” прост как дверь: животным не нужно, чтобы кто-то выяснял, кто тут жил до того, как их “изучили”. Это не поможет их местной популяции, и лучше бы мы потратили те 500 тугриков не на экспедицию и публикацию, а на природоохранную акцию. Но мы не на то учились! (Кстати, “зеленые” – наши одноклассники.) Но как мы можем охранять неизвестно что? У нас нет денег на охрану всего.

С другой стороны, было бы хорошо, если бы каждый раз исследователь ставил себе несколько вопросов: оправданно ли то, что я делаю, зависит ли “уровень” греха от числа конечностей у жертвы? Когда речь идет о еде или производственных потребностях – ответ один, когда для исследования – немного иной, когда для охраны – ??? Так я себе думал, и было в этом что-то ненормальное, не-зоологичное. Но тон в науке задают не наши мысли, а современные технологии и исследовательские стандарты.

Технология требует применения новых технических разработок, стандарты задаются этими технологиями и по сути являются пропуском в специальные круги и журналы. (У ученых валюта – публикации в рейтинговых журналах.) Так, позвоночных когда-то изучали на уровне морфологии костей, а теперь это надо повторить на уровне ДНК. Есть и другая составляющая. Часть современных таксономических и морфологических исследований базируется на образцах, собранных в годы больших экспедиций на государственные средства. Едва ли не единственным оправданием этих экспедиций было количество добытых образцов, но используются коллекции “вполсилы”.

Только переданная в главные зоологические коллекции Украины часть добытых у нас летучих мышей составляет 1,5-2 тысячи образцов, и некоторые виды сейчас в коллекциях представлены лучше, чем в природе (некоторые в природе уже исчезли). Хорошо, что музеи это сохранили, и что новых жертв можно избежать, но плохо, что добывали в таком количестве, часто с не взвешенной целью или ради 1-2 строк в таблице к статье, которую, может, никто и не читал. Сейчас другая крайность: уникальные материалы минуют музей. Тут и лень, и бизнес.

Убить(.) нельзя(.) выпустить

Стоит сказать главное: материал, попадающий в руки специалистов и любителей, должен передаваться в зоомузеи. Могут быть лишь два, но очень существенные ограничения. Первое – вовсе не природоохранное: никто не будет набивать фонды ящичками с колорадскими жуками и домовыми мышами, поскольку интерес представляют раритеты и экзоты. Это факт, и для музея – как ученых, так и посетителей – это важно. Странно, когда кто-то просто переступает “редкий труп”, провоцируя тем самым последующее убийство.

Другая проблема – наше решение судьбы тех, кто попал в руки исследователя живьем и может быть выпущен на свободу. Голова работает на полную катушку, а руки сами привычно сжимаются: совесть мучит, проект требует, коллеги будут рады, препарат выйдет неплохой, а статья еще лучше, а так могут и не поверить, но ведь коллега просил собрать, возьму про запас... Мыслей множество, и они разные. Приговор о жизни конкретного животного каждый принимает сам, хотя знает, что есть немало ограничений такой деятельности.

Старые проблемы или новые процессы

К чему этот разговор? Можно ли что-то изменить? Да. Будем различать пять про-

блем. Их решение – актуальная задача формирования нового понимания зоологии как науки. Не в мире, где это, похоже, давно стало стандартом, а у нас, в Украине. Пока не все уничтожили.

Первая – роль биологов в ухудшении состояния популяций диких животных в целом преувеличена, хоть примеров такого и немало. Ясно, что исследователь не может не влиять на свой объект, однако... Сейчас исследования краснокнижных видов можно проводить только в рамках государственной программы. Кроме того, добыча диких животных должна подкрепляться специальными разрешениями, а получить их не просто. Но все начинают понимать, что практика традиционных исследований должна меняться: от сбора всего, что двигается, до материала, без которого прогресс науки (и охраны природы!) невозможен. Наконец, научные журналы начинают избегать публикации данных о незаконно добытых животных.

Вторая проблема – исследования в заповедниках. Сейчас нормой стало ехать за материалом в заповедники. Плюс заповедники сами должны проводить учеты, как правило, все тем же “методом безвозвратного изъятия”. Когда-то я попробовал поднять с земли череп суслика в одном из австрийских национальных парков и – после разъяснительной беседы со мной – впервые понял, что такое делают только у нас. В нарушение законов и элементарной логики. Фактически заповедники являются научными полигонами. Виварии. Изменения только ожидаются, хотя в некоторых ОПТ (в частности, госкомлесовских) это понимают.

Третья проблема – развитие новых подходов к исследованию животных. Сейчас создано немало методик прижизненного и дистанционного исследования фауны, но для нас они все еще остаются слишком дорогими. Действительно, “поставить” культуру клеток для получения хромосомных препаратов стоит неизмеримо больше, чем изъять костный мозг у убитого животного. “Вытащить” хорошие результаты из пери-

ферийной крови гораздо труднее, чем при электрофоретическом исследовании протеинов печени. Изгнать глистов “немного” сложнее вскрытия, идентификация нетопыря по ультразвуку дороже, чем измерение черепа. Но меняемся, и этот процесс продолжается

Четвертое – объекты исследования. Для изучения биологических явлений конечно можно обойтись “банальными” видами и избежать экспериментов на видах-раритетах. Один мой учитель когда-то сказал: “Заберитесь в лужу и там найдете все биологические законы”. Но разве в том зоология? Помимо законов есть еще и фауна, так называемое биоразнообразие, учет которого как раз и входит в задачи зоологов. Тут есть определенная проблема и с психологией специалиста, который “не на то учился”. С другой стороны, зоологи сами сейчас разрабатывают две важные темы: 1) модельные виды и виды-индикаторы, что позволяет анализировать только часть фауны, 2) избирательные методы добывания материала, что позволяет избежать необоснованных жертв.

Пятое – психология исследователя. В детстве мы легко вскрываем червя; у биологов это немного задерживается, но годам к 30 обычно проходит. В дальнейшем что-то мучает, и тогда наиболее настойчивые заводят аспирантов. Однако, в последнее время “дурные” мысли мучают и молодежь, приходящую в науку. Процесс понемногу становится необратимым, хотя в разных возрастных группах имеет разные темпы. Старшие коллеги очень удивились этой рукописи, а молодежь восприняла как должное на границе с банальным. Удивило другое: проект рукописи распространялся между коллегами так быстро, как будто там было что-то очень новое. (Неужели никто не думал об этом!) Все это свидетельствует о начинающих переменах. Уже идут...

Post Scriptum (сознание и бытие)

Автор писал не только о себе, хотя сам исследовал немало животных. Это – попыт-

ка осмысления того, что можно сделать для изменения подходов в условиях обвальной деградации экосистем. Хотелось, чтобы и “зеленые”, и ученые задумались не о фактах, а о решениях, и общим фронтом лоббировали изменения хотя бы в 5-ти названных выше направлениях. Ценности изменило время, совсем не мы. Мы же можем и должны влиять на изменение отношения публики и коллег к “восстановимому” “биоресурсу” в соответствии с требованиями времени. Технологии позволяют. У нас любители природы – грибники, ягодники, рыбаки, охотники; а охранители – ботаники и зоологи. Любовь у всех одна и, значит, грехи у нас общие. Первобытные, как весь наш натурализм. Как это изменить? И возможно ли?

Во времена тотального экологического кризиса должно произойти системное изменение нашего отношения к животному миру. Но не биологов, как отдельно взятого социума, а всех, хотя изменять общественное сознание знаем как не просто. Когда видишь воз сена, думаешь ли о представленной в ней Красной книге? Стыдно, но я лишь вспоминаю щемящее “с ненаглядной певуньей в стогу ночевал”. Хотя степь с ее фауной жаль. И биологи там ни при чем. А с другой стороны: хорошо, что нас не исследуют какие-то там *Homo speciens*, проводя учеты нашим же “методом безвозвратного изъятия”.

Остается вернуться к началу. Главными производителями первичного научного факта являются аспиранты, с их смешными стипендиями и минимальными возможностями найти грант. Для полноценного исследования им нужно собрать хотя бы с полтысячи фактов: образцов, измерений, наблюдений. Немного арифметики, и вы поймете громадную пропасть между биотикой как “европейским выбором” (нам бы их оборудование) и нашими реалиями, между тем, как мы ценим живых животных (мы выбирали специальность с любовью и, наконец, они нас “кормят”) и тем, что нам позволяют исследовать наши реальные возможности.

Наука – неприбыльная сфера, и изменения морали, не подкрепленные экономически, лишь усиливают кризис: и академический, и этический. Жизнь зверя для нас бесценна, поскольку не при наших деньгах на науку интересоваться ценой. Те, кто этим проникается, вынуждены переходить на

“наблюдательную” и “коллекционную” зоологию или продаваться иностранцам, выдавая их успехи за свои. Или в потугах развивают дистанционные методы учета и прижизненные методы исследования. Другие развивают “биобизнес”, но это уже не имеет отношения к науке.

Сострадание к природе. Экологическая этика

В. Антонов

Общение с живой естественной природой необходимо. Именно уединение в лесу или других природных ландшафтах является одним из важных способов “представления” себя Богу для того, чтобы Он мог успешно нас учить. “В лесу ищите Моих указаний!...” (20: Листы Сада Мории. Зов). Ибо именно там мы можем “растечься” сознанием по гармонии окружающей среды, вместо того, чтобы будучи в городе, “сидеть” в своих головных чакрах, “питаться” информацией лишь о земных людских страстях и пачкаться от энергий людских отрицательных эмоций.

... Природа – это в том числе множество живых существ: животных, растений, которые, как правило, гораздо более утончены своими душами и несут в себе несравненно более глубокий покой в сравнении с большинством людей. И среднему современному человеку надо пройти большой путь доведения себя до их уровня Покоя и Любви, чтобы лишь затем иметь право претендовать на хоть какую-то собственную духовность.

Кроме того, именно и только условия открытых природных ландшафтов, а не “коробок” городских комнат и “коридоров” улиц, позволяют в дальнейшем расширять, распахивать утонченное сознание, в самом прямом смысле выращивая его по величине.

... Напомню, что эмоции – это состояния сознания. Сознания же – это и есть мы. Именно пребывая в тех или иных эмоциях, мы находимся дальше от Творца или ближе к Нему. Бог в аспекте Творца – это предел утонченности энергии сознания. Знаем ли мы теперь, куда нам двигаться в развитии своей эмоциональной сферы?

... Мало кто из нас бывал на весеннем тетеревином току, когда предрассветный туман наполняется громкой восторженной песней и “чужьканием” этих больших, красивых, страстных птиц. А большинство тех, кто бывали на тетеревиных токах, обрывали эти прекрасные песни любви ружейными выстрелами, болью, кровью, смертью... И сами наслаждались сладострастием садистов-убийц.

Воспитанные в традициях “права” на убийство животных, не имея абсолютного внутреннего “табу” на любое причинение по собственной прихоти страданий другим живым существам, атеисты, как и члены массовых сект в нашей стране, запросто переходят и к массовым убийствам людей. Вспомним, например, алкоголика и наркомана Брежнева с компанией собутыльников-охотников, начавших в том числе еще памятную нам военную агрессию в Афганистане... И не компания ли таких же любителей чужой боли и крови, получив православное благословение, начала массовую бойню людей в первой из двух последних “чеченских” войн? Геноцид чеченскому народу был начат лишь за то, что эти не

Опубликовано: Антонов В. Экология человека в многомерном пространстве. 2-изд. СПб: Плюс, 2000, стр. 39-47. Сокращ. вариант.

смирившиеся с русским завоеванием люди попытались освободиться от русского ига...

... А по весенним вечерам, уже после заката солнца, когда лес накрывают сумерки, над просеками и опушками и по краям заросших кустарником водоемов мягко летят самцы вальдшнепов. Их песня, состоящая из красивых, волнующих душу симпатичных нежных “похрюкиваний” и “цвырканий”, несет нам волны эмоций любви этих милых птиц. В кустах, над которыми летают самцы, сидят самочки – и выбирают того, кто поет лучше всех... Вот – этот! Она взлетает, показывая ему себя... Он – в своей птичьей любовной страсти – за ней... И затем они проводят ночь в кустах вместе. А потом разлетаются, “успев надоесть” за ночь друг другу, – и на следующей зорьке уже ищут себе новые приключения, новых друзей...

Таинственная красота песни большого кроншнепа с болота, “небесное бляение” бекаса, токующего в выси вибрирующими перьями хвоста, песни зарянок и дроздов, урчание всю ночь в лужах лягушек, плещущиеся в тростнике нерестящиеся рыбы, запах костра, купание в лесном озере с первыми лучами солнца – и потом – клубы пара от мокрых и блаженных голых тел, ликование душ, “разрывающихся” от переполненности ликованием любви к Богу и всему живому – вот та эмоциональная основа, которую хочет видеть в нас Бог для того, чтобы мы могли успешней и быстрее развиваться себя в направлении к Нему!

... Растения – это тоже живые существа. Внутри их тел, как и внутри наших, тоже живут души. Обычно – это души на типично “растительной”, то есть “зачаточной” стадии развития. Хотя я знаю несколько деревьев-людей. Причем это – достаточно развитые, большие и сильные человеческие души. Но те люди при прошлых своих жизнях в человеческих телах не обрели требуемого Покоя – и Бог, чтобы помочь им стать лучше, воплотил их в деревья: чтоб успокоились, угомонились за несколько сотен лет “растительной” жизни...

С такими людьми-деревьями можно легко общаться эмоциями и даже мысля-

ми. Они сильно “привязываются” к людям, способным их понимать, тоскуют, если их не навещать. А когда приходишь к ним – встречают радостью, иногда смешанной с болью...

... Но и все обычные растения тоже способны воспринимать эмоции людей. Это было, например, доказано учеными многих стран по изменению электрических характеристик растений – в ответ на человеческие эмоции.

Когда-то, уже многие годы спустя после перехода на “беззубойное” питание, мне довелось работать в лесничестве на санитарных рубках леса. Вначале я относился к этому, как к, в общем-то, полезному делу и даже с удовольствием вырубал “лишние” растения – чтобы дать больше простора для жизни остальных. Но с какого-то времени, когда я обрел большую чувствительность, для меня стала невыносимой боль этих существ, разрушаемых моим топором, – и я срочно уволился с той работы.

Да, мы не можем жить, не питаясь растениями. Их тела неизбежно используются нами при строительстве и на дрова. И при этом нет смысла ждать, когда дерево состарится, упадет и начнет гнить, поэтому спиливают именно “зрелые” деревья.

Но нельзя убивать растения напрасно, нельзя просто ради забавы вонзать в дерево топор или нож, нельзя без крайней нужды срезать живые ветки, нельзя “машинально” срывать и бросать листья, травинки, цветки. Нельзя также пренебрежительно относиться к еде: ведь она приготовлена из погибших ради нас живых существ. Выбрасывание еды – даже при питании растениями – это тоже грех именно напрасного убийства. И уже совсем несуразными выглядят с этических позиций “ритуальные” убийства миллионов елочек и сосенок к Рождеству Христову и на Новый год, срывание или срезание цветков, чтобы поставить их в вазу, а потом любоваться на то, как они умирают...

Важно, чтобы Вы, читатель, сейчас не начали пытаться запомнить: это – можно, это – нельзя... Здесь важно не “зазубрить” некие “правила”, а понять этический прин-

цип сострадания к чужой боли и уважения к чужой жизни.

И кто этого не поймет или не примет – пусть потом не обижается за собственную боль: через нашу боль Бог учит нас понимать, что такое – само явление боли: сколько неприятно это ощущение. Через это Он учит нас жалеть других и не делать им больно напрасно.

И еще более, чем к растениям, принцип сострадания должен относиться к животным: ведь они воспринимают боль несравненно острее, нежели растительные организмы.

Необходимости полного соблюдения принципа сострадания, в частности в питании, учили и учат и Хуан-Ди, и Кришна, и Гаутама Будда, и Иисус Христос, и Бабджи, и Сатъя Саи. Бог есть Любовь. Если мы хотим приблизиться к Богу – мы должны принять во всей полноте принцип Любви. Но что это может быть за Любовь без Сострадания? Лишь пародия на нее?

Пойдем, друзья, что сколько бы нас ни учили противоположному “пастыри” разных религиозных сект, но никаких принципиальных сдвигов в нашем духовном развитии мы не сможем сделать без полного принятия принципа Сострадания и окончательного перехода на “безубойное” питание (то есть исключаящее тела животных: млекопитающих, птиц, рыб и пр.) – по этическим, а не эгоистическим (то есть ради, например, собственного здоровья) мотивам!

... Уроки этики применительно к расте-

ниям существуют не только в сфере питания. Так, колья для палатки можно ведь сделать не из живых растений, а из еще крепких сухих палок. И костер можно развести на старом кострище, на лесной дорожке и т.д. – а не прямо на живых растениях.

А еще костры нельзя разводить на сухом торфе: могут выгореть километры леса, погибнут в огне тысячи растений и множество животных. В сухую погоду нельзя их делать и под высокой елью: затлеет многолетний слой опавшей хвои – выгорят корни ели и другие окружающие растения. Крайне осторожными надо быть весной, когда легко загорается прошлогодняя трава: в огне тогда погибает масса живых растений, насекомые, гнезда птиц с яйцами или птенцами, семена растений, сгорает напрасно органическое вещество той старой травы, которое должно было обогатить собой почву, послужив в качестве удобрения. И уж совсем дикой безнравственностью выглядят умышленные, ради забавы, пускания “весенних палов”, от которых выгорают в том числе и стога сена, и жилые дома и прочие постройки...

...В православных храмах люди поют, пытаясь внушить Богу, что Он – “долготерпелив и многомилостив”... Но не лучше ли оставить это пустое занятие и самим начать жить в соответствии с Божьими Принципами Любви, который немислим без Сострадания ко всем людям и каждой живой твари, включая муравьев, червячков, растения?..

Права животных

П.В. Безобразов

От редакции

В 2003 г. Киевский эколого-культурный центр, впервые в СНГ, провел международ-

ный семинар, посвященный правам природы, на котором было принято несколько Деклараций о правах природы. В этом же году “Гуманитарный экологический журнал” посвятил правам природы специальный выпуск. Одним из главных итогов этой работы была разработка и публикация Декларации прав живых существ, первоначаль-

Опубликовано: Безобразов П.В. О правах животных. М.: Печатня А.И. Снегиревой, 1903, стр.79-88, 190-199, 218-220. Сокращ. вариант.

ный проект которой был подготовлен Киевским эколого-культурным центром и экологической организацией “Новая волна” из Ростова-на-Дону.

Мы тогда не знали, что таким образом отметили выдающийся юбилей: 100-летие выхода в России первой книги о правах животных. Оказывается, ровно век назад, в 1903 г. в Москве русским ученым Павлом Владимировичем Безобразовым была опубликована книга “О правах животных” (220 стр.), выдержки из которой мы сейчас помещаем в этом номере журнала.

Таким образом, мы не только отдаем дань имени Павла Владимировича Безобразова, одним из первых поднявшего в России вопрос о правах природы, но и знакомим читателей нашего журнала с этой совсем забытой книгой, опередившей время.

В заключение вкратце об авторе книги. Известный историк-византиец и общественный деятель Павел Владимирович Безобразов (1859–1918), происходил из знатного старинного русского рода Безобразовых. Сын академика В.П. Безобразова и писательницы Е.Д. Безобразовой, родился в Петербурге 2 февраля 1859 г. (по старому стилю). Учился в Царскосельской гимназии, в 1883 г. закончил Петербургский университет. В 1883 г. был командирован в Турцию, Грецию и Италию для изучения греческих рукописей. В 1890 г. защищает диссертацию по теме “Византийский писатель и государственный деятель Михаил Пселл”. С 1887–1895 гг. состоит приват-доцентом на кафедре общей истории Московского университета. С 1908 г. работает архивариусом Государственной Думы. Всю жизнь активно занимался общественной деятельностью, публикуя статьи в прессе и выпуская брошюры, в которых отстаивал вопросы демократии и права женщин. Умер в 1918 г. в Петрограде.

(...) Не подлежит сомнению, что истинное назначение права заключается не в охране интересов, а в осуществлении справедливости.

Но справедливость не может быть осу-

ществлена, если человек не возьмет под свою защиту животных. Иеринг считает их существами бесправными, потому что они не могут отстаивать своих прав. Тем не менее, из его определения права можно прийти к иному заключению.

Право, по словам Иеринга, гарантирует жизненные интересы, помогает удовлетворению потребностей, достижению целей. Право принадлежит тому, кто пользуется, а не тому, кто изъявляет волю. Способность желать, изъявлять волю может быть угнетена и даже парализована без соответствующей потери прав; субъектом права является тот, кому предназначено пользоваться правом, задача права — гарантировать ему это пользование. Если бы охрана воли была целью права, что случилось бы с правами лиц, воли не имеющих? Между тем мы видим на каждом шагу, что охраняются права лиц, воли не имеющих или имеющих не достаточно развитую волю. Права безумных, права детей, даже утробных младенцев, весьма строго охраняются.

Люди создали право путем долгого искания, приспособления, борьбы. Историческая школа оказала огромную услугу науке права, опровергнув старое воззрение о произвольном образовании права и доказав, что право возникает первоначально как продукт деятельности народного духа и затем развивается постепенно историческим путем; что лишь позже рядом с обычным правом, как первым источником права, возникает второй источник — законодательство.

Закон охраняет не только члена общества, но и новорожденного младенца, даже плод.

В средние века убийство урода было не наказуемо. Действующее уложение, во главе о смертоубийстве, в ст. 1469 определяет убийство урода следующим образом: “кто в случае, когда какую-либо женщиною будет рожден младенец чудовищного вида или даже не имеющий человеческого образа вместо того, чтобы донести о сем надлежащему начальству, лишит сего урода жизни, то за сие по невежеству или суевер-

рию, посягательство на жизнь существа, рожденного от человека и следственно имеющего человеческую душу, приговаривается к ссылке на жительство в Сибирь и к церковному покаянию”.

Плод, пока он находится в утробе матери, замечает проф. Есипов, еще не начал жить самостоятельной жизнью, не может быть признан членом общезития, однако существование его стоит под охраною закона.

К категории умалишенных и новорожденных младенцев можно отнести и животных и считать их юридическими лицами, наделенными известными правами.

Как бы ни смотреть на право вообще, можно все-таки сделать два заключения, с которыми все согласятся. Во-первых, юридическими правами могут пользоваться лица, которым общество не предоставляет жить по своей воле, дети и умалишенные и которые сами не могли бы охранить своих прав. Во вторых, право не есть нечто вечное и неизблемое, одинаковое для всех времен и народов, напротив право постепенно развивается, видоизменяется.

А потому, хотя большинство юристов отождествляет животное с вещью, из этого совсем не следует, что при таком взгляде нужно оставаться вечно. И хотя животные не в силах отвоевывать своих прав, из этого не следует, что они должны быть существами бесправными.

Некоторые писатели, главным образом не юристы, уже высказали мысль, что и животные могут иметь юридические права.

Первый сказал это немецкий философ Краузе, писавший в двадцатых годах 19-го века. По его мнению все существа, обладающие душой должны иметь и права. Поэтому, кто приписывает животным душу, тот должен признавать за ними известные права, и наоборот, вместе с душой надо отказать им и в правоспособности.

Право – жизненный и волевой закон для разумных существ, т. е. для лиц. Принимая, что животное само себя познает чувственным восприятием и ощущением, что оно само себя определяет из собственной

силы, преследуя в своей деятельности чувственные цели, этим самым животным открывают доступ в святилище права. Хотя животные не обладают полным самопознанием и настоящей свободой, все таки они разумные существа и следовательно юридические лица.

Права животных сравнительно с правами человечества низшие. Человек имеет более высокое право, чем животное, общество более высокое, чем человек, а Бог наивысшее.

Права животных заключаются в том, что им должны быть предоставлены все условия для исполнения своей чисто животной жизни (право на безболезненное существование, право на необходимые средства пропитания). За то животные обязаны содействовать разумным целям человека, и люди имеют право пользоваться трудом животных и на сколько это нужно ограничивать их свободу. Но признавая, что человек центр вселенной и что ему предоставлена деспотическая власть, Краузе одним росчерком пера уничтожает все права, которыми по его взгляду могли бы пользоваться животные.

Человечеству дано право, говорит он, убивать всех животных, когда это нужно для определенных разумных целей. Человек имеет право пользоваться всякой органической жизнью на земле, жизнью растений и животных.

Но если человек может по своему произволу, для своих целей, который ему всегда представляются разумными, убивать животных, то права животных оказываются чисто теоретическими и совершенно призрачными.

Девять лет тому назад немецкий судья Брегенцер выпустил книгу, за которую получил премию от союза Обществ покровительства животным. Автор старается доказать, что животные могут иметь известные юридические права.

Государство должно, говорит он, если хочет быть справедливо, освободить животное, как оно освободило женщину, ребенка и рабов. Не подлежит сомнению, что мы

не можем уделить животным равных с собою прав, но только сравнительно меньшие ограниченные права.

Животные не могут произвести восстания и освободить себя сами, но совесть должна удерживать нас от дальнейшего порабощения животных. Брегенцер считает, что чувство справедливости все больше овладевает человечеством и что со временем государство добровольно стеснит себя в своих правах по отношению к животным.

Автор полагает, что у животных есть такие интересы, которые может охранять государство.

Когда мы спрашиваем, какие интересы животных, говорит Брегенцер, нуждаются в правовой защите, мы не можем переносить без всяких оговорок на животных нашу оценку однородных материальных благ человечества. Только важнейшие интересы животных могут соперничать с человеческими интересами. Основные интересы, главные блага или основные права животных это жизнь, неприкосновенность тела и здоровье; они заслуживают кроме нравственной и юридической защиты человека. Надо доставить всеобщее и возможно большее признание принципу, что надо уважать жизнь, как таковую, не только жизнь людей и наших домашних животных, но и жизнь самых низких существ.

Из дальнейшего изложения Брегенцера однако видно, что такое теоретическое положение не может иметь никакого практического применения. По его мнению человеку дано право убивать тех животных, которые приносят пользу своей смертью, именно дичь, домашних птиц, свиней и других животных, предназначенных для убоя; такое право основано, с одной стороны, на человеческом праве оккупации (т. е. на праве захвата или праве сильного), с другой стороны на необходимости пользоваться мясом этих животных. Но при известных обстоятельствах убийство такого животного может сделаться безнравственным и противозаконным, если оно будет совершено только из жестокости, вследствие дурного расположения духа или по

какому-нибудь другому безнравственному мотиву.

Следовательно, если убить быка и съесть его, это будет действием нравственным и законным, если же заколоть его и не съесть, это будет действием безнравственным и незаконным.

Брегенцер защищает вивисекцию, допускает, что можно дрессировать животных и показывать их в цирке. Он считает вообще, что интересы человека стоят неизмеримо выше интересов животных, и что для самого ничтожного желания, даже каприза человеческого можно жертвовать благополучием и свободой животных. Так напр. человек имеет право сажать певчих птиц в клетку, раз это доставляет ему эстетическое удовольствие.

Но во что же превращается тогда право животных, если человек может делать с ними все что угодно, прикрываясь своей пользой и даже своим наслаждением.

Французский дипломат Энгельгардт посвятил книгу правам животных, но он тоже впал в такое же противоречие, как и Брегенцер.

Энгельгардт справедливо доказывает, что нельзя считать животных вещью, как это делают юристы. “Если бы, замечает он, законодательство по отношению к животным имело в виду исключительно интересы человека, оно ничем не отличалось бы от законодательства, ограждающего одушевленные или неодушевленные вещи от покушений, называемых вандализмом. Дикая жестокость, совершенная над самым благородным домашним животным, была бы с нравственной точки зрения равнозначуща с изуродованием дерева или поломкой забора. Но как я доказывал, нелогично и ненаучно помещать животных в категорию вещей”.

Доказывая, что и животные могут иметь известные права, автор говорит: “В принципе надо уважать жизнь в каком бы виде она не проявлялась. Убивать без достаточного основания даже низших индивидуумов, поступок безнравственный. Жизнь (да простят мне эту метафору) почерпается в

том же вместилище, как бы ни казалась различной внутренняя организация живых существ. В сущности жизнь представляет то же явление у человека и у животных и проявляется в виде силы, действия и размножения.

Животное живет для себя точно также как человек, который впрочем и появился после него; оно имеет свое место во вселенной, свою естественную долю в наслаждениях и страданиях.

Жизнь характеризуется органической чувствительностью, а эта чувствительность одинаково сильна у животного, как у человека; животное сознает свою физическую индивидуальность, оно обладает эгоизмом, т. е. у него есть постоянная забота о сохранении своей жизни. Вот достаточно причин, почему нужно уважать эту животную индивидуальность”.

Но это справедливое рассуждение уничтожается другим: “Человек не признает за животным и не может признать за ним безусловного права на существование. Роковой закон заставляет его питаться мясом животных. Это в зависимости от климата и обстоятельств является для него необходимостью, покоряться которой ему тем более естественно, что животный мир находится у него действительно в подчинении и что животные вообще поедают друг друга”.

Кто вместе с Брегенцером и Энгельгардтом признает необходимость поедать быков и баранов и откармливать на убой гусей и уток, тому лучше не писать о правах животных. Если животное не имеет права на жизнь, какими же тогда правами можем мы наделить его?

Из писателей, тракующих о правах животных, один только Сольт проводит свою мысль вполне последовательно: “Бесполезно, – говорит он, – требовать прав для животных, если мы в то же время хотим подчинить эти права всему, что мы желаем считать своими потребностями”. Автор признает, что человечество может обходиться без мясной пищи и без вивисекции и только при таких условиях закон мог бы охранять жизнь и здоровье животных.

(...) Мы говорим, что нельзя убивать

животных и поедать их, нельзя доставлять им страдания. Если согласиться с этим, невольно возникает вопрос, имеем ли мы право пользоваться животными вообще?

Чтобы ответить на этот вопрос, надо прежде всего разделить все живые существа на две категории, на животных нам вредных и полезных.

Конечно, тигр не виноват в том, что он способен задушить человека и съесть его, и с точки зрения тигра зловреден не он, а человек.

Раз существуют на земле львы, гиены, ядовитые змеи, жизнь их, с отвлеченной философской точки зрения имеет тоже известного рода ценность, по крайней мере для них самих, и мы не имеем права разрушать ее.

Но тут гуманность сталкивается с нашими самыми важными интересами, наступает предел жалости. Мы не можем отдавать себя на съедение диким зверям и поневоле приходится их истреблять.

Не подлежит сомнению, что исчезнут с лица земли львы, тигры, гиены, змеи, как только цивилизованные люди заселят оба полушария, когда железные дороги пройдут по всей Азии и внутри Африки.

Не можем мы не охранять наших полей и садов от вредных птиц; чтобы не страдать от голода, мы вынуждены истреблять хлебного жучка и саранчу.

Тем не менее мы можем относиться с полным уважением к жизни и здоровью даже диких зверей, к жизни постольку, поскольку она не мешает жить нам самим. Во всяком случае из простого любопытства или ради своего развлечения мы не вправе доставлять страдания самому ничтожному живому существу.

И все-таки это постоянно делается, и против подобной жестокости следует протестовать.

Зоологические сады, цирки и продажа птиц в клетках должны быть отменены.

Зоологические сады не преследуют в настоящее время никакой научной цели. Это коммерческие предприятия, удовлетворяющие праздному любопытству толпы.

Если бы кто-нибудь пожелал изучать

нравы животных в зоологическом саду, он не мог бы этого сделать. Тут звери находятся в самой неестественной обстановке, они настолько лишены своих природных свойств, что размножаются чрезвычайно редко.

Звери несомненно испытывают целый ряд страданий. Привыкнув бегать в лесах, пустынях, на больших пространствах, они задыхаются в клетках.

Кроме того их обыкновенно кормят очень недостаточно и несоответственно их природе.

Желающие познакомиться с наружным видом разных зверей могут посещать зоологические музеи, где стоят чучела, могут читать книги. Ученые же, чтобы написать эти книги, должны изучать нравы и жизнь животных в природе, а не в клетках. Интересные наблюдения над муравьями, пчелами, ласточками, опубликованные в последнее время, сделаны не в зоологическом саду.

В маленьких зверинцах, кочующих по провинциальным городам, зверей кормят еще хуже, чем в столичных зоологических садах, стесняют еще больше, и устройство их должно быть признано безнравственным.

Точно также очень мало хорошего в цирках. Толпа забавляется тем, что животные делают противоестественные вещи. Лошади ходят не на четырех ногах, а на двух задних, собаки прыгают через обручи, даже свиньи показывают разные фокусы. Это показная сторона цирка, а закулисная та, что животных дрессируют, т. е. подвергают всевозможным истязаниям.

Другой очень скверный обычай сажать птиц в клетку и потешаться тем, что инстинкт их не вполне уничтожается, и они все-таки продолжают петь.

Как известно, птицы, живущие в клетках очень недолговечны и их приходится постоянно обновлять, т. е. приносить все новые и новые жертвы. Мне кажется, что сажание птиц в клетку – остаток старого и довольно варварского времени, когда в богатых домах для потехи держали попуга-

ев, скворцов, карликов, карлиц и арапов. Тогда глумились над физическими недостатками человека, и конечно не могли видеть ничего дурного в притеснении животных.

(...) Если однако относиться так бережно к животным, если считать их жизнь равноценной с нашей, логика требует может быть совершенно отказаться от услуг животных. Но мне кажется, что пользование домашними животными находит себе полное оправдание в строе человеческого общества.

Жизнь домашнего животного улучшается от наших забот о нем, при помощи человека оно обеспечено во всех своих существенных материальных потребностях, и при хорошем обращении получает даже нравственное удовольствие, так как лошади и собаки не равнодушны к ласке. Взамен услуг оказываемых животным, человек требует с их стороны известных услуг, это совершенно в порядке вещей, животные должны трудиться, как должно трудиться всякое живое существо, как должен трудиться сам человек; это всеобщий закон.

Мы можем сказать, что нанимаем животных для разных наших надобностей, как нанимаем прислугу. Лошадей нанимаем, чтобы они обрабатывали поля, перевозили тяжести и нас самих, собак, чтобы они охраняли нас, кошек, чтобы они ловили мышей.

Таким путем мы заключаем с животными договор, на который последние изъявляют безмолвное согласие. Что домашние животные против нас не протестуют, видно из того, что лошади, запряженные в экипаж, бегут добровольно и охотно, а собаки привязываются к своим хозяевам и потерев дорогу, все-таки их разыскивают и к ним возвращаются.

Лошадь представляет собой работника, собака сторожа и иногда компаньонку. Я разумею маленьких комнатных собачек, которых преимущественно дамы держат для своего удовольствия. Таких четвероногих компаньонов всячески балуют и им несомненно хорошо живется.

Но также несомненно, что домашние

животные протестуют как только не соблюдают известные условия. Животные должны быть сыты, и на них не надо взваливать непосильной работы. Лошадь бежит охотно только тогда, когда ее кормят удовлетворительно и когда она делает возможное для нее количество верст. Как только лошадь устала, потому ли что груз для нее слишком тяжел или потому, что ей не дали достаточно корма, ее приходится погонять кнутом, а это уже мучение.

Следовательно, не трудно прийти к такому заключению: животными можно пользоваться до тех пор, пока не приходится прибегать к насилию. Никакое насилие недопустимо, и раз оно пущено в ход, договор наш с животными нарушен. Мы имеем право пользоваться домашними животными, но вместе с этим правом мы накладываем на себя и известные обязанности. Обязанности наши сводятся в конце концов к одному, не доставлять животным никаких страданий.

Поэтому мы должны удовлетворительно кормить животных, согласно их природе, заботиться о их здоровье, лечить их в случае болезни, не держать их в помещениях слишком холодных и лишенных света, не обременять их непосильной работой, давать им отдых, не лишать общения между собой и удовлетворения всех своих естественных потребностей.

Только при соблюдении этих условий пользование животными не может считаться безнравственным поступком.

Теоретически никто не оправдывает жестокого обращения с животными...

Но говорят, стоит ли думать о животных, когда еще так много жестокостей совершается людьми по отношению друг к другу, когда люди людей же убивают и на войне и без всякой войны под влиянием страстей.

Очень стоит, очень полезно развивать в человечестве сострадание. Нельзя проповедовать частичную жалость, частичную любовь.

Нет, всю жалость, всю любовь должны мы охватить и поселить в сердце своем.

Человек, который находит достойным уважения и жалости не только себе подобного, но и собаку, не в состоянии будет совершать насилия над людьми.

От насилия мы страдаем, и всяким насилием должны мы возмущаться, от кого бы оно ни исходило. В борьбе против злых чувств и злых действий должно прибегать только к одному средству, к развитию и усилению гуманности, понимая это слово в самом широком смысле. Под гуманностью (за неимением пока другого выражения) надо разуметь любовь и сострадание ко всему живому, людям и животным.

Человечество желает идти вперед и усовершенствовать свой общественный строй, а для этого необходимо полюбить искренней, сильной и разумной любовью весь мир, всякое создание, потому что во всяком живом существе есть и живая душа.

Экологическая этика и СМИ

О. Супруненко

Международный социально-экологический союз, г. Берегово, Закарпатская область

Всегда приятно, когда вдруг по ящику увидишь свои родной край. Последнее время, правда, заезжим в Закарпатье тележурналистам приходилось вещать все больше о ходе “битвы под Мукачевским замком”. Но ведь не только политикой жив человек.

И вот недавно канал, именующий себя “звездой украинского телевидения”, в выпуске новостей анонсирует: необычным народным промыслом заняты жители закарпатского села. Прилипаем всей семьей к экрану (отмечу – с маленьким ребенком)

и узнаем, что... Оказывается, в селе Турьи Реметы жители – “лягушатники” похлеще французских, причем сотни лет.

Большинство из них, правда же, не столько питается лягушками, сколько отлавливает несчастных земноводных для крутых местных ресторанов. Спрос, оказывается, есть. Значит, будет с избытком и предложение. Готовят не всю лягушку, а только задние лапки. Которые и покупают кабатчики у аборигенов по 50 гривен за кило. Журналист радостно сообщает – на кило надо отловить 150 лягушек. Причем ловят жабок не круглый год, а всего неделю в году – когда те икру мечут. Значит, нужно спешить. Тут же продемонстрирован местный семнадцатилетний абориген, который в день способен отловить до 400 (!) животных. Церемониться с ними некогда – задние лапки тут же оттыпываются топором (камера снимает в упор под радостные телекомментарии), с них умелым движением сдирается кожа, а после ляжки полощутся в ручейке. Зовут аборигена прозаично – Игорь. Фамилия его названа и даже титром набрана, но я из праведных побуждений стукачем быть не хочу. (Может, невдомек жаболову, что за убийство лягушек инспектор экобезопасности мог бы при желании и штраф наложить. Причем, немаленький – от 1 до 9 гривен за каждую лягушку, в зависимости от вида. Вид, впрочем, журналистами не назывался). Поэтому хотел бы в своей статье обратить внимание не на Игоря, который, в свои семнадцать толком и не разговаривающий, а на “звездного” журналиста – который, не исключено, прессу читает. Да и не на него одного, а на целый отряд работников пера, микрофона и камеры, которые своим трудом (надеюсь, не по злой воле, а по неведению), пропагандируют повальный украинский экоцид.

Встречалось мне читать, что современный человек (то есть в большинстве своем городской и работающий головой, а не руками) испытывает биофобию – страх и неприязнь к живому. Биофобия эта мощно подкрепляется киноиндустрией, конвейером плодящей мутантов, уродов, вырвав-

шихся из лабораторий вирусов и прочую живую, но смертоносную гадость. Подкрепляет биофобию мощная реклама – призывающая стерилизовать унитазы, полы, ванны и сам воздух. Бактерии в этой рекламе имеют вид кишаших повсюду злобных чудищ, и как еще мы живы – порой только удивляешься. Видимо, под влиянием биофобии и рождаются опусы типа выше описанного. Вспомнились мне два сюжета другой телекомпании (убеждающей, что ты не один). В одном показано было село в Центральной, кажется, Украине, где была объявлена война кротам. Те, мол, сильно вредят полям, и потому подлежат истреблению. Не стану судить селян – может и впрямь им так кроты вредят, но вот чем они навредили специально выехавшему на съемку журналисту – не пойму. Ведь он-то городской, небось воспитан на замечательном чешском мультике о кроте (таких теперь не делают). В другом сюжете по селу на Николаевщине разгуливал волк. На коего и была устроена облава, поддерживаемая телекамерами. Год спустя я узнал (по долгой цепочке рассказчиков), что тогда в том селе убита была ... собака. Информация пришла от лесников – они должны были выдать охотникам премию за волка, но увидев расстрелянную собаку, только горько посмеялись. Это, правда, продолжением охотничьего ролика не стало. А сколько тележурналистами показано “народных умельцев”, мастеров чучела из тел порой краснокнижных животных! Сколько репортажей о “народных промыслах”, которые по сути – первобытное собирательство ягод, грибов, лекарственных трав – но в промышленных масштабах...

Перечислять сюжеты, подобные выше описанным, можно долго. Не обходят они и газетные страницы. К примеру, некоторые закавказские газеты то и дело описывают ужасы с волками. Серые обвиняются во всех грехах – и овец жрут, и домашних собак, и оленей с косулями. А потому убийство серых хищников зачастую подается как геройство и благое дело. В то время как в соседних, принадлежащих к Карпатскому

региону, Словакии, Румынии и Польше охота на волка запрещена. Карпатские экологи утверждают, что на самом деле численность волков в Закарпатье вдвое ниже официально признанной. Одновременно с тем число зверей, убиваемых перед периодом размножения, на самом деле вдвое выше, чем официально представлено. Биологи стараются в той же прессе объяснить: волки живут в Карпатах десятки тысяч лет. Вместе с ними все эти века жили десятки иных видов животных. Лишь совсем недавно (сотни лет назад — то есть минуты в масштабах вечной природы.) исчезли из карпатских лесов тур, лось, зубр, тарпан. В XX веке список ушедших дополнили серна, альпийский сурок, черный гриф. Всех их волки съели? Да и овец, по мнению защитников волков, хищники поедают в основном по недосмотру пастухов. Но слаб голос защитника природы. Кто его послушает? Куда интереснее невзыскательному читателю среди горячих сообщений об изнасилованных бабушках и зарезанных внуками дедушках найти ужастик про кроважидных волков. Под заголовком типа “Уничтожить волков лучше всего с помощью капкана”. Достается от газетчиков и змеям. Те, оказываются, совершают нашествия на ягодники и подло кусают людей. Не люди, выходит, сотнями на квадратный

километр высаживаются на сбор черники (яфена на местном языке) и скребками вычесывают кустарники, заодно давя все, что под кирзачи попадет. А змеи, тысячами лет в кустарниках жившие, агрессорами являются. Вывод — змей в расход?

Журналисты, как правило, люди молодые. Наверно, многие, учась, веселого и мудрого циника Леся Подеревянского, ухахатываясь, слушали, Например, его “Цікаві досліди”: в дегенеративной школе соответствующие ее уровню учителя преподают таким же детям урок биологии. Жабе отрывают лапки (как знакомо!), ежу вспарывают живот, белочку жарят на электродуге. Все в познавательных целях, основные выводы: каждое животное — враг народного хозяйства и его надо уничтожить. “Собачье сердце” тоже у культурных людей недавно еще на ура шло — с шариковским “уж мы кошек душили-душили, будем из них белочки польга шить”. Не хочу обижать сравнением коллег-журналистов. Хочется верить: не по злобе они ко всему живому так относятся — то как к врагу у ворот, то как к вещам полезным, раз съедобным. Может, плохо они экологические науки проходили (или плохо им преподавали). Может, не в курсе они, что кроме собственно журналистской этики есть еще и понятие “экологическая этика”.

Пять принципов приоритетности в разрешении конфликтных ситуаций с позиции экологической этики

Пол Тейлор

Рассмотрим подробнее пять таких принципов, называемых следующим образом:

а) принцип самозащиты;

в) принцип пропорциональности;

с) принцип минимального ущерба;

д) принцип справедливого распределения;

е) принцип справедливого возмещения.

Опубликовано: Taylor P. Respect for nature. A theory of environmental ethics. Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 1988, pp. 264-307. Сокращ. перевод Киевского эколого-культурного центра.

Хоть я и уверен, что этих пять принципов достаточно для того, чтобы справедливо рассудить конфликтные претензии, возникающие в результате столкновения обя-

занностей в сфере человеческой и экологической этики, я должен с самого начала подчеркнуть, что они не дают точного разрешения любой возможной конфликтной ситуации. Каждый принцип представляет один набор морально соответствующих соображений, которые следует принимать во внимание, и эти соображения могут служить лишь ориентиром в принятии решений относительно возникающих конфликтов.

а. Принцип самозащиты

Согласно принципу самозащиты, моральному агенту разрешено защищать себя от опасных или вредных организмов путем их уничтожения. Это касается, однако, только тех случаев, когда моральный агент, приняв все меры предосторожности, не может все-таки избежать столкновения с таким организмом и воспрепятствовать тому, чтобы такой организм нанес серьезный вред окружающим условиям, позволяющим моральному агенту существовать и действовать как моральный агент. Далее, этот принцип не разрешает пользоваться первыми попавшимися средствами самозащиты, а только теми, которые нанесут наименьший возможный вред организмам, в соответствии с целью сохранения существования и функционирования морального агента. Принцип применим только в случаях, когда нет никакой альтернативы, настолько же эффективной, но причиняющей меньший вред “атакующим” организмам. Принцип самозащиты допускает действия, абсолютно необходимые для поддержания самого существования моральных агентов и их способности действовать в качестве моральных агентов. Он не допускает действий, разрушающих организмы, если такие действия просто способствуют интересам или ценностям, которые моральные агенты могут иметь как личности. Самозащита – это защита против вредных и опасных организмов, а вредный или опасный организм в данном контексте понимается как тот, чьи действия представляют угрозу жизни или здоровью тех существей, кото-

рым нужны нормально функционирующие тела для того, чтобы существовать как моральные агенты. В сфере человеческой этики есть очень близкая параллель. Если у нас есть моральное право на жизнь, из него следует что мы имеем моральное право защищать свою жизнь – силой, если это необходимо, если другие угрожают нашей жизни, но это не значит; что нам разрешено применять силу по отношению к другим просто для достижения своих целей и ценностей. Следует отметить, что если нападающий – слабоумное человеческое существо, к примеру, если нападает разъяренный душевнобольной и покалечит нас, если его не остановить, то наше право самозащиты допускает его убийство, если нет другого способа избежать собственного убийства. Такова параллель, касающаяся самозащиты в экологической этике – против животных и растений. Тот факт, что “нападающие” морально невинны, не лишает силы данный принцип. Полное значение данного принципа приоритетности и его обоснования станут яснее после рассмотрения следующих трех положений.

(1) Принцип самозащиты не оправдывает нанесения вреда созданиям, не наносящим вреда нам, если только оно не связано с практической необходимостью, возникающей из-за невозможности отделить безвредные организмы от вредоносных, от которых мы пытаемся защититься. Мы увидим далее, что в этом отношении принцип самозащиты отличается от второго, третьего и четвертого принципов, подлежащих нашему осмыслению. В определенных ситуациях, которых касаются эти принципы, вред может быть причинен по крайней мере некоторым безвредным организмам, даже если это не связано с самозащитой.

(2) Несмотря на то, что на первый взгляд принцип самозащиты может показаться пристрастным, необъективным в пользу человека, на самом деле он соответствует требованиям объективного отношения к каждому виду. Он не разрешает моральному агенту способствовать благу какого-либо организма на том лишь основании, что он

принадлежит к данному виду, а не к иному. В частности, людям здесь не отдается предпочтение потому только, что они – люди.

Есть два соображения, подтверждающих эту объективность. Во-первых, принцип самозащиты сформулирован, “не взирая на виды”. Изложение принципа касается только моральных агентов и организмов, не являющихся таковыми. Люди ли, животные, или растения не упоминаются. Конечно, при обсуждении различных аспектов и приложений этого принципа человек обычно имеет ввиду людей, защищающихся, как правило, от животных, поскольку именно к таким практическим ситуациям повседневной жизни приложим этот принцип. Однако, строго говоря, здесь никаких ссылок на какие-либо виды не требуется. Тот факт, что люди (в большинстве) являются моральными агентами, а животные (в большинстве) не являются, является случайной истиной, не принимаемой данным принципом в моральный расчет. Моральным агентам разрешается защищаться от вредных или опасных организмов, не являющихся моральными агентами. Это все, что допускает принцип самозащиты. Если случится, что моральным агентом является не человеческое, а какое-либо другое существо, чье существование как морального агента находится под угрозой человека, не являющегося моральным агентом (скажем, психически больного или умственно отсталого), то этот принцип допускает, чтобы моральный агент, не являющийся человеком, убил того человека, который угрожает его жизни, если это убийство необходимо для сохранения статуса такого существа как морального агента, и не существует никакого иного способа самозащиты.

Второе соображение в пользу беспристрастности этого принципа состоит в том, что он полностью согласуется с идеей равной врожденной ценности всех живых существ – и людей и всех прочих созданий. Здесь уместно еще раз обратиться к принципу самозащиты в сфере человеческой этики. Наше право применить силу против другого человеческого существа, угрожаю-

щего нам насилем, вовсе не означает, что мы обладаем большей врожденной собственной ценностью, чем нападающий. Оно значит только, что мы можем справедливо применить средства “наименьшего зла” для защиты своего существования. Из уважения к личностной сущности другого мы обязаны не причинять ему или ей большего вреда, чем это абсолютно необходимо в целях самозащиты.

Равенство собственной ценности агрессора и защищающегося в человеческой этике выражается в нашей готовности сделать принцип самозащиты универсальным. С моральной точки зрения мы бы сочли справедливым, если бы другой или другая защищались от нас самих, если бы вдруг мы сами стали агрессорами. Эта идея обратимости означает, что и агент, и субъект имеют равную собственную ценность. Ведь каждый человек может быть как в роли субъекта, так и в роли агента, и при этом оправданность акта самозащиты остается неизменной.

Однако в случае самозащиты от животных или растений универсализация и обратимость неприменимы, поскольку ни животные, ни растения не могут играть роль моральных агентов, хотя и могут быть в положении моральных субъектов. То, что они делают по отношению к нам, не может быть справедливым или несправедливым, верным или неверным, потому что их действия не входят в сферу моральных стандартов или правил. И все же допустимость нашей самозащиты не подразумевает нашу более высокую или их более низкую врожденную ценность, что станет очевидным из следующих пояснений. Если мы обладаем прочным чувством собственной значимости, мы придаем изначальную ценность нашему существованию как личностей... Из самоуважения мы считаем, что наша личностная сущность стоит того, чтобы ее защищать. В то же время мы убеждены, что наша ценность не ниже, чем животных или растений. Дальше, если мы воздержимся от самозащиты против них, позволив им убить себя, то пожертвуем самим своим

существованием. Потребовать такой жертвы в качестве морального долга можно было бы только в том случае, если бы они имели более высокую собственную ценность, чем мы. Полагая, что у нас нет основательных причин принимать такую точку зрения, мы можем заключить, что у нас не существует моральной обязанности приносить себя в жертву им. Следовательно, морально допустимо, чтобы мы защищали себя от них, даже при том условии, что их собственная ценность равна нашей.

(3) Третье положение связано с неизбежностью действий, совершаемых согласно этому принципу. Соответствующая ситуация в сфере человеческой этики: нам разрешается применять силу против другого в целях самозащиты только в случаях, когда мы не можем избежать нападения или спастись от него. Если некто угрожает нам, а мы можем благополучно избежать столкновения, мы должны именно так и поступить. Аналогично и в случаях разрешения конфликтных претензий, разрешаемых на основе принципа самозащиты, мы должны приложить все усилия для того, чтобы избежать ситуаций, когда возникает опасность нанесения нам вреда другим организмом. Мы должны быть сильными и здоровыми, чтобы меньше было нужды в нанесении вреда другим созданиям или уничтожении их, поскольку чем мы слабее, тем более опасными для нас будут их действия. Наконец, прежде чем нанести вред животному или растению, моральный агент должен принять разумные меры предосторожности во избежание распространения болезней, отравлений или других опасностей биологического характера.

Причина таких ограничений и оговорок заключается в том, что все живые существа, безвредные ли, или вредоносные, имеют собственную врожденную ценность, а потому должны являться объектами отношения уважения. Убийство любого существа или причинение ему вред всегда само по себе считается аморальным, и может быть оправдано только в случае отсутствия какой бы то ни было альтернативы. В то же

время у нас должны быть веские моральные основания для такого поступка, настолько веские, чтобы они превалировали над очевидной обязанностью не совершать его. Самозащита, понимаемая как действие абсолютно необходимое для сохранения самого существования морального агента, как раз и является таким основанием. И только при таких условиях применим принцип самозащиты.

в. Принцип пропорциональности

Прежде чем рассматривать подробно остальные четыре принципа, посмотрим, как они взаимосвязаны. Во-первых, все четыре относятся к случаям, когда рассматриваемые организмы безвредны. Если их оставить в покое, их действия не поставят под угрозу ни жизнь, ни здоровье людей. Поэтому все четыре принципа касаются тех случаев, к которым не применим принцип самозащиты.

Далее нам нужно понять различие между существенными и несущественными интересами. Пользуясь этим различием, мы можем изложить соотношение этих четырех принципов следующим образом. Принципы пропорциональности и минимального ущерба относятся к случаям конфликтов между существенными интересами животных и несущественными интересами людей. С другой стороны, принцип справедливого распределения касается конфликтов, в которых интересы всех сторон являются существенными. Наконец, принцип справедливого возмещения ущерба применяется только тогда, когда в прошлом уже применялся либо принцип минимального ущерба, либо принцип справедливого распределения. Каждый из названных принципов создает ситуации, в которых требуется компенсация возмещения в какой-либо форме ущерба, нанесенного животным или растениям, когда и становится применимым принцип справедливого возмещения ущерба.

Что отличает существенные интересы от несущественных? Для ответа на этот вопрос прежде всего необходимо прояснить

значение термина “интересы”, а затем указать критерии определения того, являются ли рассматриваемые интересы существенными или несущественными. В данном контексте удобно будет называть условия и события в жизни организмов, помогающие им в реализации своего блага, способствующими, содействующими их интересам или продвигающими их. События и условия, препятствующие реализации их блага, будем называть вредными, неблагоприятными для их интересов или противоположными им. Термин “интересы” я буду применять к любому из объектов или событий, сохраняющих или защищающих в какой-то степени благо живого существа. Независимо от того, нравится ли что-нибудь данному организму или нет, чувствует ли он удовольствие или боль, имеет ли какие-нибудь осознанные желания, цели, задачи, важно ли ему то, что происходит с ним, озабочен ли он этим, сознателен ли этот организм вообще, – я буду говорить о его интересах следующим образом.

Чтобы выяснить, как разделить интересы на существенные и несущественные, следует принять во внимание тот факт, что интересы организма могут иметь для него разную степень сравнительной важности. Один из интересов может быть более важным для него, чем другой, либо потому, что первый больше способствует его благу, чем второй, либо потому, что первый является необходимым условием для сохранения его существования, а второй – нет. Мы можем сказать, что один интерес имеет большую важность, чем второй, в той мере, в какой неосуществление первого причинит организму больший ущерб или потерю, чем второго. Наиболее важными интересами являются те, которые необходимы для обеспечения его жизни.

Данное обсуждение существенных и несущественных интересов проведено было для того, чтобы представить далее второй и третий в нашем списке принципы приоритетности – пропорциональности и наименьшего ущерба. Оба принципа связаны с различием между существенными и не-

существенными интересами, поэтому было необходимо внести ясность в этот вопрос до их рассмотрения.

Эти принципы касаются двух различных типов конфликтов между параллельными претензиями. В обоих случаях мы имеем дело с ситуациями, в которых существенные интересы животных и растений вступают в конфликт с несущественными интересами людей. Но каждый из этих принципов касается различных типов несущественных человеческих интересов. Для того чтобы определить различие между этими типами, мы должны рассмотреть, как несущественные интересы людей связаны с отношением уважения к природе.

Во-первых, существуют несущественные человеческие интересы, изначально несовместимые с отношением уважения к природе. Эти интересы должны быть отвергнуты каждым, кто имеет отношение уважения к природе, поскольку для их достижения требуются действия или намерения, непосредственно выражающие или воплощающие потребительское отношение к ней. Такое отношение не имеет ничего общего с уважением, поскольку при этом считается, что дикие животные и растения имеют просто практическую ценность для достижения человеческих целей. Удовлетворять такие несущественные интересы – значит отрицать их врожденную собственную ценность. Примеры таких интересов и действий, совершаемых для их удовлетворения, приведены ниже (все это действительно имеет место в нашем современном мире):

убийство слонов ради их бивней, из которых изготавливаются сувениры для туристов;

убийство носорогов – из их рога делают рукоятки кинжалов;

сбор редких диких растений, например, орхидей или кактусов, для чьих-то частных коллекций;

отлов тропических птиц на продажу, чтобы любители держали их в клетках;

отлов (капканами, ловушками) и убийство рептилий, таких как змеи, крокодилы,

аллигаторы, черепахи, – ради их кожи, используемой для изготовления дорогой обуви, сумочек и другой “модной” продукции;

охота на редких диких млекопитающих – ягуаров, леопардов, – и их убийство для продажи их роскошного меха.

Любой вид охоты и рыбной ловли, осуществляемых ради забавы (независимо от того, съедаются ли убитые животные), когда такие действия не необходимы для удовлетворения существенных интересов людей, в частности, спортивная охота и рыбалка на отдыхе.

Цели такой деятельности и человеческие интересы, являющиеся ее мотивами, изначально несовместимы с отношением уважения к природе вот в каком смысле. Если рассмотреть определенные виды деятельности вместе с их основными целями как представляющие человеческое отношение к природе, то такое отношение может быть названо только потребительским, эксплуататорским. О тех, кто принимает участие в такой деятельности с целью достижения тех или иных целей, мотивирующих и направляющих их, так же как и о тех, кто потребляет их продукцию, зная методы, которыми она была добыта, никак нельзя сказать, что они имеют отношение уважения к природе. Во всех такого рода действиях человек относится к диким существам как к простым средствам достижения своих целей, отрицая таким образом их врожденную неотъемлемую ценность. Дикие животные ценятся или только как источник удовольствия или как вещи, которыми можно манипулировать, опять-таки, ради человеческого удовольствия.

Важно понять, что удовлетворяемые при этом человеческие интересы вовсе не являются существенными, базовыми интересами. Даже если охотники и рыбаки съедают убитую ими добычу или улов, это не имеет прямого отношения к основной цели их спортивных занятий. (Здесь не рассматривается совершенно иная ситуация, когда охота или рыбная ловля осуществляются не ради забавы, а по необходимости – для обеспечения средств существования). То,

что охотники и рыбаки съедают свою добычу просто ради удовольствия, и, следовательно, их занятия служат удовлетворению лишь несущественных интересов, доказывается тем фактом, что они продолжают охотиться даже и в том случае, если по той или иной причине не поедают убитых ими млекопитающих, птицу или рыбу. Охотятся они вовсе не ради того, чтобы удовлетворить свою потребность в пище.

Относительно приведенных примеров следует заметить, что ни одно из описанных действий не нарушает человеческих прав. В самом деле, если оставаться в рамках только человеческой этики, люди имеют моральное право делать все это, поскольку они имеют право на свободу достижения своих законных интересов, а в пределах их этики интерес является “законным”, если его реализация не связана с причинением зла или вреда другому человеку.

Только если к таким действиям применить принципы этики охраны природы, осуществление таких действий должно быть сопоставлено с требованиями этики уважения к природе. Вот тогда мы поймем, что с учетом всех обстоятельств такие действия неправомерны и несправедливы. Ведь если бы мы посчитали их допустимыми, то тем самым сочли бы ценность или важность существенных интересов животных и растений ниже тех, что мы придаем несущественным интересам людей. Любой моральный агент, имеющий отношение уважения к природе (так же, как и отношение уважения к личности), сочтет это абсолютно недопустимым. В конце концов, человеческое существо вполне может благополучно жить, даже не имея собственной птицы в клетке, одежды и обуви из дорогой кожи или роскошного меха, коллекции редких растений, не занимаясь ради развлечения охотой или рыбалкой, не покупая сувениров из слоновой кости, не пользуясь кинжалами с рукояткой из рога носорога. Но при осуществлении каждого из перечисленных выше видов деятельности с животными или растениями обращаются так, словно само их существование вообще не имеет

никакой ценности, кроме как служить средством для удовлетворения человеческих желаний.

Давайте теперь рассмотрим другой тип несущественных человеческих интересов, которые тоже могут вступать в конфликт с существенными интересами растений или животных. Речь идет о таких человеческих интересах, которые, в отличие от только что рассмотренных, сами по себе не противоречат отношению уважения к природе. Однако реализация этих интересов имеет последствия, нежелательные с точки зрения уважения к природе, а потому их следует по мере возможности избегать, иногда такие несущественные человеческие интересы могут не иметь такой высокой ценности, чтобы ради их реализации допускать тяжелые для природы последствия. В таких случаях человек, придерживающийся отношения уважения к природе, охотно откажется от реализации этих интересов. Однако иной раз эти интересы ценятся так высоко, что даже человек, имеющий искреннее уважение к природе, не пожелает отказаться от их реализации. В последнем случае, хотя наличие и реализация таких интересов сами по себе не выражают и не воплощают отношения уважения к природе, однако они также не выражают и не воплощают потребительского отношения к ней. Дикие животные или растения не используются и не потребляются как простые средства достижения человеческих целей, хотя последствия действий, ведущих к реализации таких интересов, причиняют им вред. Приведем несколько примеров несущественных интересов такого типа:

строительство музея или библиотеки, ради которого придется разрушить естественную среду обитания;

сооружение аэропорта, железной дороги, порта, автомагистрали, связанное с вторжением в природную экосистему и нарушением ее нормального функционирования;

замена первичного леса лесопосадками; перегораживание плотиной естественного русла реки для сооружения ГЭС;

преобразование естественного лесного массива в парк.

Откажутся ли люди, имеющие подлинное уважение к природе, от осуществления такого рода деятельности или нет – зависит от того, какую ценность они придают связанным с нею интересам. А это, в свою очередь, будет зависеть от всей их системы ценностей и от имеющихся альтернатив, – в частности, можно ли найти такую замену, которая причиняла бы меньше вреда или ущерба природе, и можно ли удовлетворить хотя бы часть таких интересов иным путем.

Давайте подведем итог этой классификации несущественных человеческих интересов, поскольку это важно для дальнейшего рассмотрения принципов приоритетности. Во-первых, существуют интересы, непосредственно выражающие потребительское отношение к природе; действия, предпринимаемые для реализации таких интересов, изначально несовместимы с уважением к природе.

Во-вторых, существуют интересы, сами по себе не воплощающие и не выражающие потребительского отношения к природе, но во многих практических случаях средства их реализации оказывают негативное воздействие на природу. Люди, имеющие отношение уважения к природе, сочтут необходимым, по мере возможности, избежать такого воздействия. Среди интересов второго класса могут быть не слишком важные для человека (не слишком высоко ценимые им), во всяком случае, не настолько, чтобы они перевесили ущерб природе, связанный с последствиями их реализации. Другие таковы, что их ценность для человека действительно превышает важность нежелательных последствий, даже если такой человек имеет искреннее уважение к природе.

Отложив на время рассмотрение принципа минимального ущерба, обсудим сначала принцип пропорциональности. Центральной идеей этого принципа является следующее: в ситуации конфликта между человеческими ценностями и благом (без-

вредных) диких животных и растений существенным интересам придается больший вес, независимо от того, чьи интересы конфликтуют – человеческие или иных существ. В пределах надлежущей сферы приложения этот принцип не допускает преобладания несущественных интересов над существенными, даже если это существенные интересы растений или животных, а несущественные – человеческие.

Условия приложения принципа пропорциональности таковы: рассматриваемые человеческие интересы являются несущественными и изначально несовместимыми с отношением уважения к природе; конфликтные им – существенные интересы диких животных и/или растений, безвредных для человека (о самозащите речь не идет). Примеры конфликтов такого типа приведены выше. Следует отметить, что такие действия, как спортивная охота и рыбалка, покупка роскошных мехов, изготовленных из шкурок диких зверей, приняты повсеместно, и многие миллионы людей считают их морально допустимыми. Этот факт со всею очевидностью доказывает несомненный, абсолютный антропоцентризм их взглядов на природу и их отношения к диким животным и растениям. Однако совершенно ясно, что с точки зрения биоцентрической этики, отстаиваемой мною в этой книге, такие действия следует осудить как воплощающие эксплуататорское отношение к существам, имеющим не меньшую врожденную ценность, чем их эксплуататоры.

с. Принцип минимального ущерба

Принцип минимального ущерба касается ситуаций, когда (1) существенные интересы животных и растений вступают в конфликт с несущественными интересами людей, и этого конфликта невозможно избежать; (2) рассматриваемые человеческие интересы не являются изначально несовместимыми с уважением к природе; (3) однако действия, необходимые для реализации этих интересов, наносят ущерб существенным интересам диких животных и/

или растений; и (4) рассматриваемые человеческие интересы настолько важны, что разумные и информированные моральные агенты, имеющее искреннее уважение к природе, не желают отказаться от них, даже принимая во внимание нежелательные воздействия своих действий на окружающую среду.

Примеры таких ситуаций приведены выше: строительство библиотеки или музея, ради которых будет разрушена природная среда обитания; сооружение аэропорта, железной дороги, порта, автомагистрали, связанное с вторжением в природную экосистему и нарушением ее нормального функционирования; замена первичного леса лесопосадками; перегораживание плотинной естественного русла реки для сооружения ГЭС; преобразование естественного лесного массива в парк. Проблема приоритетов в таких ситуациях заключается вот в чем: Как мы можем определить, когда допускается реализация человеческих (несущественных!) интересов, если она сопряжена с причинением ущерба существенным интересам диких растений и животных?

В данном случае верно, так же, как это было и при рассмотрении принципа пропорциональности, что только человеческая этика вполне допускает действия (скажем, разрушение естественной среды обитания ради строительства музея), способствующие реализации несущественных человеческих интересов за счет существенных интересов других живых существ. Это объясняется тем, что люди имеют право на свободу реализации своих законных интересов, если эта реализация не связана с нанесением ущерба другим людям. Но как только мы начинаем принимать во внимание принципы этики охраны природы, права людей в отношении других людей перестают играть решающую роль. Мы уже должны учитывать и благополучие прочих живых существ.

Далее, несущественные интересы людей в данном конкретном случае считаются настолько важными, что даже те, кто следует

отношению уважения к природе, считают возможной их реализацию за счет причинения ущерба живой природе. Каковы же причины такой особой важности? Ответ, прежде всего, связан с той ролью, которую играют в нашей жизни такие интересы с точки зрения цивилизованного человека, каковую люди разумные и информированные обычно самостоятельно принимают как свой собственный взгляд на жизнь. Во-вторых, особая ценность, придаваемая таким интересам, коренится в том, что они занимают центральное место в рациональном представлении людей о своем собственном истинном благе. Первый пункт касается культурного или социального аспекта этих интересов – более конкретно, важности их вклада в человеческую цивилизацию с позиций широкой исторической перспективы. Второй пункт касается отношения таких интересов с представлением индивидуума о том, какую жизнь, при существующих обстоятельствах и возможностях, он считает наиболее стоящей.

До сих пор мы имели дело с конфликтами, к которым применим принцип минимального ущерба. Теперь уместно прояснить содержание этого принципа. Этот принцип допускает, чтобы разумный, информированный, независимый человек, принявший отношение уважения к природе, не желает все же отказаться от реализации обоих вышеописанных типов интересов, даже если ему известны негативные воздействия их реализации на диких животных и растения, добивался реализации этих своих интересов только на том условии, что это связано с меньшим злом (меньшим нарушением долга), чем любой альтернативный способ их реализации.

Этот принцип устанавливает определенные ограничения на реализацию обоих типов интересов, с которыми мы сейчас имеем дело. В случае учреждений и повседневной деятельности данного общества, играющих важную роль для достижения данным обществом высокого уровня цивилизации, этот принцип требует, чтобы эти учреждения и повседневная деятельность на-

носили наименьший возможный ущерб природному миру. Наименьшее количество нарушений предполагает, что не существует никаких альтернативных учреждений и способов осуществления повседневной деятельности, которые могли бы, при прочих равных условиях, причинять меньше вреда жизни диких обитателей природных экосистем.

Что касается второго типа человеческих ценностей, то принцип минимального ущерба требует, чтобы действия, предпринимаемые людьми для достижения своих целей, лежащих в основе разумной концепции их истинного блага, были такими, что никакие альтернативные способы достижения тех же целей не причиняли бы меньшего зла диким живым существам. Как и прежде, ключевым тестом на моральную допустимость реализации несущественных интересов людей является минимизация зла и несправедливости, чинимых обитателям природных экосистем.

Каким же образом принцип минимального ущерба определяет справедливое разрешение конфликтных претензий. Здесь уместно принять во внимание следующие соображения. Прежде всего мы должны спросить себя, действительно ли такие человеческие ценности стоят той экстремальной цены, которую платят за них живые существа? В этой связи нам следует подумать о нашей личной системе ценностей и об образе жизни нашего общества, чтобы посмотреть, возможны ли модификации ценностей или смещение взглядов, которые помогут избежать хоть какого-то числа жертв этой деятельности. Во-вторых, мы должны тщательно изучить все альтернативные возможности достижения наших целей. Принцип минимального ущерба требует, чтобы мы выбрали альтернативу, которая либо полностью устраняет необходимость убийства, либо, по крайней мере, сокращает число жертв. Наконец, наше уважение к природе требует, чтобы мы относились резко отрицательно ко всякому убийству и признавали свою обязанность каким-либо образом компенсировать ущерб, на-

несенный нами живым обитателям мира природы. Наша добросовестность, забота, осторожность, сознательность в осуществлении этих трех шагов являются признаками нашего чувства справедливости в применении принципа минимального ущерба в случаях такого типа.

d. Принцип справедливого распределения

Четвертый принцип приоритетности применим к конфликтам прав людей и прочих существ при двух условиях. Во-первых, последние не наносят нам вреда, поэтому принцип самозащиты здесь непригоден. Во-вторых, интересы, приводящие к конфликтной ситуации, имеют одну и ту же степень важности – и те, и другие являются существенными, поэтому принципы пропорциональности и минимального ущерба тоже неприменимы. Сфера применения четвертого принципа включает случаи, не охватываемые первыми тремя.

Этот принцип называется принципом справедливого распределения, потому что предлагает критерии справедливого распределения степени реализации интересов всех заинтересованных сторон, когда в конфликт вступают только существенные, то есть одинаково важные для всех сторон, интересы. Поскольку они одинаково важны, то им придается и равный моральный вес. Для того, чтобы решение, разрешающее такой конфликт, было справедливым, это равенство следует соблюдать. Принцип справедливого распределения требует, чтобы, если существует источник блага для одной из конфликтующих сторон, это благо было разделено поровну между всеми, поскольку интересы всех существенны. В таких обстоятельствах справедливая доля — это равная доля.

Однако, когда мы пытаемся применить этот принцип на практике, то выясняется, что даже самые справедливые методы распределения не могут гарантировать совершенного равенства отношения к каждому индивидуальному организму. Следовательно, мы морально обязаны дополнить все

решения, основанные на принципе справедливого распределения, дальнейшими мерами, налагаемыми пятым принципом, – принципом справедливого возмещения ущерба. Поскольку мы не соблюдаем полной справедливости, мы должны дополнительно компенсировать ущерб соответствующим диким созданиям. Так же как и в случае применения принципа минимального ущерба, признание обид, причиненных существам, имеющих собственную природную ценность, налагает на нас дополнительную обязанность сделать все возможное для возмещения, заглаживания этих обид.

При разработке различных методов, с помощью которых принцип справедливого распределения может быть практически осуществлен, мы должны помнить, что в данном случае мы имеем дело с безвредными для нас дикими растениями и животными. Следовательно, у нас нет необходимости убивать их из самозащиты. Поскольку они на нас не “нападают”, мы можем попытаться избежать или устранить ситуации, которые вынуждали бы нас делать выбор между своей жизнью и их. Принцип справедливого распределения требует, чтобы мы, насколько это возможно, находили пути трансформации ситуаций, конфронтации в ситуации взаимного приспособления. Таким только способом можно разделить полезные всем ресурсы Земли поровну между всеми членами Живого сообщества. Наша цель – дать возможность диким животным и растениям существовать рядом с человеческими культурами.

e. Принцип справедливого возмещения

Принцип справедливого возмещения в качестве принципа приоритетности для установления справедливого способа разрешения конфликтов между людьми и прочими живыми существами должен дополнять принципы минимального ущерба и справедливого распределения.

Какие же в таких случаях возможны компенсации? В этом вопросе мы можем

руководствоваться двумя факторами. Первый: чем больше причиненный ущерб, тем большая требуется компенсация. Любой метод содействия благу животных и растений или его защиты, который должен служить восстановлению баланса равновесия между людьми и прочими организмами, должен дать последним количество блага, сопоставимым (насколько это возможно оценить) с количеством причиненного зла, которое должно быть компенсировано.

Второй фактор: следует уделять большее внимание здоровому состоянию целых экосистем и их биотических сообществ, чем благополучию отдельных особей. Практически более эффективно способствовать благу как можно большего числа организмов. Более того, отводя определенные природные территории под заповедники и заказники и сохраняя определенные типы ландшафтов в их естественном состоянии, мы можем достойным образом “выплатить” компенсацию диким существам.

Экоэтический идеал

В свете этого цельного и всеобъемлющего представления мы и найдем разрешение таких конфликтов, поскольку мы ищем решение, которое бы логически вписалось в идеальный мировой порядок, как мы его себе представляем. Это “логическое соответствие” означает не только то, что наше решение не является несовместимым с общей природой такого мирового порядка, то есть с его наиболее распространенными, глубинными и важными характеристиками; оно означает также, что наше решение имеет тенденцию прояснить и усилить эти характеристики. Речь идет о характеристиках, благодаря которым такой мировой порядок представляет собою условия жизни и окружающей среды, к которым мы бы все стремились как к действительно достойному идеалу, если бы следовали общему набору правил и стандартов систем как человеческой, так и экологической этики, изложенных выше, и принципам приоритетности, которые мы обсудили в предыдущих разделах.

Этот идеал – воображаемая картина того, что каждый моральный агент считал бы правильным выразить в своем поведении и характере как воплощение отношений уважения к личности и уважения к природе. Наиболее подходящей фразой для описания этого “наилучшего из миров” в простейших выражениях является следующая: мировой порядок на нашей планете, где человеческая цивилизация приведена в полную гармонию с природой. Поняв, что в данном контексте означает “гармония”, мы сможем лучше осознать основные черты содержания этого идеала. Но сначала нужно обсудить, что включает в себя термин “человеческая цивилизация”.

Под человеческой цивилизацией здесь нужно понимать все множество культур Земли на данном отрезке времени. В этически идеальном мире, где все культуры находятся в гармонии с природой, само собою разумеется, что каждый ведет свой образ жизни в пределах ограничений, налагаемых человеческой этикой уважения к личности. В каждом сообществе индивидуумы и организации преследуют свои разнообразные интересы, не нарушая ничьих моральных прав. В то же время они соблюдают законы и директивы своих политических и юридических систем, гарантирующих им эти права. Как бы ни различались их представления о реальности, каким бы ни было их понимание истории и традиций, какую бы религию они ни исповедовали, и как бы они ни представляли себе наиболее достойную жизнь, их верования, их убеждения, их ценности не вступают в конфликт с фундаментальным отношением уважения к личности.

Точно так же, если мы обратимся к тому, как каждая культура относится к прочим живым существам, каковы ее взгляды на место человеческой жизни в природном мире, то обнаружим огромное разнообразие этических идеалов человеческой цивилизации. Однако это разнообразие должно всегда соответствовать отношению уважения к природе. Принимает ли данная культура мистическое представление о единстве

человеческой души с мировой душой, смотрит на отношения между человеком и другими формами жизни не мистически, а каким-либо иным взглядом – любая из таких систем убеждений и верований должна допускать принятие и практическое воплощение отношения уважения к природе. Если некоторые или все элементы биоцентрического мировоззрения не будут приняты собственным мировоззрением данной культуры, оно, однако, не должно поддерживать потребительского отношения к диким живым существам и никакого иного воззрения, противоречащего отношению уважения. Таким образом вполне возможно, что в этически идеальном мире будут такие религиозные общины, монотеистические или политеистические верования, которые полагают, что Бог или боги заповедали людям любить всех диких земных созданий и заботиться о них. Мистицизм, согласно которому высшее состояние человеческого сознания понимается как его единство с миром природы, также вполне совместим с моральным отношением уважения к природе.

Биоцентрическое мировоззрение – рациональное и научно обоснованное представление о месте человека в природном мире, однако оно не обязательно должно быть единственным для всех культур, когда будет достигнут этический идеал гармонии между человеческой цивилизацией и природой.

С целью внесения дальнейшей ясности в содержание этого идеала, необходимо объяснить понятие гармонии. В данном контексте “гармония” означает сохранение равновесия, баланса между человеческими ценностями и благополучием животных и растений в природных экосистемах. Это такие условия на Земле, когда люди могут реализовывать свои личные интересы и вести принятый в их культуре образ жизни, давая при этом возможность величайшему разнообразию биотических сообществ и природных экосистем спокойно вести свойственное им естественное существование. Ущерб членам этих сообществ

может быть результатом только естественных процессов эволюции, адаптации, изменения условий окружающей среды, но только не человеческой деятельности.

Наша роль как моральных агентов в этом этическом идеале заключается в том, чтобы направлять и контролировать свое поведение, соблюдая в отношении животных и растений, живущих на воле, четыре основных правила этики охраны природы. Преследуя цели своей культуры и свои собственные, мы не всегда, конечно, можем избежать вторжения в природный мир, однако мы должны всегда ограничивать себя, так чтобы причинять как можно меньше вреда природным экосистемам и их биоте. Царство природы не считается созданным для нашего потребления, эксплуатации и контроля в наших собственных целях, – им нужно пользоваться вместе со всеми остальными видами. И хотя определенная часть человеческой культуры – биокультура – состоит как раз в использовании других живых существ в человеческих интересах, такие господство и подчинение отсутствуют в отношении человека к миру дикой природы.

Не только разные территории земной поверхности разделены между человеческими и прочими сообществами жизни, но разработаны также и способы выделения специальных временных периодов для пользования благоприятными ареалами каждым из таких сообществ по очереди. Далее, баланс соблюдается также и в стратегии “общей экономии”, где определенные ресурсы природы справедливо распределяются между людьми и прочими видами. Такими и иными путями и способами может быть достигнут этический идеал как место, где благо всех живых существ может быть реализовано наряду с реализацией (контролируемой отчасти) человеческих ценностей.

Нормативная функция этического идеала

Я завершу свое изложение кратким представлением того, как этический идеал

может служить нормативом для принятия решений теми, кто ему следует. Главная функция идеала – быть точкой отсчета для практических целей. Он осуществляет эту функцию, указывая тот мировой порядок, постепенная реализация которого должна быть долговременной моральной задачей каждого разумного морального агента. Имея ясное представление о содержании этого идеала, все они при постановке практических целей знают общее направление, в котором им следует двигаться. Непосредственные задачи, которые они ставят для себя, направлены на изменение существующего мира таким образом, чтобы, согласно их разумению, он становился все более похожим на идеальный. Именно благодаря тому, что они представляют себе конечный результат всех своих усилий в терминах этического идеала, они применяют свои знания таким образом, чтобы выбрать наилучшие практические цели и средства их достижения.

Этический идеал не только проясняет конечную цель практической рациональности, но и придает ей надлежащую ценность. Цели, которые моральные агенты ставят перед собою для постепенного достижения этического идеала, считаются достойными их усилий, потому что этот этический идеал сам по себе представляет наивысшее благо. Достижение непосредственных, практических целей имеет только промежуточную, вспомогательную ценность. Цели и средства ищутся не ради самих себя, а во имя идеала, то есть во имя того, чтобы сделать мир лучше, приблизив его на один шаг к тому, каким он должен быть. Мир, измененный таким образом, будет, с их точки зрения, лучше, чем тот, каким бы он был без этих перемен – именно потому, что этически идеальный мир содержит столько блага (и в терминах морали, и вне ее) сколько он эмпирически может содержать.

Нормативную функцию этического идеала как средоточия рациональности, целеустремленности жизни моральных агентов не следует рассматривать как замену сис-

темы поводов к действию, уже имеющихся в их жизни благодаря принятию ими отношений уважения к личности и уважения к природе. Каким бы способом моральные агенты ни изменяли существующий мир в направлении большей гармонии между цивилизацией и природой, используемые ими для этого средства никогда не должны нарушать основные моральные ограничения, налагаемые уважением к личности и уважением к природе. Люди и другие живые создания не должны рассматриваться исключительно в терминах их сиюминутной или потенциальной полезности в приближении мира к идеалу. Их практический рационализм не должен превосходить их обязанности как моральных агентов. Процесс постепенного приближения к идеалу – сам по себе моральный процесс. Для достижения хорошей цели нельзя пользоваться дурными средствами, то есть нельзя совершать действия, являющиеся злонамеренными, пагубными с учетом всех обстоятельств. Только действия, предпринимаемые в рамках правил, установленных человеческой этикой и этикой охраны природы, могут считаться допустимыми в борьбе за приближение этического идеала.

Надеюсь, полное изложение Этики Уважения к Природе доказало возможность ее внедрения в практику. Мир гармонии между человеческой цивилизацией и природой, построенный так, как было описано выше, вполне четкая эмпирическая возможность. Хотя я и не предлагал никаких политических, юридических или экономических перемен в существующих мировых культурах как специфических мер, которые необходимо принять, чтобы начать движение по направлению к этическому идеалу, все же из приведенных описаний биоцентрического мировоззрения и отношения уважения к природе должно быть ясно, что первым неременным шагом являются внутренние изменения наших моральных убеждений и обязанностей. Эти внутренние изменения сами по себе являются психологической возможностью. Некоторые люди уже добились таких психологических перемен, при-

меня свою независимость для решения о принятии новых моральных принципов касательно их отношений к природному миру и его живым обитателям. Они принимают хотя бы самые начала биоцентрического мировоззрения в рамках этики охраны природы. То есть смещение взглядов от антропоцентрических к биоцентрическим не есть психологически невозможным для людей, являющихся моральными агентами. В этой связи мы не должны путать трудность задачи с ее неразрешимостью. Здесь не должно быть никаких иллюзий – многим людям будет чрезвычайно трудно изменить свою систему ценностей, свои убеждения, весь свой образ жизни, когда они решат принять отношение уважения к природе и

действовать соответственно. Это может потребовать глубокой психологической переориентации. Большинство из нас в современном мире были воспитаны в строго антропоцентрических культурах, в которых прирожденное превосходство человека над всеми остальными видами принимается как данность. Потребуется огромные усилия для того, чтобы освободиться от этого общепринятого взгляда на животных и растения. Но все это не выходит за пределы практических возможностей. Ничего не мешает нам воспользоваться нашей способностью к независимому и разумному мышлению, чтобы постепенно сделать мир таким, каким он должен быть.

Эксперименты на животных — есть альтернатива!

И. Новожилова

центр “Vita”, г. Москва

Ежегодно миллионы жизней “братьев наших меньших” уносят болезненные эксперименты. Подопытных животных обжигают, ошпаривают, отравляют и замаривают голодом, подвергают электрическим разрядам и приучают к наркотикам, вызывают язвы желудка, артрит, рак, диабет, сифилис, СПИД. У них хирургически удаляются глаза, вызываются переломы костей и повреждения мозга. В военных исследованиях животных отравляют газом, цианидами, расстреливают пластиковыми пулями и снарядами.

Проблема экспериментирования на животных, вызывающая бурю споров и протестов на Западе, практически не попадает в фокус внимания российских СМИ.

Вивисекция (эксперименты на живых животных от латинского *vivus* – живой и *sectio* – рассекаю, “резать по живому”) берет свое начало в середине XVII века и на сегодняшний день представляет собой одно из самых “черных пятен” на совести чело-

вечества, потому что жестокие эксперименты на животных продолжают производиться во все больших масштабах. Историю экспериментальной медицины можно разбить на три этапа.

I этап – XVII–XVIII век – отличался крайне жестокими экспериментами, т. к. обезболивающие вещества были открыты только в XIX веке. В это время господствовала философия Рене Декарта (1596–1650), утверждавшего, что у животных нет души, они представляют собой механизмы и не могут испытывать боль.

II этап – XIX век – ознаменовался резкими выступлениями общественности, осуждавшей вивисекцию с позиции этики и созданием первых законов и обществ защиты экспериментальных животных. Первый в мире закон в защиту экспериментальных животных был принят в 1878 году в Великобритании. Во Франции первое общество противников вивисекции возглавил великий Виктор Гюго, который сказал “Ви-

висекция – преступление, человеческая раса должна отречься от этого варварства” Против жестоких экспериментов выступали также Ч. Дарвин, Б. Шоу, Э. Сетон-Томпсон, Р. Берне, Д. Голсуорси, Л. Толстой.

III этап развития медико-биологического эксперимента – XX век, когда остро встал вопрос о неэффективности подобной практики уже с позиций науки. Набирает силу движение врачей мира за модернизацию экспериментальной науки и поиск альтернатив.

По данным ЕС, основная часть подопытных животных гибнет в медицинских исследованиях (65 %). Фундаментальные научные исследования (в т. ч. военные, космические и др.) занимают 26 %, тесты на токсичность (косметика, новые промышленные соединения) – 8 %, сфера образования – 1 %. 85 % экспериментов на животных, проведенных за последние 100 лет, падают на период с 1950 г. Однако средняя продолжительность жизни за этот период практически не изменилась, число же хронических заболеваний продолжает расти. Недавний скандал с крупнейшим немецким концерном Bayer – производителем лекарственных препаратов – в очередной раз доказал, что разница протекающих в организме человека и животных процессов делает тестирование лекарств на животных бессмысленными. Тогда погибло 52 человека.

Результатом использования успокоительного препарата для беременных женщин талидомида в разных странах стало рождение 10 тыс. детей с отсутствием конечностей и уродствами. В 1960-х годах в Великобритании погибло 3,5 тыс. больных астмой, использовавших изопреналиновые аэрозольные ингаляторы, прошедшие испытания на животных. Современная медицина насчитывает до 150 препаратов, прошедших испытания на животных и оказавшихся опасными для человека.

Анализ достижений современной медицины показал, что прогресс связан с клиническими наблюдениями за больными, а не с экспериментами на животных. Это лечение таких заболеваний, как гепатит,

ревматизм, тиф, язвенный колит, болезни щитовидной железы и др. “Война против рака” началась с 1971 года, но так и не увенчалась успехом, хотя затраты на эксперименты с использованием животных превысили 1 млрд. долларов в год в США. Нет пользы и от экспериментов на животных при изучении СПИДа.

Медикаментозная медицина требует огромных финансовых затрат, которые с успехом могли бы быть потрачены на убеждение людей вести здоровый образ жизни. Прежде чем оказаться на аптечном прилавке, препараты проходят многочисленные испытания на животных в течение 15–20 лет. При этом на стадии ранних клинических испытаний 90 % препаратов выбраковываются.

На сегодняшний день в мире создан ряд центров по разработке альтернатив экспериментам на животных. В качестве альтернативы животному могут использоваться одноклеточные организмы, эмбрион яйца, бактерии, физико-химические методы, культуры клеток, компьютерные модели. Человек с его изобретательностью давно уже может снизить свою потребность в использовании животных, не принося ущерба.

“75 % подопытных животных уже сегодня могли бы с успехом быть заменены культурами клеток”, – считает Г.П. Червонская, вирусолог, член комитета по биоэтике при РАН. “Эти методы более дешевы, эффективны, экспрессны и позволяют выявлять токсичность испытываемых препаратов на более глубинном уровне – клеточном, а иногда и субклеточном”.

Еще более перспективной альтернативой экспериментальной медицине представляется натуропатическая медицина, которая устраняет необходимость в тестировании бесконечной вереницы лекарств, разрушающих защитные силы организма, и предлагает свой подход к оздоровлению человека, направленный на предотвращение заболеваний и нормализацию обменных процессов. Другая альтернатива – гомеопатия, тренирующая иммунитет чело-

века (натуропатия и гомеопатия не используют животных для экспериментов). Так, например, в Научно-практическом медицинском центре Вегетарианского общества получены сенсационные данные: в результате использования вегетарианских рационов возможна нормализация липидного состава сыворотки крови и обратное развитие коронарного атеросклероза!

Но на животных испытывают не только лекарства, но и косметику, строительные и упаковочные материалы, новые соединения, получаемые промышленностью. Животные дышат парами вещества, концентрация которого так велика, что большая часть их умирает, отравившись. Промышленный тест Драйза для косметических средств выглядит так: кролику наносят на роговицу глаза испытываемый продукт и ждут, пока не наступит повреждение роговицы.

Кролик обездвижен, – так что не может потерять лапой глаз, разьедаемый нанесенным веществом. Мучения животного прекращаются только после того, как наступит помутнение оболочки, погибнет глаз. За рубежом развернулось движение “Красота без жестокости”, которое поддерживает косметику, изготовленную без животных продуктов и не испытанную на животных. Товары этих фирм имеют знак “not tested on animals” (или кролик в круге).

В прошлом году Совет Европы запретил тестирование на животных косметики в странах Европы. В России очень медленно, но начинают внедряться альтернативы: культуры клеток, сперматозоиды быка и тест на мембране куриного яйца, призванный заменить тест Драйза.

К сожалению, экспериментальные животные используются и во время учебного процесса. Хотя большинство выпускников биофаков и мединституты никогда не будут работать с животными, их принужда-

ют вскрывать животных или проводить над ними болезненные опыты. В процессе обучения студенты становятся безразличными к вопросам личной ответственности и уважения ко всему живому, приравнивают животных к одноразовым инструментам. Сейчас растет и развивается всемирное движение за высококачественное гуманное образование в биологических, медицинских и ветеринарных вузах. Студенты и преподаватели используют компьютерные программы, математические модели, видеофильмы, наблюдают за живыми животными, лечат больных, оперируют трупы животных, умерших естественной смертью. Опыт альтернативного образования, практикуемый в Швеции, Англии и Италии, доказывает, что студенты отлично заканчивают институт, не принося страданий животным.

Для формирования у студентов этичного отношения к окружающему миру живого в московские ВУЗы внедряется и новая дисциплина – биоэтика.

Человек с его изобретательностью давно уже может снизить свою потребность в использовании животных, не принося ущерба своему здоровью и благополучию. Российские зоозащитные организации видят улучшение ситуации с подопытными животными в скорейшем принятии Федерального закона “О жестоком обращении с животными”, внесении соответствующих поправок в московский закон “О животных”, финансировании специалистов, разрабатывающих альтернативы животным и внедрению новой дисциплины биоэтики в российские вузы в качестве обязательного предмета. Хочется верить, что “наступит время, когда мир будет смотреть на современную вивисекцию во имя науки, как он смотрит сейчас на сжигание людей на костре во имя религии” (Х. Байн-джлоу).

Экобиоцентризм как основание экологической этики

В.Е. Борейко

Киевский эколого-культурный центр

Нужно сказать большое спасибо и экоцентризму и биоцентризму за их вклад в развитие экологической этики, за разрушение антропоцентризма. Однако жизнь не стоит на месте, и в настоящее время их уже нельзя назвать современными и универсальными теориями экологической этики.

Биоцентристы в своих взглядах допустили три серьезные ошибки: во-первых, практически не учли данные науки экологии; во-вторых, не распространили моральные отношения на виды живых существ и экосистемы и, в-третьих, ограничились лишь млекопитающими, забыв о низших животных, растениях, бактериях и т. п. Биоцентризм, по сути, является расширением классической человеческой этики на отдельные живые существа, принадлежащие к высшим животным.

Экоцентристы оказались не лучше своих оппонентов, также совершив три ошибки: во-первых, недостаточно учли взгляды классической этики; во-вторых, не распространили моральные отношения на отдельные живые существа и, в-третьих, экоцентризм совершенно не интересуется моральными проблемами домашних, сельскохозяйственных и подопытных животных, наиболее эксплуатируемых человеком. Утки, коровы, подопытные собаки, лягушки и ромашки оказались бесправными. Современный экоцентризм, по сути, является чистой экологией с небольшой приправой из этического лексикона.

Хотя основоположник экоцентризма, американский эколог О. Леопольд, задумывался о необходимости включения в моральное сообщество не только экосистем самих по себе, но и животных и растений: “Этика земли попросту расширяет пределы сообщества, включая в него почвы, воды, растения и животных, которые все

вместе и объединяются словом “земля”, – писал он (Леопольд, 1983).

Конечно, наука экология делает значительный вклад в экологическую этику, так как вообще научное понимание делает вклад в классическую этику.

Вместе с тем необходимо предостеречь от слишком большой надежды на экологию, как это часто происходит в случае экоцентризма. Мы должны избегать опасности превращения экологии во “всеобщее мировоззрение”. Как наука экология может сделать большой вклад в наше понимание природы. Однако на многие природоохранные вопросы, имеющие социальный характер, экология ответа не дает, ибо не может заменить собою философский этический анализ. Это во-первых. И во-вторых, опора только на экологию приводит к стандартной надежде на быстрое технологическое решение, то есть устранение следствия, а не причины.

Очень недалеким и опасным для общественной морали является мировоззрение некоторых “чистых” экоцентристов, не воспринимающих необоснованные страдания и гибель отдельных живых существ по вине человека. А вместе с тем еще в Талмуде сказано: “Кто сохранит одну жизнь, это все равно, как если бы он спас весь мир, кто уничтожит одну жизнь, – это все равно, как если бы он уничтожил весь мир”.

Живые существа, и в особенности высшие животные, могут страдать, испытывать горе, и поэтому было бы несправедливо и глупо оценивать их как “бездушные винтики” в экологических системах, или считаться с их благом только когда они “объединены” в виды или подвиды.

Лауреат Нобелевской премии К. Лоренц писал о диких гусах: “Гуси обладают поистине человеческой способностью испыты-

вать горе (...). Горюющие люди, а также гуси, легко становятся жертвами несчастных случаев” (Лоренц, 1984).

Каждое живое существо, как справедливо полагает Пол Тейлор, “является особым теологическим центром жизни со своим собственным достоинством” (Борейко, 2004).

Если мы пришли к пониманию, что нужно ограничивать страдания человека, то почему мы не расширим его до ограничения страданий живых существ? Перефразируя известную поговорку: плохо, когда за деревьями не видят леса, но не лучше, когда за лесом не видят дерева.

Нет смысла искусственно раздувать противоречия между эко- и биоцентризмом. Гораздо целесообразнее говорить о том, что их объединяет, что у них общего, что может послужить основанием для общей платформы экологической этики.

Это – следующие важные моменты: 1) все, и индивиды, и виды живых существ, и экосистемы обладают собственным благом, правами, своей внутренней ценностью, ибо ценны сами по себе и сами для себя; 2) гибель природы – это гибель как всех живых существ, так и экосистем; 3) и экоцентризм, и биоцентризм считают природу моральным партнером (субъектом морали); 4) обе эти идеологии выступают против антропоцентризма.

Экобиоцентризм сближает оба взгляда, он берет все лучшее, что есть в био- и экоцентризме. Он своего рода двухполюсный подход и золотая середина. Как писал Нильс Бор: “Противоположности не противоречивы, а дополнительные”. Так называемые противоположности эко- и биоцентризма, на самом деле – необходимые качества полноценной экологической этики, взаимодействующие и взаимодополняющие друг друга. Любое искусственное разделение биоцентризма и экоцентризма может привести к необъективному анализу ситуации и выдаче неправильных экоэтических рекомендаций. В принципе, нет ничего плохого в том, что в экологической этике существуют различные направления.

Если мы рассмотрим другие этические, философские или политические теории – марксизм, утилитаризм, консерватизм, либерализм – они также состоят из различных взглядов, течений, направлений, порой апеллирующих друг другу. Например, в либерализме спорят два подхода – утилитарный либерализм (ставящий во главу угла добро) и этический либерализм (подчеркивающий главенство права). Однако по существу эти взгляды только дополняют, обогащают друг друга. Но вернемся к экобиоцентризму.

Экобиоцентризм распространяет моральную ответственность человека и на отдельные особи живых существ, и на виды живых существ, и на экосистемы, используя на равных знания экологии и классической этики. Важное преимущество экобиоцентризма, в отличие от био- и экоцентризма, состоит в том, что он мешает принятию чисто технических, упрощенных решений, например, за счет простого уничтожения отдельных живых организмов (как в случае с экоцентризмом), или за счет недооценки блага экосистем (как при биоцентризме), экобиоцентризм заставляет человека думать и принимать решения, которые были бы приемлемы как и для него, и для экосистемы, и для живых существ.

Так, отстрел оленей охотниками, дабы сохранить лесной подрост (что, в принципе, поддерживается голым экоцентризмом), не приветствуется экобиоцентризмом. Экобиоцентризм заставляет человека искать более взвешенные, экологически продуманные и гуманные решения.

Следует отметить, что индивидуальные права имеют смысл для тех существ, которые являются индивидами. Но и неживая природа самоценна, и поэтому индивидуальному праву на жизнь волка или орла здесь соответствует коллективное право экосистемы, моря, гор на существование. Поэтому можно признать, что в природе существует два рода прав: права человека как личности вместе с правами животного как личности (обобщенного человека), с одной стороны, и права видов и дикой при-

роды как Совершенно Иного – с другой. Здесь мы видим, как справедливо считает В. Агафонов, ключ к разрешению вопроса о соотношении прав индивидуального волка и экосистемы. Бессмысленно спорить: чьи права важнее – индивида или экосистемы: они качественно различны, так как обладают самостоятельной ценностью. Также бессмысленно спорить, что вкуснее: соль или сахар, так как это вещи из разных вкусовых категорий. Так и моральные права волка и экосистемы относятся к разным этическим категориям.

Если мы рассматриваем благо отдельного волка, встав на его сторону, для него важнее его собственное, волчье право, если мы рассматриваем благо экосистемы – то для экосистемы важнее ее экосистемное право. Встав на сторону кого-то одного, мы одновременно попираем право другого, что является несправедливым.

Постановка вопроса: чьи права важнее – волка или экосистемы, порождена конфликтным мышлением, которое заводит нас в тупик, и от которого нужно избавляться, занимаясь экологической этикой.

Конечно, вклад волка в общие эволюционные и экологические процессы несравним с вкладом экосистемы. Так же как вклад одного человека в развитие человеческой цивилизации несравним с вкладом целой нации. Однако это не означает, что правами и достоинством этого одного человека можно пренебрегать.

Теоретически, договорившись махнуть рукой на одного человека (или на одного волка), мы рискуем тем самым ступить на так называемый “скользкий склон”, когда допустимым будет пренебречь также двумя, тремя, четырьмя людьми (волками) и т. д. Кстати, подобный пример анализируется в Библии. Авраам, узнав, что Бог хочет уничтожить за грехи Содом, спрашивает его: “а как быть с 50 праведниками, которые там могут жить”, Бог отвечает, что если они там есть, то в таком случае он не будет разрушать город. Тогда Авраам спрашивает: “а если праведников будет 45”. Бог отвечает, что в таком случае он также не

будет разрушать город. Тогда Авраам снижает количество до 40, 35, 30 и так далее. Дойдя до 10 праведников, Бог заявляет, что также не будет уничтожать город, и не выдержав спора с Авраамом, уходит. Некоторым экологами, которые часто с цинизмом и насмешками относятся к стараниям экологов защищать права отдельных живых существ, не мешало бы знать эту библейскую притчу.

Этически регламентируя свои отношения с природой, мы должны стараться учитывать права и интересы всех и вся, от малого до великого в природе, от особи до вида и экосистемы.

Экобиоцентризм, в отличие от экоцентризма и биоцентризма, стоит более жестко на позиции невмешательства в дела природы, позволяя ей самой разрешать возникающие у нее проблемы.

Примером экобиоцентрического отношения к природе должны стать наши заповедники, а также заповедные зоны национальных парков, где под абсолютной охраной обязаны находиться не только экосистемы или виды живых существ, но и их отдельные представители. Предвестниками экобиоцентризма можно считать племена североамериканских индейцев и некоторых других туземцев. Индейцы называли экосистемы (дикую природу) своей матерью, а живые существа – братьями, имеющими права.

Конечно, экобиоцентризм не исключает возникновение конфликтных ситуаций, когда человеку в своих отношениях с природой, в тех или иных случаях, приходится выбирать, чьи права и блага важнее защитить: лягушки или экосистемы. В одних ситуациях предпочтение может быть отдано отдельным особям, в других – экосистеме. Например, когда стоит вопрос сохранения редкого вида лягушки, насчитывающего всего десятки особей, то ради защиты каждой из них допустимо несколько потеснить и обычные виды, и даже экосистемы. И наоборот, когда уникальная экосистема страдает от расплодившегося обычного вида, например, домашней свиньи, то в

этом случае возможны меры по ограничению ее численности.

В любом случае требуются дальнейшие дискуссии по этой теме и разработка специальных экоэтических правил и принципов на случай разрешения конфликтов между правами отдельных живых существ и правами экосистемы, как в человеческом обществе разработаны подобные правила на случай разрешения конфликтов между правами человека и правами государства, организаций и т. п.

Другой пример: соблюдение прав особей домашних, сельскохозяйственных животных, или особей диких, находящихся в неволе. Чистый эгоцентризм вообще не рассматривает эти вопросы, поэтому здесь нет никаких противоречий между биоцентрическим и эгоцентрическим направлениями.

Теперь давайте рассмотрим педагогические вопросы воспитания чувственного отношения к природе в рамках экобиоцентризма. Известно, что человек начинает знакомство с миром природы с отношений эмоционально-чувственных к малому и только затем поднимается на уровень расчленимых и понятных форм. Трудно пред-

ставить, чтобы ребенок научился уважать сразу в целом вид животного или экосистему, испытывать к ним эмоциональные чувства. Скорее всего он научится сопереживать отдельному животному или растению (в рамках биоцентризма), а затем, постепенно, станет расширять свои моральные представления, включая в него представителей других, менее известных животных, растений, виды и наконец, экосистемы. Такой постепенный подход возможен только в рамках экобиоцентризма, сочетающего биоцентрическое и эгоцентрическое направления.

Откровенно говоря, я не верю тем природоохранникам, которые прикрываясь заботой об экосистемах, не обращают внимания на гибель или страдания отдельных животных или растений. Без заботы о малом не может быть заботы о большом.

Литература

- Борейко В.Е. (2004): *Философы дикой природы и природоохраны*. 2-е изд. К.: КЭКЦ. 1-160.
 Леопольд О. (1983): *Календарь песчаного графства*. М.: Мир. 1-248.
 Лоренц К. (1984): *Год серого гуся*. М.: Мир. 1-191.

О концепциях экологической этики

В.Н. Грищенко

Каневский природный заповедник

Попытка найти компромисс между противоборствующими концепциями экологической этики, предпринятая В.Е. Борейко (2004), весьма похвальна. Разумный компромисс лучше бессмысленной ссоры. Вопрос – как его достичь? Как хорошо известно биологам, гибриды обычно бесплодны... Да и призывы к компромиссу со стороны человека, ударившегося в крайний биоцентризм (теория всеобщего равенства) выглядят мало убедительно.

Экологическая этика включает несколько основных концепций. Взаимоотношения

между ними очень наглядно и удобно обрисовал немецкий экофилософ Мартин Горке (Gorke, 1998; Горке, 2002). Схему экологической этики можно представить в виде системы вложенных кругов. С каждым кругом увеличивается объем моральной ответственности человека. Круг наименьшего радиуса – антропоцентризм. Отношение человека к природе рассматривается через призму интересов человека. Этот подход в охране природы выражают хорошо известные нам лозунги: “Все для блага человека, все во имя человека”, “Для нас и потом-

ков” и т. п. Следующий круг расширяет нашу ответственность до способных чувствовать и страдать высших животных – патоцентризм. Ярким представителем этого направления является П. Сингер с его идеей “освобождения животных”, поскольку все сводится к освобождению их от боли и страданий (Сингер, 2002; см. также Грищенко, 2002д). Третий круг – биоцентризм, он включает уже все живые организмы. Наконец, четвертый круг с наибольшей ответственностью человека – экоцентризм (он же холизм или физиоцентризм). Он включает помимо живых организмов также неживую природу и системные целостности надорганизменного уровня – популяции, виды, экосистемы, биосферу в целом.

Не все экофилософы включают антропоцентризм в состав экологической этики, а патоцентризм может рассматриваться как составная часть биоцентрической концепции. Но в целом структуру это не меняет. Возможна и другая крайность – отнесение к экологической этике только экоцентризма, поскольку биоцентризм больше сродни биоэтике.

Нетрудно заметить, что каждый новый круг включает всех моральных агентов предыдущего и добавляет новых. Ни патоцентризм, ни биоцентризм не отрицают моральную ответственность человека за других людей, не сводят всю мораль только к защите представителей иных видов. Они лишь дополняют человеческую мораль, расширяя ее до ответственности за другие живые существа. Подобно этому экоцентризм также включает в себя ответственность за другие живые существа как индивиды (круг биоцентризма), поэтому утверждение В.Е. Борейко (2004), что “экоцентристы ... не распространили моральные отношения на отдельные живые существа” совершенно не состоятельно.

Охрана видов вовсе не обязательно связана с игнорированием прав и ценностей индивидов.

Перейдем от общих слов к конкретным примерам. О. Леопольд (1983) писал: “... этика земли меняет роль человека, превра-

щая его из завоевателя сообщества, составляющего землю, в рядового и равноправного его члена. Это подразумевает уважение к остальным сочленам и уважение ко всему сообществу”.

Б. Гржимек, очень много сделавший для охраны редких видов, боролся с модой на меха из диких животных задолго до того, как появились такие организации как ALF и PETA. Великосветских модниц, щеголяющих в нарядах из мехов диких кошачьих, он “пригвоздил” фразой, надолго всем запомнившейся: “Тигровые шкуры лучше сидят на тиграх, чем на коровах”. Ученый выступал против корриды, называя ее “бесчестным состязанием”. Б. Гржимек первым поднял вопрос об избииении детенышей тюленей – бельков – на лежбищах. Нередко промысловики для ускорения процесса сдирали шкуру с живых зверьков. Снятый в бухте Святого Лаврентия документальный фильм об этом вызвал шок в “приличном” обществе. Канадское правительство в конце концов вынуждено было ввести более строгие правила ведения промысла.

“Я нажил себе немало врагов, – писал Б. Гржимек, – в особенности среди крупных промышленников. То я настойчиво критиковал нерадивое Баварское правительство за то, что оно никак не собирается выделить землю под национальный парк “Баварский лес”, то обижались на меня изготовители знаменитых “супов из черепах”, торговцы лягушатинной, заводчики собак, содержавшие наших четвероногих друзей в непотребных условиях, а то и богатые дамочки, опасавшиеся после моих передач появляться на людях в своих леопардовых или тигровых манто; случались даже конфликты с правительствами, например, с итальянским, разрешившим отлов на пролете миллионов европейских певчих птиц и переработку их на деликатесы. Ссорился и с заокеанскими охотниками, прилетавшими “на пару дней” в Африку “пострелять бегемотов и слонов”, а также с фабрикантами, выпускающими кожаные сумки, в частности сумки из крокодиловой кожи, устрой-

телями корриды и целыми рыболовными концернами, отлавливающими рыбную молодь и опустошающими таким образом океан” (цит. по: Банников, Геевская, 1982).

Почитайте книги Дж. Даррелла, спасавшего редкие виды животных, разводя их в зоопарке (для последовательного биоцентриста одно лишь содержание животных в неволе – крамола). Описываемые в них животные – это интересные и неповторимые личности, яркие индивидуальности. Где вы найдете безликих представителей своих видов? Чего стоит одно название книги воспоминаний о детстве – “Моя семья и другие животные” (в английском оригинале, в русских переводах это название часто изменялось на менее эпатажное)? Куда уж больше равной ценности?

К. Лоренц (1998) писал: “Клеточное содержание кур-леггорнов справедливо считается мучительством животных и позором нашей культуры”.

В “Декларации эко-этики” говорится: “Мы будем дорожить личной ценностью и достоинством каждого индивида в контексте экологической системы поддержания жизни с множеством индивидов, каждый из которых имеет потенциальную ценность и значение” (Cairns, 2002).

О каком пренебрежении моральными правами индивидов речь? Экоцентристы их тоже признают, просто увязывают с другими правами и ценностями.

Не могу согласиться я и с “первой ошибкой экоцентристов” – недостаточный учет взглядов классической этики. Все это голословные утверждения, ничем не подкрепленные. В.Е. Борейко придумывает себе оппонента, с которым успешно спорит.

Вот несколько цитат из книги О. Леопольда (1983).

“... перестаньте считать бережное обращение с землей чисто экономической проблемой. Рассматривая каждый вопрос, ищите не только то, что экономически выгодно, но и то, что хорошо этически и эстетически”.

“У нас пока еще нет этики природы, но мы хотя бы приблизились к признанию

того факта, что птицы должны существовать в силу своего биотического права независимо от того, выгодно это нам экономически или нет <...> И лишь в последние годы мы услышали более честный довод, что хищные животные – это члены сообщества, и ни у кого нет права уничтожать их из-за своекорыстной выгоды, реальной или воображаемой”. Это и к вопросу о непризнании экоцентристами прав природы.

В буклете Международного союза экоэтики говорится: “Основываясь на великих творениях природы, нам необходимо развивать и усиливать новые ценности, такие как: самоограничение, скромность, ответственность, честность; формулировать цели, такие как: мир, свобода, достоинство, справедливость, права человека; содействовать осуществлению идеалов, таких как: добродетель, альтруизм, помощь, любовь. Здесь простирается основа, общая для теологии морали и философии морали”. Рекомендуются для сохранения человека в биосфере формирование “нового поколения людей с убеждениями и навыками в области экологической этики, морали, нравственности” (Поликарпов, 2001).

А что касается того, что “экоцентризм совершенно не интересуется моральными проблемами домашних, сельскохозяйственных и подопытных животных”, то это сфера деятельности биоэтики, зачем все валить все в одну кучу? Кроме того, это не совсем так, см. выше.

Должен вступить и за биоцентристов. Я не понимаю, в чем состоит их “третья ошибка”. В.Е. Борейко пишет, что они “ограничились лишь млекопитающими”. Но даже у П. Сингера (2002) речь идет как минимум и о птицах и других позвоночных. А если говорить о биоцентрической концепции в целом, то рассматривает она все живые организмы.

Конфликт ценностей, из-за которого весь сыр-бор, возникает по той простой причине, что экоцентристы имеют дело со всей существующей в природе вертикалью:

от особей до биосферы в целом. Естественно, возникает иерархия ценностей, поскольку жизнь одного комара не может быть равной жизни на планете в целом, точно так же как жизнь одного оленя – жизни всех оленей вместе взятых. Не все согласны с таким подходом, есть философы, считающие, что собственное “Я” – дороже всего остального мира. Это, конечно, греет душу (того самого “Я” – ах, какой я ценный и значимый!), но совершенно не применимо на практике. В человеческом обществе тоже ведь интересы личности подчинены интересам целостностей надорганизменного уровня – семьи, общества, государства, нации и т. п. В противном случае эти самые семья, общество, государство просто перестанут существовать. Стабильность семьи, например, напрямую зависит от того, насколько супруги могут “притереться” друг к другу, умерить свои запросы. Если же соединятся два непробиваемых эгоиста, считающиеся только со своими интересами, крах неизбежен. “Всеобщая декларация прав человека” звучит красиво, но в реальной жизни многими из этих прав не так просто воспользоваться. Так что принятый в эгоцентризме порядок вещей вполне естественен, он взят от самой природы. Природа ведь не считается с индивидуальными правами и ценностями, она разбирается как жизнями индивидов, так и существованием видов и экосистем налево и направо.

Один из теоретиков современного эгоцентризма Б. Калликотт писал: “Лично я не особенно восторгаюсь моральной теорией Швейцера – главным образом по той причине, что она ограничивает круг морально значимых объектов индивидуальными сущностями, не беря во внимание объекты коллективной природы: популяции, виды, биоценозы и всю глобальную экосистему в целом. Второй “минус” – ее склонность осуждать и проклинать наиболее фундаментальные процессы эволюционной и экологической биологии, а именно той закономерности, что жизнь одной особи с необходимостью обеспечивается

смертью других. Кстати, сходные мироотрицающие аффективные тона обнаруживаются и в классических доктринах индуизма, джайнизма и буддизма – практически во всех философских системах индийского субконтинента. <...> Экологическая этика, напротив, принимает жизнеутверждающую установку, поскольку ориентирована на интеграцию человека и природы, на гармонизацию их отношений, а не на отрыв этих сущностей друг от друга” (Калликотт, 1990).

Эгоцентричной является и “глубинная экология”, хотя В.Е. Борейко (2001) почему-то относил ее к биоцентрическому направлению, а затем переместил к эгоцентризму, видимо, пытаясь найти авторитетную опору для введенного им термина (Борейко, 2003). С моей точки зрения, все это более чем сомнительно. В платформе “глубинной экологии” (см. Наэсс, Сессинс, 2000) речь нигде не идет об организменном уровне жизни.

Эгоцентризм возник на основе экологии, как науки, и природоохранной практики. Неудивительно, поэтому, что его сторонниками являются прежде всего ученые и те, кто занимается практической природоохранной деятельностью. Эгоцентризм – это философское обоснование реальной природоохранной науки и практики.

Биоцентризм же, особенно его крайние формы – это чисто кабинетные учения, которые часто невозможно реализовать на практике. “Помимо этически проблематичной и практически невозможной задачи присвоения равного морального принятия во внимание всем и каждому живому существу, – пишет Б. Калликотт, – чистый и крайний биоцентризм имеет малое отношение к природоохранной биологии – которая, опять же, не занимается судьбой экзemplяров, но судьбой видов, экосистем и эволюционных процессов” (Кэлликотт, 1999).

Например, биосферный эгалитаризм – признание за всеми живыми существами равной ценности и равных прав – делает невозможной охрану редких видов и выхо-

лачивает саму идею охраны природы. Суть ее как раз в том, что для спасения наиболее уязвимых или ключевых видов нужны дополнительные усилия, превышающие “средний уровень” любви к природе и уважения ее прав. Необходимы правильный выбор приоритетов и концентрация усилий. С точки зрения охраны редких видов, калифорнийский кондор имеет неизмеримо большую ценность, чем домашний петух, при всем уважении прав последнего.

Идея всеобщего равенства – это вообще чисто человеческое изобретение. В природных сообществах ничего подобного нет (не потому ли биоцентристы призывают игнорировать экологическую науку, чтобы она своими реалиями не портила придуманную ими картину мира). Есть взаимозависимость. И в этой “сети жизни” далеко не все ячейки оказываются равными по значимости. В экологии есть понятие “вид-эдификатор” – это вид, определяющий “лицо” сообщества. Если в дубовом лесу исчезнут волки, олени, синицы, бабочки, это будет обедневший дубовый лес, но по-прежнему дубовый лес. А вот если в нем исчезнут дубы – это уже будет другая экосистема. И далеко не всем обитателям прежней в ней найдется место.

Вот задачка для любителей порассуждать о равной ценности и равных правах. Представьте себе огромный старый дуб среди поля. На нем обитает множество всякой живности – микроорганизмы, грибы, насекомые, в ветвях и в дуплах гнездятся птицы, многие животные питаются желудями. Если этот дуб усохнет или его срубят, то у всех остальных обитателей возникнут проблемы. Не все из них сразу же погибнут, но очень многие. То есть жизнь одного дуба равна жизни сотен и тысяч других существ. Вот такая арифметика. Отмирание кораллов на рифе означает автоматическую гибель значительного числа его обитателей.

С точки зрения теории всеобщего равенства и дуб, и обитающая в его стволе личинка жука имеют равную ценность и равные права, значит охранять мы их должны одинаково. А природоохранная практика (и

элементарная логика) говорит, что нужно сберечь прежде всего дуб, а все связанные с ним организмы (так называемая консорция) сохранятся сами собой.

Нельзя устройство человеческого общества “за здорово живешь” переносить на другой мир (вот уж в пору вспомнить навязший в зубах термин “Совершенно Иное”, оно действительно в этом смысле иное). Конечно, если мы не хотим вместо дикой и свободной природы иметь глобальный хоздвор, в котором человек может устанавливать свои порядки – чтобы среди кур доминанты не очень обижали своих товарок, чтобы кот не таскал цыплят, а коза не лезла в капусту. Поэтому идеи Д. Андреева и ему подобных теоретиков переустройства биосферы не вызывают у меня пикета, в какой бы красивой и гуманной обертке все не преподносилось (Грищенко, 2001в, 2002г).

Главный “освободитель” животных П. Сингер (2002) пренебрежительно отзываясь об охране редких видов: пусть себе вымирают, главное чтобы это проходило тихо и спокойно, без страданий.

Т. Риган (2004) утверждает, что теория прав животных не равнодушна к усилиям по спасению исчезающих видов, но редких животных нужно охранять *“не потому, что эти животные немногочисленны, а потому, что у них равная ценность со всеми обладающими внутренней ценностью, и они разделяют наше право на уважительное обращение. Так как они не являются всего лишь средствами или пополняемыми источниками, то вред, нанесенный им как индивидуалам*, не может быть оправдан с точки зрения коммерческих промышленников, браконьеров и других заинтересованных лиц. Именно это делает коммерческую эксплуатацию исчезающих видов неправильной, а не то, что они ис-*

* С переводом английского слова individual как индивидуал в данном контексте нельзя согласиться. Тут должно быть индивид или индивидуум. Индивидуал – это уже “из другой оперы”. Как говорил М. Жванецкий: “Тщательнее надо, ребята”.

чезают”. Это уже смесь невежества и демагогии. Проблемы редких видов ведь не только в коммерческой эксплуатации или браконьерстве. Причины их уязвимости могут быть очень разными. Задача человека как раз и состоит в том, чтобы определить их и помочь уязвимым видам выжить, а не просто не трогать их. Охранять же редкие виды наравне со всеми – это то же самое, что не делать ничего. Помимо всего прочего для спасения одних видов приходится не так уж редко нарушать права и интересы других. Если мы принимаем равную ценность и равные права всех, то такое вмешательство становится неоправданным. Все это напоминает приснопамятный тезис хрущевских времен о том, что охрана природы при социализме не нужна, поскольку она охраняется в самом процессе социалистического хозяйствования. Точно так же охрана природы не нужна радикальным биоцентристам, потому что все проблемы, как они считают, можно решить в процессе соблюдения прав животных.

Более того, оказывается, охрана исчезающих видов приносит ущерб правам животных: *“Если людям будет внушаться мысль о том, что вред, наносимый животным, имеет значение лишь когда эти животные принадлежат к исчезающим видам, тогда эти же люди будут рассматривать вред, наносимый другим животным как морально допустимый. Люди будут считать, что массовый отлов обычных животных не представляет серьезно моральной проблемы, тогда как отлов редких животных – будет”* (Риган, 2004). В.Е. Борейко (2004а), по крайней мере, уже сделал сенсационный вывод о “неэтичности” Красной книги. Правда, в таком случае придется признать неэтичной и “идею дикой природы” (Грищенко, 2004). Если мы говорим о всеобщем равенстве, нет совершенно никакого смысла выделять некую особую часть природы, потому что все обитающие в не дикой природе организмы автоматически оказываются существами второго сорта, и от идеи равенства прав и ценностей остаются одни лишь словесные кружева.

Как считает Х. Ролстон III: *“Индивидуум представляет, или заново представляет вид в каждом последующем поколении. Это опознавательный знак сущности, а сущность более важна, чем ее опознавательный знак. Хотя виды не являются моральными действующими лицами, биологическая индивидуальность – разновидность ценности – защищается здесь. Достоинство содержится в динамической форме; индивидуум наследует это, воплощает это, и проходит через это. Обладание биологической индивидуальностью, генетически заново утвержденной во времени, является таким же характерным для вида, как и для индивидуума. Уважение этой индивидуальности порождает обязанности перед видом”* (Ролстон III, 1999).

Перейдем опять к аналогиям в человеческом обществе. При всем равенстве права на жизнь и равной ценности жизни разных людей с тонущего корабля почему-то принято в первую очередь спасать женщин и детей. Просто они послабее здоровых мужиков и у них меньше шансов спастись самим. Команда и капитан вообще уходят с корабля последними. Они что, люди второго сорта по сравнению с пассажирами?

В странах, которые принято считать цивилизованными, существуют особые социальные программы помощи инвалидам, безработным, сиротам и т. п. Оплачиваются они в конечном итоге из кармана налогоплательщика, то есть материальные интересы одних людей ущемляются в угоду другим. При том, что все граждане этих стран имеют равные права и равную ценность своей жизни. Просто некоторые из них не могут сами себе обеспечить приемлемый ее уровень, им нужна помощь. Точно так же и с охраной исчезающих видов – они нуждаются во внешней помощи, без которой обречены на вымирание. Поскольку в большинстве случаев это происходит по вине человека (а можно сказать, что и во всех – настолько изменен ход естественных процессов), то ему и исправлять свои прегрешения.

Да, права волка и экосистемы каче-

ственно различны. Но для того чтобы могли соблюдаться права волка, должны сначала быть соблюдены права экосистемы, ибо вне ее он выжить просто не сможет (конечно, можно посадить его в клетку и кормить искусственно, но с точки зрения теории прав животных это как раз будет вопиющим их нарушением). Аналогично и у людей: для того чтобы могли соблюдаться права человека, должно сначала существовать государство, которое сможет их обеспечить. В противном случае это все пустые словеса. Поэтому для сохранения государства могут нарушаться права его граждан. И речь не о тоталитарной диктатуре. Ущемления прав хватает в самой что ни есть демократической стране. После террористических атак американцы быстро согласились с расширением полномочий спецслужб, хотя не все из них согласуются с понятиями о демократии и правах человека. Реальная безопасность оказалась дороже абстрактных прав.

В.Е. Борейко, конечно, не мог удержаться от очередного выпада против науки. Я не буду опять пересказывать свою позицию по этому поводу, она многократно изложена в других статьях (Грищенко, 2000, 2001а, 2001б, 2001в, 2001г, 2002а, 2002б, 2002в). Хочу остановиться лишь на одном аспекте. Я согласен с моим коллегой, что не стоит превращать экологию во всеобщее мировоззрение. Экология – это лишь отрасль науки, изучающая взаимоотношения живых организмов между собой и со средой обитания, структуру и функционирование экосистем. Но кто, как не философы, а точнее – философствующие журналисты и природоохранники “размазали” этот термин до неузнаваемости? Произошла подмена понятий – “экология” и “охрана природы”. Появились такие терминологические “шедевры”, как “экология души”, “экологическая теология”, “экологическая социология” и т. д., и т. п. Я понимаю, что такое экология зайца-беляка, а что такое “экология души” – взаимоотношения души с телом и Всевышним? А ведь речь идет всего-то о сохранении нашей духовности. Давайте

начнем с терминологической чистоплотности, потом уже можно будет говорить о мировоззрении.

У эгоцентристов нет “слишком большой надежды на экологию”. Ученые, как никто другой, понимают ограниченность наших знаний. Но без них охрана природы попросту невозможна. А. Эйнштейн, например, говорил: “*Единственное, чему научила меня моя долгая жизнь, что наша наука перед лицом реальности выглядит примитивно и по-детски наивно, – и все же это самое ценное, что у нас есть*” (цит. по: Самарцев и др., 2002).

В.Е. Борейко (2004б) утверждает, что “*опора только на экологию приводит к стандартной надежде на быстрое технологическое решение, то есть устранение следствия, а не причины*”. Интересно, а почему “технологическое решение” не может устранить причину, а не следствие? Таблетка антибиотика (“технологическое решение”) убивает микробов, устраняя причину болезни, следствием которой является высокая температура. Не зная причины этого, можно охлаждаться, забравшись в холодную воду, и подхватить на почве банальной простуды воспаление легких. Знание глубинных взаимосвязей в природе (изучением чего и занимается наука экология) помогает избежать серьезных провалов в природоохранной деятельности. Попытки бороться с явлениями без знания причин и последствий уже не раз приводили к серьезным проблемам – уничтожение хищников для процветания их “несчастных” жертв, “обогащение” фауны и т. п.

Утверждение о том, что между биоцентризмом и эгоцентризмом нет конфликта на почве содержания диких животных в неволе – вообще недоразумение. Здесь противоречия как раз очень сильные, потому что для биоцентриста это нарушение прав животных, а для эгоцентриста – один из способов спасения исчезающих видов. Кроме того, общение людей с животными в нормально обустроенном зоопарке способствует пробуждению в них интереса и уважения к природе, а значит не противоре-

чит целям и задачам охраны природы в целом.

Не существует морали вообще. Есть конкретные этические системы – своеобразные системы координат. В различных системах одни и те же действия могут оцениваться по-разному. Каждый человек выбирает для себя, какой этической системы и какого мировоззрения придерживаться. Любить, уважать, охранять природу можно с разных позиций, но для практической охраны природы наибольшую ценность имеет эоцентрическое мировоззрение. Природа существует в виде экосистем, и сама она – глобальная экосистема. От этого никуда не деться.

И еще одно. Моральный облик борцов за экологическую мораль нередко вызывает, мягко говоря, вопросы. И вопросы эти как раз к биоцентристам (и патоцентристам, если рассматривать их отдельно). Мне, по крайней мере, не приходилось слышать о погромах вегетарианских кафе или магазинов одежды из синтетики эоцентристами, охотниками или другими сторонниками не-биоцентрического видения мира. А вот не в меру пылкие активисты некоторых организаций биоцентристского толка неоднократно совершали налеты на рестораны, магазины, научные лаборатории. Все это ближе к неонацизму, чем к охране природы или экологической этике. Тональность обмена мнениями в дискуссии о любительской охоте, развернутой В.Е. Борейко, также вызывает сожаление. Я понимаю, что в пылу спора могут высказываться и резкие суждения, но нельзя переходить на откровенное хамство. В данном случае “перестрелка” была взаимной, но охотники при этом не рассуждали о высокой морали.

Литература

- Банников В.Е., Геевская Е.А. (1982): Брем XX века. - Гржимек Б. Дикое животное и человек. М.: Мысль. 1-13.
- Борейко В.Е. (2001): Прорыв в экологическую этику. 2-е изд. К.: КЭКЦ. 1-197.
- Борейко В.Е. (2003): Прорыв в экологическую этику. 3-е изд. К.: КЭКЦ. 1-219.
- Борейко В.Е. (2004а): Этические издержки Красной книги. - Гуман. экол. ж. 6 (спецвып.): 135-136.
- Борейко В.Е. (2004б): Экобиоцентризм как основание экологической этики. - Гуман. экол. ж. 6 (2):
- Горке М. (2002): Вымирание видов и этика. Пределы антропоцентрической перспективы. - Гуман. экол. ж. 4 (1): 101-108.
- Грищенко В.Н. (2000): Охрана природы и религия: от науки к утопии? - Гуман. экол. ж. 2 (2): 11-26.
- Грищенко В.Н. (2001а): Четвертая идеология заповедного дела. - Гуман. экол. ж. 3 (1): 42-56.
- Грищенко В.Н. (2001б): Экологическая этика и заповедное дело. - Заповідна справа в Україні. 7 (1): 1-8.
- Грищенко В.Н. (2001в): “Не то, что мните вы, природа”. - Гуман. экол. ж. 3 (спецвып.): 113-126.
- Грищенко В.Н. (2001г): Восточные религии и охрана животного мира. - Беркут. 11 (1): 125-138.
- Грищенко В. (2002а): О научных исследованиях в заповедниках. - Заповедный вестник. 4: 4-5.
- Грищенко В.Н. (2002б): Познание и любовь к природе. - Гуман. экол. ж. 4 (спецвып.): 79-88.
- Грищенко В.Н. (2002в): Есть ли альтернатива? - Гуман. экол. ж. 4 (1): 45-57.
- Грищенко В.Н. (2002г): Вегетарианство как природоохранная концепция. - Гуман. экол. ж. 4 (1): 95-100.
- Грищенко В.Н. (2002д): Под знаменем очередной революции. - Гуман. экол. ж. 4 (2): 110-115.
- Грищенко В.Н. (2004): О Красной книге, этике и логике. - Гуман. экол. ж. 6 (спецвып.): 136-141.
- Калликотт Б. (1990): Азиатская традиция и перспективы экологической этики: пропедевтика. - Глобальные проблемы и общечеловеч. ценности. М.: Прогресс. 308-327.
- Калликотт Б. (1999): Природоохранные ценности и этика. - Гуман. экол. ж. 1 (2): 40-67.
- Леопольд О. (1983): Календарь песчаного графства. М.: Мир. 1-248.
- Лоренц К. (1998): Восемь смертных грехов цивилизованного человечества. - Обратная сторона зеркала. М.: Республика. 4-60.
- Наэсс А., Сессинс Дж. (2000): Платформа глубинной экологии. - Гуман. экол. ж. 2 (1): 56.
- Риган Т. (2004): В защиту прав животных. - Риган Т. В защиту прав животных. Линзи Э. Божественные права животных. К.: КЭКЦ. 7-57.
- Ролстон Ш Х. (1999): Наши обязанности по отношению к видам, находящимся под угрозой. - Гуман. экол. ж. 1 (2): 46-49.
- Самарцев В.В., Рассветалов Л.А., Куркин М.И. (2002): Задержка света в пути и другие необычные явления в оптике. - Природа. 5: 63-71.
- Сингер П. (2002): Освобождение животных. Киев: КЭКЦ. 1-128.
- Cairns J. (2002): A declaration of eco-ethics. - Ethics in Science and Envir. Politics. 79-81.
- Gorke M. (1998): Artensterben und Ethik. Die Grenzen der anthropozentrischen Perspektive. - Anzeiger des Vereins Thüringer Ornithologen. 3 (2): 93-102.

ЖИВОТНЫЕ В СВЕТЕ РЕЛИГИОЗНОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ

В. Агафонов

“Новая волна”, Ростов-на-Дону, agaphonof@mailgate.ru

Животный мир издревле воспринимался человечеством сквозь призму религии. Животные выступали как объекты поклонения, как божества, как мистические покровители, или как жертвы при жертвоприношениях. В любом случае животные были религиозно значимы.

Религия – это мировоззрение, основанное не на знании, а на вере. Религия не может быть вытеснена наукой, то есть мировоззрением, основанным на знании, так как знание по принципиальным причинам ограничено. Ограничены и наши возможности по познанию мира, и наши возможности по доказательству достоверности знаний. Мы не можем доказать ни бытия мира, ни познать “вещей в себе” и, что самое главное, другое “существо в себе”. Мы не можем доказательно постичь, как смотрит на мир и на себя другое существо. Мы можем только верить и в это его качество, и в само существование этого другого. самого важного и волнующего о мире мы не знаем и никогда не узнаем, так как знать не можем. Например, знание говорит нам, что собственная смерть – единственное, в чем можно быть уверенным. Но психологически никто не верит в собственную смерть. То есть, только благодаря вере можно надеяться на какие-то метафизические перспективы перед лицом Вечности. На вере основаны и этические переживания, ибо в то, что есть добро и зло, в конечном счете, можно только верить. Критерии добра и зла основаны на знании, но само определение добра и зла есть предмет веры. Таким образом, ответы на ключевые вопросы мироздания – бытие мира, бытие самого себя (“Я”), внутреннее бытие других существ (другие “Я”), жизни и смерти, добра и зла – могут быть даны только на основе веры, следовательно, относятся к сфере религии. Мировоззрение, противоположное религии, принято назы-

вать атеизмом. Однако такое мировоззрение не может быть стройным и логически последовательным, так как отрицание религии, к которому оно сводится, не может быть полным. Атеизм можно понимать как отрицание существования Бога как Создателя и Владыки Вселенной. Но в таком случае многие религии (включая буддизм, конфуцианство и язычество) являются атеистическими. Атеизм в советско-бульдозерном понимании – это враждебное отношение к религии (в том числе и к буддизму, и к язычеству) как социальному институту. И, наконец, атеизм проявляется и как вызов Богу, как враждебное отношение к Нему, следовательно, в этом случае никак не предполагает отрицания Его существования. Для атеистов последнего сорта характерно стремление “свергнуть” Бога. В качестве возможного “кандидата” в “преемники” они все чаще называют человека. Процесс замены они видят в научно-техническом прогрессе как соревновании о Богом, как вызове Ему.

1. Эксперименты как жертвоприношение. Опыты над животными, очень часто совершенно бесполезные с точки зрения развития науки, имеют глубокие психологические корни. Люди издревле практиковали жертвоприношения животных, в т. ч. и себе подобных. Экспериментаторы над животными тоже как бы говорят, что во имя интересов человека (своего кумира), даже самых ничтожных, они пойдут на любое злодеяние. Этим они возводят человека в ранг культовой фигуры, объекта поклонения. Животные – жертвы эксперимента – это и жертвы на алтарь культа человека, призванные утвердить, что это существо – не просто безволосая обезьяна рода Номо, а своего рода божество, пусть и злое. Своеобразный антропоцентрический культ человека родился в эпоху Просвещения, вско-

ре фактически вытеснив традиционные религии. Таким образом, эксперименты с животными, распространившиеся в эпоху (мнимого) торжества науки над религией, являются жертвоприношениями и как бы демонстрируют господство человека над Природой.

2. Надо сказать, что тяга к убийству прослеживается у человека довольно явственно. В отличие от многих других хищников, человек лишен поведенческих барьеров в отношении убийства даже своих собратьев по виду (см. К. Лоренц “Кольцо царя Соломона”). Несомненно, что это – единственное из высокоорганизованных животных, практикующее убийство себе подобных в столь широких масштабах. Войны, криминальные убийства и смертная казнь издревле сопровождают историю этого существа. В настоящее время наиболее распространенным способом убийства себе подобных стали аборты, а также косвенное убийство путем создания невыносимых (физиологических или культурно-психологических) условий жизни. Разгадку такой особенности поведения “венца творения” можно найти в истории его становления. Человек современного вида, как и его предки (архантропы и палеоантропы) издревле практиковал и каннибализм. Причем на некоторых этапах эволюции – каннибализм имел решающее значение в питании. Так было в эпоху архантропов (человека умелого, гейдельбергского и прямоходящего), обитавших вблизи воды и ловко разбивавших камнями не только раковины моллюсков, но и черепа своих более слабых собратьев. Возможно, здесь и следует искать психологические корни потребности к жертвоприношениям, которая наложилась на более древнюю и, по-видимому, универсальную психологическую особенность – тягу к смерти (то, что Фрейд называл танатосом).

3. Следует отметить, что агрессивность, доходящая до убийства, проявляется в двух направлениях: как агрессия к чужому (только потому, что он – другой), и как агрессия к своему, близкому – как стремление принести его в жертву. Жертвоприношение –

это “самоедская” агрессивность, она может доходить до самопожертвования и является проявлением тяги к самоубийству. Самоедство принято воспринимать позитивно, и действительно, это качество может послужить спасению жизни (в том числе и спасению человеком окружающей среды от себя самого). Однако в настоящее время (после событий 11 сентября и других действий шахидов) часто обращают внимание на то, что оборотной стороной самопожертвования является жертвование другими. Президент России Путин во время визита в США обратил внимание, что люди, не ценящие жизнь, в том числе и свою, представляют собой угрозу для мирового порядка.

4. Стремясь обосновать свое превосходство над животными, человек любит вспоминать, что создан “по образу и подобию Бога”. Однако если подумать, из слов Священного Писания совершенно не следует, что человека следует считать равным Богу. Нет никаких оснований говорить о божественной сущности человека, или тем более, его “богоравности”. Портрет тоже пишется по образу и подобию, но не равен тому, кто на нем изображен, и сущность у него другая. Человек не может претендовать ни на “богоравность”, ни на “божественную сущность”, ни на родство с Богом. Эти положения не только искажают суть вероучений авраамических религий, они есть кощунство. Человек – это такое же творение Бога, как и другие живые существа. Нельзя не согласиться, что христианство, как ведущая западная религия само стало жертвой антропоцентризма западного общества, западной философии. В результате культ человека, чьим прародителем стал христианский антропоцентризм, приобрел сейчас богоборческий характер, и направлен не только против животных, но и против их Создателя.

Выводы

1. Антропоцентризм авраамических религий относителен, сами религии искажены в результате антропоцентрических тенден-

ций, которые существуют независимо от религии и которые не находят подтверждения в священных текстах.

2. Человек – единственное из высокоорганизованных животных, практикующее убийство себе подобных в таких широких

масштабах; тяга к убийству у человека проявляется как убийство другого и убийство себя (своего брата) – жертвоприношение.

3. Животные становятся жертвами культуры человека – разновидности богоборческого атеизма.

Природоохранное движение и православная Церковь: перспективы взаимодействия (интервью со священником Г. Кочетковым)

Может ли Церковь выступить союзником природоохранников в сфере формирования экологической культуры общества или такие земные проблемы – не дело Церкви?

Я думаю, что это входит в основные дела Церкви. Это, вообще говоря, как бы перелицовка старых проблем, которыми занимались многие религии, признанные в истории. На христианском языке они звучат как проблемы гармонии, проблемы красоты, иногда с выходом на проблемы доброты. Это то, чем Церковь занималась испокон веков, еще с ветхозаветного периода. Мне немного странно бывает слышать, когда только по отношению к буддизму говорят добрые слова относительно видения красоты природы. У них это есть, но также как в иудаизме, и в христианстве. Наша история действительно не очень легко складывалась, но это совершенно не значит, что такого императива в христианстве не существовало. Недаром во многих русских православных житиях говорится, что человек удаляется от мирской красоты, но с другой стороны утверждается гармония человека с миром, которая только тогда и устанавливается, когда человек отказывается от своеволия, поскольку оно не соответствует воле Божией и нарушает определенную меру, заданную нам Богом и законами природы, которые тоже от Бога. Главное лекарство против своеволия – смирение. Им часто

злоупотребляют, понимая его как средство смирить другого или как форму определенного угодничества. На самом деле слово “смирение” происходит от двух понятий: мера, которая лежит в основе экологических представлений, и мир. Надо найти себе меру и установить с Божиим миром мир. Вот это главное. И смирение, поставленное на свое место, действительно может быть проповедью живительной.

Какую роль могла бы сыграть Церковь в формировании экологической культуры населения?

Нужно, на мой взгляд, сделать так, чтобы “оживить” экологические категории, сделать их симпатичными, чтобы люди не могли нарушать законы красоты, законы гармонии, законы доброты. Одним из мыслителей XX века сказано, что грязь – это всякая вещь не на своем месте. Это очень здорово. Вещь может быть на самом деле очень полезная, но, будучи не на своем месте, она превращается в то, что мешает, разрушает гармонию человека с миром, человека с животными, с космосом, с Богом, с самим собой, в конце концов. Я нетерпимо отношусь к той грязи, которую вижу. Я часто говорю в исповедях, что всякая грязь – это грех. Всякий беспорядок, нечистоплотность внешняя и внутренняя – это грех, в котором надо каяться. Люди сами все разобьют, все испортят и не заметят некрасоту, безобразие жизни, а когда почувствуют вред от этого, будет поздно. Вот как мне представляется та проблематика, которую должен чувствовать каждый человек.

Опубликовано: На пути к устойчивому развитию России, 2000, № 3, стр. 37-39.

Там, где появляется Церковь, при всех возможных проблемах очевидно, что она приносит другое понимание красоты, критерии качества жизни. Это те критерии, которые должны быть осознаны человеком, это его долг перед Богом. Нельзя было появиться Рублеву, Франциску Ассизскому, если бы у них внутри не было этого образа красоты, этого благоухания рая. Многие православные почитают святого Франциска как святого, преодолевая все конфессиональные перегородки, потому что на нем есть внутренняя убедительность духовного опыта.

Об отношении к “братьям нашим меньшим” – животным, растениям – тоже надо говорить. Мы соотнесены с миром, мы создаем этот мир. Дух – это формообразующее начало, а мир есть форма воплощения духа. И каков будет дух в человеке, таков и будет мир. Не случайно от хорошей музыки расцветают цветы и спокойно ведут себя животные. Мирный дух внутри человека не только спасает ближнего человека, но способствует гармоничным отношениям с животными. За эпизодом встречи святого Сергия Радонежского с медведем стоит глубокая правда, если хотите экологическая правда. Всякое разрушение целостности, красоты и гармонии в этом мире – грех.

Как природоохранники могли бы наладить взаимодействие с церковью?

Очень хорошо, что светское экологическое движение сейчас заставляет Церковь немножко встряхнуться в этом направлении и задуматься над теми вопросами, которыми, вообще говоря, она просто обязана была всегда заниматься. Однако экологические темы часто оставались вне поля зрения

Церкви или по разным неблагоприятным историческим обстоятельствам, когда Церкви просто было не до того, или потому, что экологические проблемы часто осознавались не в современных категориях и люди оказывались просто неспособны эту проблематику воспринимать.

Современная ситуация, на мой взгляд, благоприятна для становления хорошего взаимодействия между природоохранным движением и Церковью. Церковь признает заслуги современного мирового экологического движения. У Церкви нет подозрительности к этому движению, что очень важно, потому что эмоциональный фон играет очень большую роль. Если бы какая-нибудь неразумная голова захотела бы представить мировое экологическое движение как ответвление какого-нибудь жидо-масонского или коммунистического заговора, это сильно бы осложнило дело, потому что мы сейчас имеем дело в основном с не очень образованными верующими людьми. Поэтому очень хорошо, что в Церкви нет никаких отрицательных обертонов, когда говорят об экологии, хотя это чисто светское направление. Может быть, здесь стоит сказать слова благодарности тому же академику Лихачеву, который сумел вернуть это понятие в область культуры, духовности.

Экологи должны выходить на архиреев, на Синод, обращаться в отдел внешних сношений Русской Православной Церкви, к митрополиту Кириллу, и я уверен, что они найдут поддержку. Возможны какие-то конференции, какие-то совместные действия, осмысление экологических проблем специалистами – экологами вместе с Церковью.

Основы социального учения Церкви Христиан-Адвентистов Седьмого Дня в России

ПРЕДИСЛОВИЕ

В ГЭЖ за 2001 г. (Т. 3, вып. 2) был опубликован один из разделов Основ социаль-

ной концепции Русской Православной Церкви, а именно – раздел XIII “Церковь и проблемы экологии”. Поскольку в природоохранных кругах устоялось мнение об “антиэкологичности” христианства, многие положения этого документа прозвучали

почти революционно, “реабилитируя” православие в глазах переживающих за Землю. Однако, понимание отношений “человек-природа” христианами протестантских исповеданий, активно действующими в России и странах СНГ, оставалось не вполне ясным. Многие философы-экологи (в т. ч. и академик Н.Н. Моисеев) именно в протестантской идеологии усматривали причину распространения технократического сознания и потребительского отношения к природе. Такое понимание протестантизма основывается на работах М. Вебера (1864–1920) и знакомстве с богословскими взглядами Жана Кальвина (1509–1564) на предопределение и материальный успех как знак Божьего благословения. Но времена изменились. Большинство современных протестантов постсоветского пространства Вебера не читали и взглядов Кальвина не разделяют. В основе их мировоззрения и поведения по отношению к миру вообще и к природе в частности лежит Библия, понимание которой формировалось в условиях сильно отличающихся от таковых на Западе.

В странах СНГ протестантизм наиболее широко представлен Церквями Евангельских Христиан-Баптистов, Христиан-Адвентистов Седьмого Дня и Христиан Веры Евангельской (в т. ч. и Пятидесятников). Хотя в России эти церкви даже в совокупности уступают православию численно, высокая активность их членов вносит определенный вклад в жизнь общества.

Ниже представлен раздел “Церковь и экологические проблемы” Основ социального учения Церкви Христиан-Адвентистов Седьмого Дня в России (далее – Основ). Этот документ, принятый в окончательной редакции в 2003 г., отражает понимание наиболее злободневных проблем современного российского общества, а также путей решения этих проблем Церковью Христиан-Адвентистов Седьмого Дня (АСД) – одним из традиционных протестантских вероисповеданий России. Эта Церковь представлена в 206 странах мира, где имеет более 20 млн. приверженцев. На террито-

рии России адвентизм начал распространяться с 1880-х годов и к настоящему времени насчитывает более полутора тысяч местных церквей и групп. Отличительные особенности вероучения и практики христиан-АСД – особое внимание к библейской доктрине о Втором пришествии Иисуса Христа и Его ходатайстве за мир в небесном святилище; посвящение субботы (седьмого дня) служению Богу, отношение к своему телу как к храму и воздержание от алкоголя, табака и др. вредных веществ; отрицание вечных мук грешников в аду и др.

В Основах изложена позиция Церкви АСД в вопросах отношения с государственной властью, межконфессиональных отношений, здоровья и биомедицинской этики, культуры и науки, труда и экономики, войны и мира и др. Отдельный раздел посвящен взаимоотношениям “человек-природа”. Основы представляют собой первый опыт систематического изложения позиции Церкви Христиан АСД в России по насущным проблемам современного бытия человека. К таким вопросам нельзя не отнести экологические проблемы, а также поиск путей их решения через изменение сознания людей. Этому посвящен Раздел X данного документа – “Церковь и экологические проблемы”.

X. ЦЕРКОВЬ И ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

В XXI веке истощение природных ресурсов, загрязнение окружающей среды, снижение биологического разнообразия и многие другие экологические проблемы стоят как никогда остро. Экологический кризис есть результат кризиса нравственного сознания людей, отрицательно сказывающегося на отношении общества к природной среде.

10.1. Место человека в природе

И человек, и природа рассматриваются Церковью как творение Бога, предмет Его заботы и милости (см. Быт. 1, Пс. 103). В Писании сказано “Господня земля и что наполняет ее” (Пс. 23:1, ср. Лев. 25:23, Пс.

49:10-11). В очах Божьих все, сотворенное Им, ценно и имеет право жить. Люди, животные, растения и вся природа созданы для славы Творца. Человек же, в отличие от остальных созданий, предназначен для выполнения особой роли – “домоправителя” планеты, ответственного перед ее владельцем – Богом (см. Лк. 12:40-46) и обязанного “возделывать и хранить” Землю (Быт. 2:15), что требует хорошего знания ее обитателей и законов их жизни (см. Быт. 2:19). Библия говорит также об определенном роде власти человека над другими творениями (см. Быт. 1:28, 9:2, Пс. 8). Однако эта власть сводится лишь к необходимым полномочиям для выполнения обязанностей, но никак не дает прав на разграбление.

Судьбы человека и других созданий взаимозависимы. Не случайно после потопа Бог заключает Завет не только с Ноем, но и “со всеми животными земными” (Быт. 9:10). Люди не только преобразуют природу, но и сами зависят от нее, и антропогенные изменения природной среды грозят дальнейшему существованию цивилизации.

10.2. Духовные корни экологического кризиса.

Значение искупления

Загрязнение окружающей среды есть результат “загрязнения” человеческого сердца. Если исходить из библейского учения, то станет ясно, что первопричина экологического кризиса не во вредных выбросах или плохих технологиях, а в оскверненной грехом внутренней природе человека в его разрыве с Богом. Вслед за человеком планета со всеми ее обитателями невольно также оказалась под проклятием: “Проклята земля за тебя, со скорбью будешь питаться от нее... Терние и волчцы произрастят она тебе” (Быт. 3:17, 18). Греховный выбор первых людей многократно повторяется их потомками. Убийство Каином своего брата Авеля, пролитая им неповинная кровь осквернили землю, а ожесточившийся братоубийца, построив первый на

земле город (см. Быт. 4:1-17), отделил себя и от природы, и от Бога. Усиливаясь во времени, проклятие первого греха действует и поныне: почти всякое вмешательство человека в природные процессы порождает различные “терния и волчцы”. Нерациональное природопользование ведет к истощению природных ресурсов, отходы все более загрязняют окружающую среду и т. п.

“Бог сотворил человека правым, а люди пустились во многие помыслы” (Еккл. 7:29), вылившиеся в культ денег, техники, знаний и многие другие современные формы идолопоклонства. Поклонение этим кумирам породило в человеке ненасытный эгоизм. Данную свыше ответственность (см. Быт. 1:28, 2:15) он стал воспринимать как право безраздельного владычества, попирая права природы.

Экологическая значимость искупления. Центральная доктрина АСД – учение о спасении мира от греха – имеет и экологические аспекты. Крестная смерть Спасителя стала залогом не только освобождения людей от проклятия, но и избавления Земли от последствий греха в будущем. Искупив человека. Сын Божий искупил и зависимую от него природу: Божья милость к человеку распространяется и на все живое. Спасение от потопа животных (см. Быт. 8:1), избавление от беды “множества скота” в Ниневии (см. Иона 4:11) и все другие проявления милости Бога к его творениям происходили в ветхозаветные времена благодаря будущей жертве Христа, имеющей не только общечеловеческий, но и биосферный, вселенский масштаб. Через ходатайство Христа, пришедшего примирить все живое, каждый человек может примириться с Творцом, и с другими творениями, и со всей окружающей средой, “потому что Бог во Христе примирил с Собою мир” (2 Кор. 5:19). В свою очередь, вера в примирение побуждает доброжелательно и с любовью относиться ко всем живым существам.

Природа в сознании верующих. Мироощущение христианина отличается особым восприятием окружающей природы.

Для верующего природа – одно из ярчайших видимых свидетельств любви, мудрости и всемогущества невидимого Творца, что само по себе придает ей ценность. “Ибо невидимое Его, вечная сила Его и Божество, от создания мира через рассматривание творений видимы” (Рим. 1:20). “Спроси у скота, и научит тебя, у птицы небесной и возвестит тебе, или побеседуй с землею и наставит тебя, и скажут тебе рыбы морские. Кто во всем этом не усмотрит, что рука Господа сотворила сие?” (Иов. 12:7-9). “Рассматривание творений” и “беседа с землею” помогают неверующим поверить, а верующим – укрепиться в вере и прославить Создателя. Сравнивая сегодня уголки первозданной природы, которых становится все меньше, с местами, измененными человеком, мы видим, как безответственно человек отнесся к Божьему дару. “Земля осквернена под живущими на ней; ибо они преступили законы, изменили устав, нарушили вечный завет” (Ис. 24:5). По вине человека “вся тварь совокупно стенает и мучится” (Рим, 8:22). Само время призывает людей пересмотреть свое отношение к природе.

Природа – это великая книга, наряду с Библией открывающая истину. Но любящие знания читатели обычно бережно обращаются с книгами! Сотворенная Богом природа не мастерская, а храм, и это побуждает христианина поклониться ее Создателю и с любовью относиться ко всему, что ее составляет, следуя нормам экологической этики.

10.3. Экологическая этика

Церковь рассматривает экологическую этику как неотъемлемую часть этики христианской. Любовь к Творцу подразумевает и любовь ко всем Его творениям – даже к тем, кого любить, казалось бы, невозможно. Но ведь всех их создал и любит Бог! Благоговение перед Творцом должно проявляться и в благоговении перед сотворенной Им жизнью. Все живое достойно сохранения, независимо от “красоты” или “хозяйственно-промыслового значения”.

Церковь не осуждает природопользование, но призывает сделать его как можно более щадящим. Например, охота с целью пропитания в ряде регионов России оправданна, но охота ради развлечения недопустима. Регламентирование природопользования имеет и библейские корни. “Если долгое время будешь держать в осаде город ... то не порти дерев его, от которых можно питаться и не опустошай окрестностей; ибо дерево на поле не человек, чтобы могло уйти от тебя в укрепление” (Втор. 20:19). “Если попадетса тебе ... птичье гнездо ... и мать сидит на птенцах или на яйцах, то не бери матери вместе с детьми: мать пусти, а детей возьми себе, чтобы тебе было хорошо, и чтобы продлились дни твои” (Втор. 22:6-7). “Шесть лет засевай землю твою и собирай произведения ее, а в седьмый оставляй ее в покое, чтобы питались убогие из твоего народа, а остатками после них питались звери полевые” (Исх. 23:10-11). Эти заповеди, по сути, говорят об одном; “Пользуйся, но не разоряй”.

Отношение к окружающему миру как к дару благодати Божьей побуждает к умеренности в потребностях и разумной бережливости. “Собирайте ... каждый по столько, сколько ему съесть”, – предупреждал Бог, давая манну древним евреям (Исх. 16:16). Насытив несколькими хлебами тысячи людей, Спаситель сказал ученикам “Соберите оставшиеся куски, чтобы ничего не пропало” (Ин. 6:12). Соблюдающий библейские принципы воздержания христианин не купит лишнее и не выбросит недооцененное. Нам следует, не впадая в накопительство, беречь и разумно использовать для дела Божьего все Его дары – как собственные силы, время и деньги, так и пищу, воду и электроэнергию.

Сознание постоянного присутствия Святого Духа, видение в природе храма Божьего должно проявляться в благоговении и чистоплотности не только нравственной, но и физической. Для христианина также неприемлемы развлечения, причиняющие страдания другим живым существам. Жестокость к животным ради азарта, уничто-

жение уникальных экосистем ради сиюминутной прибыли несовместимы с духом христианского милосердия. Грех против творения есть грех против Творца, и преступления против природы не менее тяжки, чем преступления против человека или общества. Чтобы следовать нормам экологической этики, необходимо внутреннее преобразование личности, поднятие Бога как Создателя всего живого. Поэтому проповедь Евангелия призвана возрождать любовь к природе. “Праведник печется и о жизни скота” (Прит. 12:10).

Ожидание обновления Земли. Сегодня стоит вопрос: сможет ли цивилизация преодолеть экологический кризис? Общество стремится к “устойчивому развитию”, предпринимая определенные шаги по установлению баланса между экономическим ростом и сохранением природного богатства планеты. Однако, основываясь на Священном Писании и историческом опыте, построение “земного рая” Церковь не считает осуществимым. Пророчества гласят: “Во многих охладет любовь” (Мф. 24:12, ср. 2 Тим. 3:1-5), а без любви невозможно “улучшить” даже себя и уж тем более обстановку на планете. Мы признаем, что без Божьего вмешательства экологическая катастрофа неотвратима. Но осквернение Земли не будет вечным. Божьи суды принесут долгожданную свободу и праведным людям и природе (см. Пс. 95:10-13, Пс. 97:9, Пар. 16:32-33). “Тварь с надеждой ожидает откровения сынов Божьих” (Рим. 8:19). Союз Бога со Своим народом станет также и союзом людей “с полевыми зверями и с птицами небесными и с пресмыкающимися по земле” (Ос. 2:16-18, ср. Ис. 11:6), потому что все конфликты, в том числе и с окружающей средой, прекратятся.

Из этого, однако, не следует, что охранять природу бессмысленно. Ожидание “нового неба и новой земли” (2 Петр. 3: 13, ср. Отк. 21:1) должно не приглушать, а усиливать заботу верующих о состоянии существующего мира. Из притчи о благоразумном рабе (Мф. 24:45-51, ср. Лк. 12:40-46) следует, что вера во Второе пришествие

подразумевает ответственность человека за все доверенное ему свыше, а значит и за природу. С другой стороны, со Вторым пришествием Христа наступит время гибели “губивших землю” (Отк. 11:18). В этом есть благо для природы (см. Иез. 39:17-19, Отк.19:17-21) и предостережение для людей, так как Бог желает людям не смерти, а вечности. В век экологических проблем Церковь АСД несет миру особую весть: “Поклонитесь Сотворившему небо и землю, и море, и источники вод” (Отк. 14:7). Всякий, искренне откликнувшийся на этот призыв, будет бережно относиться к жизни соседей по планете, радостно ожидая Спасителя.

10.4. Участие верующих в охране природы

Церковь открыта для активного сотрудничества с природоохранными организациями и образовательными учреждениями в природоохранной и этико-просветительской работе.

Самое действенное участие Церкви в сохранении окружающей среды состоит в ответственном духовно-нравственном просвещении людей. “Научите все народы... уча их соблюдать все, что Я повелел вам” - поручил Христос своим ученикам (Мф. 28:19). Такое просвещение осуществляется как в проповедовании, так и в личном свидетельстве верующих.

Разъяснение норм экологической этики может проводиться в субботних школах (особенно детских), во время молодежных походов, в христианских лагерях и иных собраниях на лоне природы. В церковных учебных заведениях образовательные программы должны включать экологический компонент и обеспечиваться необходимыми методическими материалами. Издание духовной литературы (как для детей, так и для взрослых), освещающей взаимоотношения человека с природой и Творцом, также содействует развитию бережного отношения к природе у людей верующих и ищущих Бога. Важнейшую же роль в экологическом воспитании играет семья. Способ-

ствуя укреплению семей и распространению духовности, Церковь призвана внести свой уникальный вклад в формирование экологической культуры широких слоев населения, не охваченных другими формами эколого-просветительской работы.

Принимая природоохранный принцип “Думай глобально, действуй локально”, Церковь поощряет (но не контролирует) личное участие своих членов в деле охраны природы. Само же природоохранное служение понимается как особая форма благотворительности – помощь бедствующим творениям. Некоторые благотворительные программы Церкви вносят определенный вклад в решение проблем утилизации отходов и снижение потребления. Так, в большинстве общин действует система вторичного использования одежды для помощи нуждающимся и терпящим бедствия. Общины, имеющие свои здания, должны заботиться об озеленении и благоустройстве прилегающих территорий. Места собраний на лоне природы необходимо содержать в чистоте и, насколько возможно, благоустраивать. Посадка деревьев может ознаменовывать памятные для верующих события (см. Быт. 21:32-34), а установка в местах поклонения искусственных гнездовий не только поможет защитить насажде-

ния от вредителей, но и присовокупит к хвале человеческой пение птиц. Церковь одобряет и поддерживает выявление и охрану ценных природных объектов и территорий (деревьев-долгожителей, пещер, родников, местообитаний редких видов животных и растений и др.), но не рассматривает их как наделенные сверхъестественной силой – язычество и христианство несовместимы (см. 1 Ин. 5:21, 1 Кор. 10:14-22, 2 Кор. 6:16-18). Уже то, что Господь есть Податель жизни, достаточно для сохранения разнообразия Его творений.

В современном мире христиане должны утверждать своей жизнью (см. Флп. 2:15) и отстаивать словом (см. Иез. 33:1-9, Рим. 10:14) высокие нравственные нормы, в том числе и природоохранные, выступая против корриды, собачьих боев, спортивной охоты и других жестоких развлечений. Верующие могут также участвовать в акциях против нарушения природоохранного законодательства, в т. ч. и в судебных процессах, используя исключительно ненасильственные методы. При этом природоохранное служение не должно выливаться в политическую деятельность. Приоритетная же задача природоохранного служения Церкви состоит в изменении отношения людей к Богу, природе и самим себе.

Заявление об охране окружающей среды обитания

Адвентисты седьмого дня верят, что человек был создан по образу Божьему, и поставлен Им на Земле для верного и мудрого управления земными ресурсами. К сожалению, коррупция и эксплуатация проникли в то, чем человеку было дано распоряжаться. Все больше и больше людей принимают участие в безрассудном уничтожении земных ресурсов, результатом чего является широко распространенное страдание, беспорядок в природе и угроза изменения климата. Несмотря на то, что ученые продолжают исследования, даже на данной стадии ясно, что увеличивающийся

выброс разрушительных газов, сокращение защитного озонового слоя, колоссальная вырубка лесов и так называемый парниковый эффект – все это угрожает земной экосистеме. Данные проблемы в основном имеют отношение к человеческому эгоцентризму, побуждающему брать все больше и больше посредством увеличивающегося производства продукции, неограниченным потреблением, что ведет к сокращению невозобновляемых ресурсов. Экологический кризис свидетельствует о человеческой жадности и нежелании быть верным и добрым управителем, обязанности которого

получены человеком при творении. Адвентисты седьмого дня провозглашают простой и здоровый образ жизни, где люди не вступают на бегущую дорожку неограниченного потребления продуктов и производства отходов. Мы призываем уважать творение, сократить использование остатков мировых ресурсов, сделать переоценку собственных нужд и подтвердить высокое достоинство слова “человек”.

* * *

Меня, как адвентиста и эколога, радует сам факт появления такого “природоохранного” заявления нашей Церкви. Однако данное заявление нельзя признать сильным по следующим причинам. 1) Как протестанты, мы основываем свое мировоззрение на Священном Писании, но в тексте документа ссылки на Библию отсутствуют, хотя отношения “человек-природа” освещаются в Слове Божьем достаточно подробно. 2) Призывная часть заявления отражает скорее ресурсный, чем ценностный подход к охране природы в то время, как из Библии (Быт. 1:10, 12, 18, 21, 25, 31; 6 гл., Пс.103 и др.) следует, что природа ценна не столько потому, что “полезна”, сколько потому, что

сотворена Богом. Охрана окружающей среды не может ограничиваться экономией ресурсов. 3) Заявление слишком декларативно, хотя могло бы быть и более конкретным. Например, Церковь могла бы внести достаточно существенный вклад в охрану окружающей среды, меняя отношение верующих к природе. Экологическая этика есть часть этики христианской, любовь и бережное отношение к природе есть одна из важнейших форм поклонения Богу как Творцу (Отк. 14:7), а значит адвентистское проповедование и образование может и должно уделять определенное внимание экологическому воспитанию членов Церкви, их детей, молодежи и всех слушающих нашу весть. К сожалению, в заявлении это не отражено. Хочется верить, что осознание природоохранной значимости нашей вести на этом не остановится и будет раскрыто в других библейски обоснованных и более конкретных, чем этот (и более выполнимых, чем заявление о проблеме изменения климата), документах Всемирной Церкви христиан АСД.

С пожеланием Божьих благословений,
С. Хрибар (г. Москва).

Заявление о проблеме изменения климата Всемирной Церкви Адвентистов Седьмого Дня

Обращение к правительствам промышленно развитых стран

Ученые предостерегают, что в результате активной деятельности человека постепенно происходит потепление атмосферы, ведущее к серьезным негативным последствиям в окружающей среде обитания. Изменяется климат, следствием чего увеличивается количество ураганов, наводнений и засух. Для того, чтобы поддерживать климат в необходимых рамках, следует сократить выбросы тепличных газов и особенно окиси углерода. Основными источниками

этих выбросов являются промышленные объекты стран с высокой степенью индустриализации. Первыми жертвами выбросов в атмосферу являются небольшие островные государства и страны, расположенные в низменностях по береговой линии.

Невзирая на очевидный риск, правительства не торопятся предпринимать необходимые меры.

Всемирная Церковь христиан адвентистов седьмого дня требует, чтобы правительства предприняли следующие шаги для предотвращения опасности:

1. Выполнять соглашение, достигнутое

в Рио-де-Жанейро (1992 год, “Конвенция по изменению климата”), стабилизировать выбросы двуокси углерода в 2000 г., чтобы выйти на уровень 1990 года.

2. Разработать планы для дальнейшего сокращения выбросов двуокси углерода после 2000 года и далее.

3. Инициировать более значимые общественные дебаты, посвященные риску изменения климата.

Подписывая данный документ, христиане адвентисты седьмого дня провозглашают свои призывы посредством простого, здорового образа жизни, где людям не угрожает жерновичный камень безотчетного потребления и производства отходов. Они призывают к уважению творения, ограничению в использовании мировых ресурсов и переоценке наших нужд как личностей.

Научно-духовная экологическая группа “Swami” рада предложить Вам учебные фильмы:

“Погружение в Гармонию Природы. Путь в рай” – слайд-шоу с сопроводительным текстом, 1,5 часа, на CD;

“Саттва” и “Саттва весны” – 1 час, на видеокассетах 4 DVD/(Фильмы имеют прокатные удостоверения).

Слово “Саттва” означает “Гармония, Чистота”. Фильмы посвящены гармонии общения с живой природой в наших лесах, эмоциональной настройке с самыми прекрасными ее проявлениями. Они учат относиться к природе бережно, с любовью. В фильмах – красота цветущих растений, чистота лесных озер и рек, весеннее пение и токование птиц, в том числе бекасов, вальдшнепов, тетеревов, также бобры с построенной ими плотиной, следы зверей на снегу и многое другое.

Также – книги “Экология человека в многомерном пространстве”, “Духовное сердце: Путь к Творцу” и “Духовная работа с детьми”.

Эти материалы имеют направленность не только экологическую, эстетическую и этическую, но и философскую, представляя методологическое направление – современный развитый исихазм. Он включает такие методы самосовершенствования, как регулирование своих эмоций (легкое снятие отрицательных эмоций и стрессов, обретение устойчивого внутреннего радостного покоя) и – что есть главное – развитие духовного сердца.

Фильмы могут быть использованы как учебные пособия на занятиях по естество-

знанию, биологии, экологии, философии и религиоведению. Но они также помогут любому человеку (и взрослому, и ребенку) – при просмотре хоть каждый день – для отдыха после работы или учебы, для замены в себе отрицательных эмоций на положительные. Но главное – эти фильмы – пособия для духовного самосовершенствования!

Наиболее ярко проиллюстрировать сказанное можно стихотворением одного из великих русских поэтов, которое опубликовано в указанной книге “Духовное сердце: Путь к Творцу” и в фильме “Саттва весны”:

Свет зари отразился в листочках берез,
И они засияли в нем, трепетно млея...
Я влюблен в эту Землю безмерно, до слез!
Все держу на своих я ладонях, лелея!
Я ласкаю деревья, целую цветы,
Обнимаю, любовью питаю и грею!
Полюби же родную природу и ты,
Понимая, что все это – Бога Творенье!

Методологическая задача здесь такова: развивая в себе любовь к лучшим проявлениям в Творении, мы приближаемся к заповеданному Богом Совершенству и приобретаем способность полюбить и Творца.

Воспитывая именно так подрастающее поколение, мы внесем самый значительный вклад в дело возрождения страны в целом – если смотреть в перспективу.

Фильмы и книги можно заказать по адресу:

heart@land.ru или:

Антонову Владимиру Васильевичу,
До востребования, С.-Петербург,
197022, Россия).

КАК МЫ СОЗДАВАЛИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ СОЮЗ (Малоизвестные страницы из истории создания МСоЭС)

Б. Складенко, г. Москва

Моему другу, поэту и философу,
куратору ДОП ХГУ Сереже Таглину,
трагически погибшему 10 лет назад

НПО СЕГОДНЯ: КРИЗИС ЖАНРА, КРИЗИС САМОСОЗНАНИЯ

На удивление все оказалось во многом таким же, как и было 20 лет назад, с теми же проблемами и вопросами и во многом с теми же ситуациями. Мало что изменилось качественно, хотя инструментально-количественный рост налицо. Появилось то, чего раньше не было и в помине – компьютеры, сотовые, Интернет, “мыло” и прочие удобные прибамбасы времени. Жаль только что мы не меняемся, а в этой связи не меняются и наши конгломераты – различные общества, в т. ч. и природоохранные, которые неправительственные.

Как показали прошедшие осенью 2003 г. 8-я конференция МСоЭС и съезд “зеленых”, Движение, как и много лет тому назад, находится на уровне ДОПов и переживает этакий затянувшийся несколько кризис роста, а с другой стороны, как показали те же съезды – кризис внутреннего самосознания как неспособности преодолеть неизбежную в условиях федерализма концептуально-целевую разногласицу в ответах на вопросы “чего мы хотим” и “куда мы теперь должны двигаться дальше”.

На первый взгляд обе проблемы могут показаться несколько отдаленными друг от друга, особенно для той части движения, которая может придерживаться взгляда: нечего оглядываться на прошлое, забивать себе мозги будущими целями – дело надо делать, и все. Такая позиция вполне правомочна и имеет право на реализацию.

Но не имея ценностно-целевых ориентиров, она превращается в “движение ради

движения”, и достичь каких-либо коренных результатов не способна. Яркая иллюстрация такой позиции была приведена однажды в печати Движения. Одному из лидеров некоего эко-объединения в регионе в ходе проведения акции был задан вопрос: какую цель поставили этой акцией? Ответ был ошеломляющий: что-то вроде “да какая там цель, я меньше всего думаю о целях, мне важно движение здесь развернуть”. Как говорится – без комментариев.

На самом деле проблема не в том, чтобы бросить на произвол судьбы практическую работу по охране природы и закопаться в самоанализе, в рефлексии, в проектерской работе по целям и т.д. В действительности обе плоскости работы крайне важны для движения и органически необходимы ему, и нынешний кризис – это прежде всего не кризис каждой из них по отдельности, а кризис их взаимосочетания и взаимодополнения, самооценки и практической работы. Не зря ведь говорится, что тот, кто не желает смотреть в свое прошлое, не имеет будущего. Другое дело, что тот, кто займется только самосознанием, тот не будет иметь не только будущего, но и настоящего.

Тот факт, что обе плоскости как бы отстают от потребностей ситуации (по вполне объективным причинам – нет сил, нет средств и др.), свидетельствует только о том, что, с одной стороны эти вопросы находятся в запущенном состоянии, но прежде всего – о том, что нет того ключевого общего знаменателя, который был бы способен “стянуть” эти обе плоскости в одно органическое, взаимодополняемое целое.

Уверен, что поиск такого знаменателя может стать только результатом обширной коллективной работы которая должна вернуться без ущерба для конкретной природоохранной практики и быть одновременно одной из основ его реализации.

Именно с целью обозначить один из важнейших исходных пунктов для сопоставлений и начала такой работы по осмыслению своего движения, его результатов и побуждает меня сегодня, спустя 20 лет, вернуться к этим событиям. Только с этой и никакой иной целью.

Крайне важно возвратиться мысленно к изначальным моментам, с которых во 2-й половине 80-х годов прошлого века начиналось обширное независимое экологическое движение, имевшее тогда все шансы выйти за рамки узкопрофессиональной социальной базы, и, сопоставляя замысел и результат, попытаться определить, что следует делать в ближайшем будущем.

Выбор истории создания Социально-Экологического Союза в качестве предмета для начала обсуждения в данном материале безусловно не случаен, поскольку я был одним из разработчиков идеи создания СоЭС.

С другой стороны, также важно восстановить историческую объективность, связанную с возникновением СоЭС. Обращает на себя внимание факт, что в работах по истории Движения и МСоЭС как-то двойственно подается история возникновения этой организации. В лучшем случае ее начальный этап – учредительная Конференция СоЭС (Гузерибль, 1987 г.) удостоивается упоминания, но собственно учредительной Конференцией считается почему-то Конференция, проходившая в Москве в 1988 году. Конференция, на которой был создан прообраз СоЭС – Группа Связи Выпускников ДОП (Казань, 1985 г.) даже не упоминается. А ведь именно в этот 4-летний период разрабатывалась концепция создания СоЭС, нашедшая свое организационное оформление в решениях этих двух Конференций-Совещаний.

Безусловно, что все эти уже ставшие ис-

торическими события того времени и их уточнения имеют смысл только в контексте главного вопроса: что и как мыслилось и что из этих замыслов удалось реализовать, что полезного из опыта того времени следует учесть. Может быть, нынешняя кризисная ситуация и есть один из итогов или изначально не точно избранного пути или, может быть, неполной реализации задуманного. Поэтому и предлагается взглянуть на нынешние проблемы эко-Движения сквозь призму прошедшего времени на примере истории создания одного из самых обширных сегодня объединений – Социально-Экологического Союза.

В то же время следует обратить внимание на то, что данная работа не является историческим исследованием. Прежде всего это воспоминания одного из участников тех событий и, как всякое воспоминание, может нести в себе изрядную долю субъективно-эмоциональной окраски. Безусловно, я стремился свести это влияние к минимуму, но насколько мне это удалось – судить не мне.

СОХРАНИТЬ ПОТЕНЦИАЛ!

Как-то с моим другом, куратором ДОП ХГУ, Сережей Таглиным мы обсуждали проблемы ДОП университета и я спросил его – а что происходит с теми дружинниками, которые после окончания ВУЗа уходят из ДОП? Поддерживают ли они связь с Дружинами? Таглин сказал, что проблема действительно давно назрела – ведь крайне неразумно терять связь с людьми, прошедшими эту школу гражданской закалки и составляющих по сути главный “продукт” ДОП.

Тогда я и узнал, что в движении этой проблемой озадачены два человека – Сергей Мухачев и Святослав Забелин. Таглин и рекомендовал меня к участию в этой работе.

Вскоре между нами наладилась переписка. С первых писем мы быстро сошлись по основным взглядам на проблему. Особенно поразила революционная пламен-

ность Мухачева – сродни пламенности былых революционеров. Он готов был в бой сразу и безоговорочно. Большую приземленность и какую-то трезвую степенность проявлял Забелин. Видимо в силу этих качеств в ответ на идею не просто объединить выпускников, а с их помощью вовлечь широкие массы людей в Движение, расширяя социальную базу, Забелин вопрошал меня: это на основе чего я решил и где увидел, что массы людей пойдут за нами?

Так у нас сформировалась рабочая группа, этакий “триумвират”. Наметилось два основных вопроса:

1-й – следует ли ограничиться просто объединением выпускников ДОП и их поддержкой, трудоустройством с дальнейшим участием в природоохранной работе.

2-й – следует ли, сохраняя и используя этот потенциал, вовлекать широкие слои населения? Предлагалось не ограничиться решением проблемы выпускников, разрешив назревший кризис Движения ДОП, но вывести само Движение на новый уровень благодаря расширению социально-профессиональной базы.

Далее – название. Я высказался, чтобы название отражало не только экологическую, но и социальную направленность. Тогда-то впервые в переписке я и предложил: если мы поднимем природоохранное движение на новый уровень и приступим к решению не только первого, но и второго вопроса, то название должно включать словосочетание “социально-экологическое”.

Итогом почти годовой переписки “триумвирата” был круг проблем организационного и теоретического плана, который по предложению Мухачева решили “обкатать” на очередной школе ДОП в Казани в августе 1985 г.

КАЗАНЬ. 1985-й год, август: ГСВ

На волжском островке под Казанью проходила эта первая рабочая встреча. К работе приступили сразу. После изложения сути проблемы началось непродолжительное обсуждение. Для меня лично оно пока-

зало, что единство взглядов в нашем “триумвирате” на деле было только видимостью. По сути произошла поляризация взглядов и позиций по главному вопросу: какой направленности (целевой и организационной) должны мы придерживаться в ходе формирования нового природоохранного движения?

1-я группа (Мухачев, Скляренко, Маслов, Карелин, Зайнулина и др.) считали, что нужно обязательно формировать новую организацию как объединение выпускников ДОП с ориентацией на вовлечение новых людей не только по их профессиональной приближенности к задачам природоохраны, но и на более широкой социальной основе. Одним из главных инструментов новой организации решено сделать широкое общественное мнение, формирование которого должно быть отличительной особенностью ее работы.

Иными словами, предлагалось объединить профессионализм с энтузиазмом населения, который предстояло еще пробудить и раскрепостить от “социальной спячки”.

2-я группа (Бляхер, Забелин, Криницын, Затока и др.) наоборот, исходила из таких посылок:

– объединить выпускников безуспешно пытались последних лет 10, и ставить эту задачу сейчас тоже бесполезно;

– люди, не прошедшие школу ДОП, – не “наши люди”, а население в этом деле вообще темное и поднять его не удастся; значит, нечего создавать новую организацию;

– охранять природу выпускники ДОП могут и на рабочем месте, в своей профессиональной области без каких-либо объединений.

Суть их позитивной программы звучала так: следует профессионализироваться в своей области и если что-то и формировать, то формировать профессиональные коллективы профессиональных защитников природы. Закладку такой позиции сделали Бляхер и, особенно, Забелин, который призвал “использовать заряд, полученный в Дружинах, на профессиональном уровне,

т. е. профессионализироваться, но не в одиночку. На общественных началах такое объединение выпускников невозможно, т. к. общественные начала никого ни к чему не обязывают”. Жестко отрицательную позицию держал Бляхер: если даже новое Движение можно создать, то его усилия будут бесплодны без связи с Дружинами.

В финале Забелин выступил еще раз, попытавшись четче подвести итоги. Он снова заявил, что главная цель состоит в том, чтобы “повысить эффективность участия выпускников ДОП в охране природы” посредством “создания формальных профессиональных и неформальных общественных коллективов”. Безусловно – общественных коллективов из числа экологов-профессионалов.

В поддержку Забелина выступил Андрей Затока, призвав выпускников ДОП быть лидерами в природоохранном деле. Но снова же – в рамках профессиональной плоскости.

Наша группа смотрела на проблемы иначе. Там, где другие видели только только тупик, мы видели выход, а где группа Бляхера и Забелина видела выход (например, ставка на профессионализацию), мы видели тупик. Мы не отрицали необходимости профессионализации. Но в отличие от лидеров-профессионалов считали, что движение должно быть шире, нежели просто объединение выпускников ДОП, и профессиональными объединениями оно должно не заканчиваться, а с них начинаться.

Как социолог-обществовед я пытался объяснить, что страна находится в кризисе и в ближайшее время не предвидится путей выхода из него. Проблемы и противостояние в обществе будут усиливаться, и тогда их решение будет уже делом не только партии и правительства, но и рядовых людей, их политического голоса и политической воли. Мы к этому моменту должны быть готовы организационно и подхватить инициативу людей, поддержать их и опереться на их поддержку.

Последующий ход событий в стране полностью подтвердил правильность той

позиции. К сожалению, даже то, что было достигнуто – достигнуто не столько благодаря, сколько вопреки первоначальному пониманию и первоначальным действиям определенной части лидеров природоохранного Движения. Это предопределило результат: означенное время и действия иначе никак и не назовешь, кроме как временем слабо использованных и утраченных возможностей.

В неудавшихся 10-летних попытках разрешить проблему сохранения потенциала ДОП мы увидели крайнюю форму ее созревания, которая так и просилась наружу, а вырваться из тесных рамок узкого профессионализма Движение так тогда и не смогло.

Что мешало этому решению? Обычное стандартное заблуждение на основе повышенного самомнения и отсутствие за ненадобностью в этих условиях самоосознания своего места, своего действия, его целей, средств и методов в общесоциальной встроенности движения в государстве и обществе, особенно во встроенности в социальную-политическую плоскость общества.

Основа тому была и остается для многих сегодня следующая: “природа знает лучше, как и почему”, а мы – профессионалы-экологи, биологи, географы и т. д. – являемся своей профессией как бы доверенными лицами природы. А посему вслед за природой знаем, что и как лучше.

Это сводило на нет всякую необходимость самосознания просто за его ненадобностью для данной позиции. Безусловно, я не считаю, что такие взгляды и послышки свойственны были всем биологам и естествоиспытателям. Речь только о части лидеров экодвижения. Однако от обобщений возвратимся к описываемым событиям.

После дискуссии проголосовали. И наша группа осталась в меньшинстве. В первые минуты казалось, что это крах и конец всему замыслу. Было от чего опустить руки... Но идею надо было отстаивать. После перерыва я выступил с заявлением по итогам голосования.

Контекст моего спича был таков: мы

благодарны участникам голосования, в результате коего все смогли обозначить свое отношение к предложенному направлению работы. Мы считаем, что главным итогом голосования является то, что обозначился коллектив, готовый работать по этой теме. А посему – проголосовавшие “за” начинают работу немедленно.

Мы тут же на другом конце островка приступили к обсуждению как организовать работу. Не помню, кто выдвинул прекрасную идею создания Группы Связи Выпускников (ГСВ). Идея была принята единогласно. Главная задача ставилась: выявлять выпускников ДОП вне зависимости от времени их выпуска и нынешнего профессионально-административного статуса.

Был создан Почтовый ящик ГСВ и (по предложению С. Криницина) Банк идей. Ответственным избрали Мухачева. Исследовательский и методологический фронт по Программным положениям был поручен мне. Определили перечень действий, которыми выпускники ДОП могли быть полезны Дружинам. Также ставилась задача оказания помощи выпускникам ДОП в трудоустройстве. Была разработана Анкета выпускника ДОП и направления участия выпускников ДОП в пропаганде охраны природы.

В разгар выработки этих решений явилась небольшая делегация из числа проголосовавших против, и предложила свое участие в работе. Естественно, мы согласились, и дальше работали вместе. Поскольку в числе пришедших был и Забелин, то я сделал вывод, что это была та конструктивная часть людей, которые, хотя и против широкого фронта действий, но, в отличие от Бляхера, были за создание нового Движения, хотя мыслили его только как объединение выпускников ДОП.

Вот список из моего архива нашей рабочей группы – 19 человек (человек 3–6, например, С. Мухачев, не записались):

Карелин Ю.А. (Рязань), Усов В.П. (Башкирия), Ерофеев В.В. (Куйбышев), Маслов Д.Г., Орлов Е.В. (Горький), Зайнулина Р.М., Иванова В.Н. (Казань), Складенко Б.В.,

Складенко В.М. (Харьков), Затока А.Л. (Туркмения), Киселева И.С., Криницин С.В. (Свердловск), Тимофеева Е.Н. (Удмуртия), Левинсон С.В. (Ленинград), Шевчук А.И. (Одесса), Корнева Ф.С. (Муром), Забелин С.И., Маркина Н.В., Пономаренко С.В. (Москва).

В целом группа насчитывала 22–25 человек из 13–15 районов страны. После встречи мы уезжали домой с ощущением взятой вершины в собственном самосознании и с жадной жаждой действий. Казалось, мы своротим горы.

МЕЖ ДВУХ СОВЕЩАНИЙ

Следующий этап, с августа 1985-го по август 1987 г., завершается созданием СоЭС – как результат 2-летней работы ГСВ и его Почтового ящика в Казани, усилий многих выпускников и членов ДОП во всех уголках страны. На конец 1985 г. было 9 региональных координаторов ГСВ: С.Бакка, Орлов, Ерофеев, Криницин, Пономаренко, Карелин, Забелин, А. Шевчук, Б. Складенко. По не охваченным координаторами регионам работу взял на себя Почтовый ящик ГСВ.

Объединение выпускников как задача ДОП была обсуждена Харьковским семинаром в ноябре 1985 г., где я рассказал о встрече в Казани. Мы с Таглиным стали собирать людей в Харькове и области. К началу 1987 г. появилась Изюмская районная Группа Связи выпускников. Возглавил ее выпускник ДОП ХГУ Иван Милько. Они первым делом стали опираться на местное население, привлекая его к природоохранной работе. Была создана ГСВ г. Харькова, а летом 1987-го Культурно-Экологический Клуб Харькова.

Важным этапом в работе через ДОПы была Конференция ДОП в Москве в феврале 1986 г., принявшая решение вести работу по выявлению и налаживанию связей с выпускниками ДОП. В то же время рабочая встреча самих выпускников – координаторов ГСВ – была провалена: все совещание длилось чуть больше 2-х часов за

все 5 дней конференции ДОП Самое тяжелое было – получить ответ на запросы о бывших членах ДОП. Проблема была не столько в инертности определенной части вожakov ДОП, но больше – следствием того, что многие ДОПы вообще не вели кадрового учета.

Много сил забирала разработка теоретической концепции Движения и его программных положений. Еще в апреле 1986 г. я предлагал координаторам ГСВ сосредоточить внимание на организационно-теоретических вопросах: “Или вообще не браться за это дело, или мы превратимся со временем в самодовольных болтунов, восхищающихся тем, как быстро и упорно мы вычерпываем воду из продырявленной лодки, вместо того, чтобы раз и навсегда как следует ее отремонтировать”. Я также призвал не упускать из виду крайне важный вопрос О НАШЕМ САМООСОЗНАНИИ, без которого продвижение вперед невозможно, а топтание на месте гарантировано.

Уже в сентябре 1986 г. начался обмен проектами и проектными положениями по Программе Движения. Были представлены на критику 4 варианта: Мухачева, Забелина, Склярченко и Сухомлиновых.

Проект Мухачева ориентирован на построение Нообиосферы. Упор в средствах действий делался на народные референдумы и экологическую гласность, на переход к территориальным ресурсооборотным народо-хозяйственным комплексам, общественные пункты эко. контроля, на борьбу с бюрократией.

Забелин целевой упор делал на оптимизацию среды обитания человека и оптимизацию природопользования, определение очередных задач общественного движения за охрану природы.

Мой проект – это программа конкретных действий в конкретно очерченных рамках системы отношений: ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ И ОБЩЕСТВО, ЭКОДВИЖЕНИЕ И ОКРУЖАЮЩАЯ ПРИРОДНАЯ СРЕДА и ЭКОДВИЖЕНИЕ И ЛИЧНОСТЬ.

Ключевые задачи в разделе “Экодвижение и общество” (поэтапно):

- инициация и развитие массового общенародного экодвижения, далеко выходящего за рамки собственно нашего Движения;

- формирование более узкой составной части общенародного движения социально-экологического движения (СЭД);

- на основе объединенных усилий обеих частей движения – создание СИСТЕМЫ ПОВСЕМЕСТНОГО ЭКОЛОГИЧЕСКОГО УЧЕТА И КОНТРОЛЯ как единства социальной и экологической активности населения, его энтузиазма и экологической компетенции профессионалов.

В разделе “Эко.движение и окружающая среда” предлагалось всю работу подчинить созданию общественного СОЦИАЛЬНО-ЭКОЛОГИЧЕСКОГО МОНИТОРИНГА, конкретных Постов контроля населения за состоянием природных объектов.

К сожалению, не могу изложить положений варианта Сухомлиновых – в моем архиве он не сохранился. Знаю только, что их проект произвел на меня наибольшее впечатление именно своей продвинутой в использовании марксовской идеи и положений в вопросах взаимодействия общества и природы.

Однако в ходе работы над этими проектами наш “триумвират” и ГСВ входил во все более затяжной кризис с переходом в личностную плоскость отношений, что вообще было недопустимо.

Это проявилось на Московской конференции ДОП в феврале 1986 г. В то же время какая-то неустойчивость позиции, проявившаяся у Мухачева, сыграла, на мой взгляд, значительную роль в углублении кризиса нашей тройки как рабочей группы.

Так, в письме я сообщал, что почти подготовил брошюру, посвященную программе и целям Движения, принципам организационного построения. Изложен был и план-проспект брошюры. Ознакомившись с ним, Мухачев выразил восхищение и написал, что он с нетерпением ждет выхода книжки. О готовящейся брошюре я сооб-

шил и другим участникам Движения, и все одобрили ее как своевременный и необходимый материал.

Мне предстояло только догадываться, в силу каких причин, сперва выразив восхищение, Мухачев вскоре прислал другое, абсолютно непонятное, но чрезвычайно разгромное письмо.

В ответ я назвал все это чепухой и полным бредом, заявив, что если это точка зрения Забелина, то почему он сам не напишет эти претензии мне? Разве мы не договаривались обсуждать любые проблемы прямо и откровенно? А вместо откровенного разговора – какие-то тайны Мадридского двора? И постоянный уход от сути вопросов!

Говорю об этом потому, что на мой взгляд очень слабое место МСоЭС – межличностные, межгрупповые отношения и взаимодействия. Может, я ошибаюсь, но горизонтальные межгрупповые связи совсем слабые и, если и бывают, то чисто ситуативно. Это превращает сетевую, зонтичную систему в совокупность отдельных централизаций между каждой отдельной организацией и ЦКИ.

Так, уходя от одной всеобщей централизации, ее заменили множеством отдельных централизаций. История создания МСоЭС – это не только история организации, но и история тех внутренних процессов, которые связаны с действиями конкретных лиц. И их стиль, их поступки были теми формообразующими факторами, что во многом предопределили нынешнее положение организации, а с другой стороны – являют образец внутренних взаимоотношений, опыт формирования которых весьма поучителен.

С таким багажом претендовать на спасение мира от экокатастрофы?! Так и хотелось тогда (да видимо и сейчас мало что изменилось) воззвать во весь голос: “Лекарь! Исцелися сам!”.

Мухачев предложил все вопросы переложить на личную встречу в Гузерипле, поскольку в переписке эти вопросы не решить. Я согласился и снял свое требование

объяснений, не подозревая, что эти вопросы я откладываю навсегда.

Итак, мы выходили на финишную прямую по созданию новой организации. В багаже была сеть координаторов ГСВ, обросшая небольшими коллективами, хоть и слабая, но поддержка ДОПов и несколько программных проектов с изложенными целями и средствами их достижения. Не бог весть какой богатый багаж, но для создания новой организации вполне достаточный минимум.

3-го августа 1987 г. мы встретились вблизи пос. Гузерипля Машсопского района Краснодарского края.

ГУЗЕРИПЛЬ: УЧРЕЖДЕНИЕ СоЭС

В Гузерипле к работе приступили 3 августа. Я обратил внимание, что большая часть людей мне неизвестна. Большая часть членов и координаторов-учредителей ГСВ на встрече в Казани в Гузерипле не прибыла. Ниже привожу гузерипельский список учредителей СоЭС (17 чел.):

М. Азовская, Н. Гимадутдинова, С. Мухачев, М. Разбежкина (Казань);

А. Базникин, В. Салтыков (Кавказский заповедник;

В. Вахарловский (Ленинград);

О. Волошина, С. Забелин, В. Степаницкий (Москва);

С. Криницын (Свердловск);

Е. Мухина (Бухара);

Ю. Полтев, Б. Скляренко (Харьков);

А. Федоров (Самара);

А. Шпунт (Новосибирск);

С. Яковлев (Горький).

Из Казанского состава ГСВ были Криницын, Скляренко, Забелин, Мухачев. И все.

Мне стало ясно, что в Гузерипле создается совершенно иная организации с иным составом, но под ранее провозглашенным флагом и на основе результатов ранее проведенной 2-летней работы. В психологии малых социальных групп такие организации не могут иметь в межличностном плане никакой иной связующей системы, кроме как основанной на личной преданнос-

ти, стоящей выше принципов преданности общему делу.

Будет создана организация профессионалов на принципах личной преданности С. Забелину. Любые попытки провести в таких условиях решения, позволявшие создать действительно целеустремленную, социально активную и социально продуктивную организацию, способную внести в общество новую парадигму – социально-экологического демократизма и социально-экологических свобод – обречены.

Поражение данных установок предопределялось всем раскладом приглашенных и приехавших делегатов, которые понятия не имели, что происходило до Гузериля, что эта встреча есть продолжение ранее начатого процесса, что организацию готовил не один Забелин (так именно считало большинство делегатов), а рабочая группа из трех человек.

Так я второй раз столкнулся с экологическим идолопоклонством: первый раз в Казани – по отношению к Бляхеру, и второй раз – здесь – по отношению к Забелину.

Идолопоклонство – вещь, страшная прежде всего своей спекулятивностью. Оно есть самый дешевый способ для поклоняющегося быть причастным к великим свершениям при минимальных затратах сил и с минимальной ответственностью за эти дела.

Забегая вперед, скажу что у меня сложилось впечатление, что именно по такому сценарию построены взаимоотношения между МСоЭС и его низовыми, периферийными ячейками – легче внизу выжить, когда есть московская общественная “крыша”. Закладка этой позиции была сделана именно всей оргструктурой, принятой тогда в Гузериля, и имела под собой скрытую основу – именно идолопоклонство (с поправкой, что в такой оргструктуре сами идолы-лидеры движения в итоге ни за что не отвечают).

Я ринулся в дискуссии с такой страстью, что стал всех раздражать своим поведением и в итоге стал той “паршивой” овцой, которая портила такое прекрасное стадо.

Главная дискуссия велась вокруг следующих вопросов:

- об организационно-управленческом построении организации;
- о месте расположения Совета;
- о названии организации;
- о целях и задачах организации.

Основное расхождение по устройству состояло в том, что была предложена форма, которая при принятии решений уравнивала в правах индивидуальных членов с коллективными. Равное право голоса преподносилось как максимальный демократизм. Я же утверждал: о каком демократизме может идти речь, если 2 индивидуальных голоса могут “зарубить” мнение одного коллективного голоса в 30 или 50 человек? Создавалась классическая угроза, когда можно узким кругом преданных людей “гасить” любые голоса любых коллективов, проводя выгодную для своего окружения политику.

Вторая проблема – создание нецентрализованной организации. Позже это обозвали “зонтичной” системой. На мой взгляд, снова же создавалась только видимость демократизма, поскольку истинный демократизм есть не структурность организации, а ОБЕСПЕЧЕНИЕ ДОСТУПНОСТИ – любому члену организации к определению и влиянию по основным факторам и основам деятельности и развития организации – факторам, которыми являются всего ДВА ПОТОКА: ИНФОРМАЦИОННЫЙ И ФИНАНСОВЫЙ.

Другими словами, можно нагородить сверхдемократическую структуру или вообще отказаться от наличия структуры – но главная суть организации определяется тем, кто наиболее близок к распоряжению и влиянию на сбор, обработку и использование финансовых и информационных потоков и ресурсов.

Если мы сейчас заложим такую только горизонтальную, лишенную централизованного начала структуру, то это будет означать исключение не только каких-либо целевых установок на будущее (хотя абстрактные цели достижения что-то вроде гар-

монии общества и природы будут декларированы), но и обязанностей перед всем нашим сообществом, а значит, и каких-либо его прав. Это снимет, с другой стороны, необходимость и обязанность какого-либо соизмерения степени приближения к поставленным целям и тем самым снимет всякую ответственность лидеров за руководство по пути к целям. Ну о-о-о-очень удобно! Чего-то копошатся там внизу в провинции – ну и хорошо, поддержим рассылками и заявлениями, помашем, как говорится, после драки кулаками. И им хорошо, и нам приятно – экологический долг выполнили.

Наутро я представил распечатку своих тезисов на двух неполных страничках. Значительная часть отозвалась одобрительно, большая часть промолчала.

Меньшие дебаты вызвало предложение нескольких делегатов сделать органы управления как бы скользящими: 2–3 года органы управления в одном городе, затем 2–3 года в другом и т. д. Предложение было правильным, т. к. исключало опасность “прилипания” власти к одним рукам, снимало угрозу влияния авторитаризма, приучало бы к дисциплине и было бы неплохой школой управления и фактором, стимулирующим инициативы снизу.

Предложение было принято, но с поправкой. Суть поправки уже проявляла длинные “уши открытого авторитаризма”: мол, согласны, но на первом этапе, поскольку Забелин там в Москве, то пусть все будет в Москве временно, а потом мы перенесем в другие города по предложенной схеме. Я от души рассмеялся, сказав что если умножить это решение на провинциальную неповоротливость плюс нежелание снизу за что-либо отвечать, то это решение не временное, а решение навсегда.

Первые же голосования показали, что несмотря ни на какие мои усилия и разъяснения, кривая идет совсем в другую сторону. К тому же неожиданно вокруг меня стал образовываться вакуум. Я недоумевал – с чего бы это? Но тут все прояснилось. Двое делегатов доверительно и сочувственно

поведали мне, что все это отношение связано с тем, что якобы я являюсь ... агентом КГБ!

Тогда я объявил, что уезжаю и снимаю с себя полномочия Координатора ГСВ по Украине. В перерыве ко мне подошел А.А. Шпунт и спросил: “Неужели вы так и уедете, не отстояв свою позицию?” Что я мог ответить? Ничего, кроме как сослаться на бесполезность отстаивания. Он спросил, как же, мол, вот вы уедете, а еще такой важный вопрос будет как название? Я ответил: “А вот вы, Анатолий Абрамович, и предложите мое название. Вам поверят, а мне нет, но главное чтобы дело выиграло”. Он согласился, и с подачи А.А. Шпунта было принято название “Социально-Экологический Союз”.

Так закончилась эпопея по созданию новой экоорганизации под названием СоЭС.

При всех организационных недостатках и изъянах, тем не менее именно Казанское Совецание и Совецание в Гузерипле создало организацию. Почему именно эти Совецания должны считаться учредительными? Потому что регистрация есть лишь факт признания организации государством. Действительное время создания – это когда коллектив учредителей приходит к выводу о необходимости такой организации и свое волеизъявление оформляет в ряде учредительных документов, особенно в коллективном их принятии и УТВЕРЖДЕНИИ, что и было сделано именно в Гузерипле.

В частности, отдельным решением было зафиксировано создание Совета Оперативных Решений СоЭС сроком на 1 год. Также отдельным документом оформлено Решение “О первоочередных мероприятиях СОЭС” (20 пунктов). Был также создан Информационный Центр и печатный орган Союза как его центральные органы.

17 ЛЕТ СПУСТЯ: ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Для меня МСоЭС сегодня – это, во-первых, как я и предполагал, большая между-

народная ДОП с идентичными повадками, стилем, недостатками и достоинствами студенческих ДОП. Выйти за эти рамки не удалось. Вышли только титулом – международный, да возрастом – взрослые дяди и тети. Главное – результативность, своевременность и целенаправленность – остались на том же уровне. Главная работа по направленности – правозащитно-профессиональная. Дело безусловно нужное.

Другими словами – это большой экологический профсоюз профессионалов-естественников, экологов, дополненный правоведами-юристами.

Защищая природу, участники этого процесса на самом деле несут ту пагубную парадигму, по которой ни один сапожник на подсознательном уровне не заинтересован в качественной и вечной обуви. То же самое можно сказать о любой профессии.

Суть не меняется от того, что это на общественных началах – такой же процесс присущ и духовной жертвенности, которую многие якобы приносят на алтарь спасения природы, поскольку ощущение, что они не ставят при этом каких-либо конечных целей, свидетельствует о том, что на самом деле они любят не сколько природу в себе, в своих действиях, сколько себя любят в природе. И если завтра будет достигнута цель и будет спасена природа, они не будут знать, что им делать с собой, любимыми!

Поэтому МСоЭС – это большой коллективный профсоюз. Но защищают там не человека и не природу, а возможность сохранения самой профессиональной ниши как таковой, как бы индугируя любое профессиональное сообщество внизу, но только при условии, что оно будет работать и на его бренд. Главная привлекательность – никто никому ничего по большому счету не должен, даже ... природе!

В-третьих, ее зонтичность несет на себе именно профсоюзный тандем: сверху “страшалка”, снизу – “движение ради движения”. А что власть? А власть, я полагаю, давно раскусила эти игры и как искушенная и не такими политтехнологическими интригами плюет на все эти потуги с б-а-а-

альшой кремлевской башни и молча делает свое антиэкологическое дело. О чем, с невероятной ясностью, свидетельствуют события последних трех лет! Общественным организациям ничего не остается делать, кроме как утираться.

В-четвертых, МСоЭС – это уже бренд, причастность к которому низовых организаций подкрепляется некоей ритуальностью что-то вроде конференции или съезда, желательна с максимально возможно длительным периодом между ними, например в 4 года, когда за это время много воды утечет и все забудут, а что же там было в прошлом. И состав организаций может измениться, да и просто проблемная ситуация так далеко уплывет за это время, так что теряется всякий смысл к ней возвращаться. Вот оно само собой и рассасывается, а главное – вопрос снимается сам по себе. А чем меньше возникает вопросов – тем легче жить и дышать!

И наконец, в-пятых, МСоЭС – это достаточно значимая машина по выработке и накоплению информации, и это, как говорится, без комментариев.

Для меня эти черты являются признаком того, что в основе нынешнего кризиса МСоЭС находятся существенные изъяны в работе, допущенные за все годы. Основа этих изъянов – повсеместное доминирование экологического содержания над социально-экологической составляющей – опасность, которая была очевидна еще в 1987 году, и о чем я пытался говорить на Конференции в Гузерипле.

Этим я не хочу сказать, что социально направленных действий не было совсем. Нет, были, за 17 лет жизнь заставила все же заняться этой частью экологической реальности.

А посему, при ознакомлении с историей проводившихся акций Союзом и его участием в объединенных действиях всего движения, все эти 17 лет предстают как время упущенных возможностей и целого ряда поражений в данной области.

Это общая особенность ситуации, когда все системы рушатся именно тогда, ког-

да они ищут внешнего врага и на этой основе прощают себе все. В условиях, когда новое повторяет в своих рядах морально-нравственную сетку старого общества – тогда новое не может родить ничего другого, кроме как очередную модификацию старого общества со старыми ценностями.

Что касается целей, то крах их в такой системе внутренних отношений неизбежен. Поэтому любое сообщество должно начи-

нать с себя, и в основу своих внутренних взаимоотношений закладывать те ценности, за которые оно собирается сражаться. Движение ДОП к этому было, я думаю, ближе, нежели МСоЭС. По этому поводу лучше великого философа Канта не скажешь: “Тот, кто не живет по истине, к которой всех призывает, есть самый большой враг этой истины”.

ПРЕЗИРАВШИЕ УЗДУ

В.Н. Грищенко

Каневский природный заповедник

Я был тарпаном. Нас был целый табун, и мы неслись по степи, перемахивая через холмы и овраги. Земля пролетала у нас под ногами, и мы были свободны от нее, от земли, и от неба, стывущего над головой, и от скучного долга возвращаться домой, на конюшню. У нас не было дома, у нас ничего не было, чем стоило дорожить на земле.

Мы неслись между степью и солнцем, испепеляющими друг друга вечным жаром любви, а может быть, ненависти. Мы неслись между двумя огнями, как стрела, пущенная нам вслед, или пуля, летящая нам навстречу. И на закате, когда, изнемогая, солнце и степь склонялись друг к другу, мы одни не чувствовали усталости.

Мы ничего общего не имели с мустангами, с этими в прошлом домашними лошадьми, которые отказались ходить в узде, но не смогли отказаться от многих старых привычек. Мы никогда не были домашними. Мы всегда презирали узду, даже если она была из чистого золота.

Ф. Кривин

... Погоня безнадежно отставала. Дикая кобыла, как вихрь, мчалась заснеженной степью, легко перелетая большие сугробы, надолго задерживавшие ее преследователей. Покрытые пеной кони, неистовствуя от острога, выбивались из сил, но расстояние все увеличивалось. Агайманское поле еще не видело такого. Растянувшись в бескрайней степи, несколько всадников гнали одинокую дикую кобылу. Ни один из них не смог бы даже приблизиться к ней, но у оче-

редной ложбины кобылу ждали новые преследователи на свежих лошадях. Они старались направить ее к следующей группе, принимавшей эту смертельную эстафету. Так продолжалось много часов. Несчастливая жертва изнемогала от усталости, но до последнего дыхания боролась за свою свободу. Погоня снова отстала, и впереди уже замаячила вольная степь. Но вдруг предательская трещина во льду, припорошенная снегом, поставила точку в этой трагедии:

кобыла с поломанной ногой повалилась на землю, и ее настигли преследователи. Они затащили добычу на сани и повезли в село Агайман (недалеко от Аскании-Нова), где их уже ждала толпа любопытных. Через два дня дикая кобыла умерла, хоть ей и пытались сделать шину на поломанную ногу.

“Вот так последняя представительница когда-то многочисленного рода героически отстаивала свою свободу до самого последнего дня жизни”, – писал об этом Б. Гржимек (1982).

Лошади были неотъемлемой частью природы Евразии, начиная с плейстоцена. На север они доходили до Таймыра и Чукотки. Палеонтологами описано более десятка видов только на территории бывшего СССР (Каталог, 1981). Эти животные встречались в разных природных зонах вплоть до тайги и тундры, а отнюдь не были привязаны к степям и полупустыням. Туда их выжил человек. Главное, что было необходимо лошадям, – твердая почва (Petzsch, Piechowski, 1986). Ни изменения климата, ни другие природные катастрофы не причинили им особого вреда. Они приспособились к выживанию в самых разных условиях и процветали до тех пор, пока один из представителей человекообразных обезьян не возвел себя на трон царя природы. Последовавшие за этим катаклизмы для многих видов животных оказались похуже, чем ледниковый период. Свободные и неукротимые дикие лошади не смогли выжить в условиях всепланетной тирании одного вида. На протяжении длительного периода они принадлежали к основным объектам охоты человека. О масштабах их уничтожения говорит хотя бы такой штрих: у подножия одной из скал у г. Солютре во Франции, где на протяжении многих лет практиковался загон стад к обрыву, нашли кости по меньшей мере 100 тыс. лошадей (Sedlag, 1983).

Одним из видов, который дожил почти до наших дней, был тарпан.

Само это слово – тюркского происхождения. Так кочевые племена называли ди-

ких степных лошадей. Научное название тарпана – *Equus caballus*. Он близкий родственник лошади Пржевальского, многие зоологи вообще объединяют их в один вид.

В исторические времена тарпаны были широко распространены в Европе. Существовали два подвида – лесной и степной тарпаны. Считается, что предковой формой была степная лошадь, лесная появилась позже (Ветуляни, 1952). Лесной подвид встречался когда-то практически по всей лесной зоне Европы. Наскальные рисунки первобытных людей свидетельствуют, что в древности дикие лошади были обычными даже во Франции и Испании. О существовании их в Испании писал и римский историк Варрон. Ископаемые остатки обнаружены в Италии, Австрии, Швейцарии, Бельгии, Великобритании. Степные тарпаны жили в степной и лесостепной зонах Восточной Европы от Прута до Урала. На север они доходили до Киева, Чернигова, Воронежа. Владимир Мономах в своем “Поучении детям” вспоминал, как он ловил диких лошадей возле Чернигова и на Руси. О стадах диких лошадей на Южном Буге писал Геродот. Еще в 40-х годах XVII в. стада тарпанов встречались на Трубеже недалеко от Киева.

Литовец Эразм Стелла, написавший в 1518 г. книгу о давней Пруссии, свидетельствовал, что там водились большие табуны диких лошадей. Местные жители использовали их мясо в пищу. Дикий лесной конь упоминается в древних германских актах и законоположениях, трудах средневековых писателей, народных легендах и преданиях. Посланник Григория III Бонифаций, который в VIII в. занимался крещением язычников Саксонии и Тюрингии, писал, что местное население охотно употребляет в пищу мясо диких лошадей, на что Папа отвечал, что это – варварский обычай. Еще в XV в. лесные тарпаны водились даже на Датских островах.

Крупным лесным животным было трудно выстоять под натиском человека. Из-за жестокого преследования, вырубki лесов поголовье их таяло, словно снег весной. В

XVII в. погиб последний тур, все меньше становилось зубров, медведей, лосей. К XVI в. лесные тарпаны в Западной и Центральной Европе были полностью истреблены, небольшие стада оставались только в глухих лесах Пруссии, Польши и Литвы. Последний великий магистр Тевтонского ордена А. Гогенцоллерн содержал лесных тарпанов в своем зверинце у Кёнигсберга. Обитали они и в парке графа Замоиского в Люблинском воеводстве. Последних тарпанов пытались охранять. Литовский статут запрещал отлов диких лошадей, застрелившего тарпана ожидала смертная казнь (Йовчев, 1982). Тем не менее, к концу XVIII в. они исчезли практически повсеместно. Последним их пристанищем была Беловежская пушча (Каталог, 1981). По другим данным, последний лесной тарпан был убит на территории нынешней Калининградской области в 1814 г. (Соколов, 1979; Sedlag, 1983).

Французский инженер Г. Боплан провел 17 лет в Польше и Украине, строя укрепления. Он писал в 1660 г., что в украинских степях тарпаны ходили табунами по 50–60 голов, нередко они вынуждали путешественников хвататься за оружие – издали их принимали за татарскую конницу. Сейчас это уже звучит как сказка, но в те времена диких лошадей и зубров было столько, что они мешали пограничной страже, за таптывая следы татарских отрядов.

Известный зоолог и путешественник С. Гмелин в 1768 г. исследовал бассейн Дона. Он был одним из первых ученых, давших научное описание степных тарпанов. С. Гмелин писал: *“Лет двадцать тому назад здесь по соседству Воронежа было много диких лошадей, но вследствие вреда, ими причиняемого, они отгонялись все далее в степь”* (цит. по: Браунер, 1923). Он еще застал небольшие стада, найти которые становилось все труднее.

Тарпаны были несколько меньше ростом, чем домашние лошади, отличались от них широкой грудью с крутыми ребрами и большой головой с короткой мордой и выпуклым лбом. В первые годы жизни шерсть была рыжеватой, затем масть становилась

мышастой с черным ремнем по хребту. Черными были также хвост, грива и ноги ниже колен. Зимой шерсть светлела. Характерными для тарпана были короткая и почти прямостоящая грива и короткий хвост (Кеппен, 1896).

Вот как описывает это животное А. Брэм: *“Тарпан – маленькая лошадь с тонкими, но сильными ногами, бабки которых длинные, довольно длинной и тонкой шеей, сравнительно толстой головой с широким носом, острыми направленными вперед ушами и маленькими, живыми, огненными, злыми глазами; шерсть их летом коротка, густа, волниста, особенно на задней части, где ее можно назвать почти курчавой; зимой, напротив, густа, плотна и длинна, особенно на подбородке, где она образует почти бороду; грива короткая, густая, растет кустами и курчавая, хвост средней длины. Равномерный соловый, желтовато-бурый и светло-соловый цвет представляет господствующую окраску его летнего покрова; зимой волосы становятся светлее, даже иногда делаются белыми; волосы на гриве и хвосте выглядят сравнительно темнее. Пегих среди них не бывает, вороные же крайне редки”* (Брэм, 1902).

Дикие кони жили большими табунами, в которых можно было насчитать по несколько десятков, а то и сотен голов. Табун распадался на небольшие “семейные” группировки из одного жеребца и его “гарема”. Косяки тарпанов держались в просторных открытых степях и кочевали с места на место, передвигаясь преимущественно против ветра. Дикие лошади были очень осторожными, держались подальше от людей. Исследователи отмечали, что они нередко обходили даже оставленные на зиму стога сена, несмотря на голод. Дикие степные лошади были очень выносливыми. Они могли бежать много километров без отдыха, причем догнать их не могли и лучшие скакуны. Пока стадо паслось в долине, самец стоял на каком-нибудь возвышении. Он давал знать об опасности и сам уходил последним.

“Жеребец – единственный властелин

общества. – Писал А. Брэм. – *Он заботится об его безопасности, но не терпит зато никаких порядков со стороны протезируемых им. Как только случится что-нибудь, жеребец начинает фыркать и быстро поводит ушами, бежит с высоко поднятой головой в определенном направлении и если заметит опасность – громко ржет, а за ним мчится оттуда весь косяк бешеным галопом. Иногда животные вдруг исчезают, как бы по волшебству; это они схоронились в какую-нибудь глубокую впадину и ожидают, что будет дальше. Мужественные в драках и любящие их жеребцы не боятся хищников. На волков они идут с ржанием и убивают их передними копытами*” (Брэм, 1902).

Жеребцы у тарпанов были очень воинственными. Они довольно часто отбивали домашних кобыл. А вот домашнему жеребцу подойти к дикой кобыле удавалось очень редко. Причиняли неприятности тарпаны и чумакам. Случалось, что утром они не досчитывались нескольких выпряженных на ночь кобыл.

Когда тарпаны шли на водопой, к нему первым подходил жоак, и только убедившись в безопасности, звал кобыл. Вообще дикие лошади были очень выносливы к жажде. Им нередко хватало даже росы, которую они слизывали. Для тарпанов были характерны и сезонные миграции. Дикие степные лошади с Агайманского пода (юго-восток нынешней Херсонской области) в холодные зимы переходили через Чонгарский полуостров и Арабатскую стрелку в Крым аж до Феодосии (Кеппен, 1896; Брэм, 1902; Браунер, 1923).

Дикие лошади с древнейших времен были объектом охоты. Их мясо использовали в пищу, из шкур шили одежду. Поймать степных лошадей было чрезвычайно тяжело. Они были очень прыткими и выносливыми, ни один домашний конь не мог их догнать. Более легкой добычей были маленькие жеребята и жеребые кобылы. Отловить взрослого самца удавалось очень редко. Казаки и татары охотились на тарпанов преимущественно зимой. Они загоняли табуны в крутые балки, прыгая в ко-

торые дикие лошади вязли в глубоком снегу. Дальше их ловили арканами. Большинство убивали рогатинами, немногих пойманных тарпанов удавалось приручить настолько, что их можно было запрягать. Дикие лошади могли перевозить больше груза, чем домашние, и были более неприхотливы к пище и условиям содержания. Когда диких и домашних лошадей запрягали вместе, тарпаны становились более смиренными.

Постепенно с освоением степей тарпаны начинают все больше и больше мешать переселенцам. Они вытаптывали и поедали хлеба, отбивали кобыл, вступали в драки с домашними жеребцами. Переселенцы вели с тарпанами беспощадную борьбу. На них уже не просто охотились, а целенаправленно истребляли. Сыграла свою роль в решении судьбы диких лошадей и распашка степей.

Способы охоты на тарпанов были по-настоящему варварскими. По сути, использовались те же методы, которые применяли еще первобытные охотники на крупную дичь (см. Грищенко, 2001), разве что с усовершенствованием технологий. Лошадей загоняли в ловушки, образованными длинными, в несколько верст, веревочными изгородями, которые сходились на клин. Звери бежали вдоль них, а когда доходили до вершины огромного угла, их стреляли. Зимой табуны тарпанов загоняли на скользкий лед рек или в глубокий снег. Там они были беззащитными. Очень много диких лошадей погибло в необычайно многоснежную зиму 1812/1813 гг. Как рассказывали С. Гмелину воронежские крестьяне, косяк неотступно следовал за жоаком. Но стоило его убить, как лошади беспорядочно разбегались в разные стороны и становились более легкой добычей. Этим также успешно пользовались во время охоты. Брали лошадей и измором, используя эстафету со сменой преследователей, описанную в начале статьи. В 1820-х гг. недалеко от Каховки местный почтосодержатель несколько дней днем и ночью преследовал табун из 20–30 тарпанов. Наконец они так обессилели, что их смогли загнать в огра-

ду и всех перебить (Кеппен, 1896; Браунер, 1923).

В 1830-х гг. небольшие табуны тарпанов еще сохранялись в отдельных местах от Южного Буга до Маньча. По данным штутмейстера Стрелецкого конезавода Т.Д. Тимофеева, в начале 1830-х гг. стада их встречались в степях к северу от Северского Донца. Местность эта в то время была покрыта лесами и болотами и оставалась малозаселенной. В 1837 г., когда наследник престола Александр Николаевич был в Новочеркасске, ему привели пойманного неподалеку живого тарпана (Кеппен, 1896).

Но беспощадная война против диких лошадей продолжалась. Дольше всего они продержались в Херсонском, Днепровском и Мелитопольском уездах Екатеринославской губернии. Эти земли долгое время находились на границе между владениями запорожских казаков и ногайских татар, а после присоединения Крыма российское правительство выселило отсюда всех ногайцев, оседлое же население было немногочисленным. На огромных территориях частных землевладений – десятки тысяч десятин – места хватало и тарпанам. Поначалу здесь развивалось овцеводство, распашка степей была незначительной, хуторов в степи не было (Браунер, 1923).

Однако освоение степей шло быстрыми темпами, еще быстрее шло истребление тарпанов, мешавших развитию сельского хозяйства. В конце концов от многочисленных стад остались всего два небольших табуна. Лишь тогда прозвучали первые голоса в защиту диких лошадей. В 1863 г. доктор Зеленкевич писал в “Таврических губернских ведомостях” о том, что необходимо принять распоряжение властей по сохранению этой зоологической редкости. Его поддержал известный русский зоолог Ф.П. Кеппен, который длительное время работал инспектором сельского хозяйства на юге страны и изучал там жизнь диких лошадей. Но и правительство, и земства Херсонской и Таврической губерний остались глухи к этим призывам ученых.

Один из этих оставшихся табунов

прекратил свое существование в 1866 г., одного жеребенка поймали, позже его передали в Московский зоосад. Скелет его хранится в коллекции Зоологического института РАН (Каталог, 1981). От второго табуна к 1870 г. осталась лишь одинокая кобыла, которая держалась у с. Князе-Григорьевка (нынешняя Херсонская область). Она бродила недалеко от табунов домашних лошадей, а когда не было пастухов, даже подходила к ним. На протяжении трех лет эта кобыла становилась все менее дикой. Она привела двух жеребят, которых у нее отобрали.

О ее драматической судьбе рассказал А.А. Браунеру управляющий имением Г.И. Гончаренко: *“Когда это имение было взято в аренду, то там мы застали еще одну кобылицу, останок от косяка в 18 голов, истребленного немцами-колонистами. Она держалась на ровной степи у курганов. В виду того, что за ней уходили лошади, наш табунщик и поймал ее в загоне, куда она пошла за домашним жеребцом. Она жила у нас около года, и, когда ожеребилась, была выпущена с двухмесячным жеребенком на волю (это было в 1872 г. или в 1873 г.) и скоро исчезла. <...> Бежала она чрезвычайно быстро, спугнутая отбегала на версту и останавливалась, оборотившись мордой к врагу, при чем передние ноги ставила на байбачинный курганчик и так стояла долго и неподвижно. Днем никто не видел, чтобы она ела или пила (то же было и в неволе). <...> Родившийся от нее в неволе жеребенок тоже был дик и так умел прятаться между передних ног матери, что его и не заметишь; в отсутствие людей он играл, но при малейшем стуке прятался”* (Браунер, 1923).

Об участии этой кобылы пишет и Б. Гржимек: *“...скрести скребком и вообще прикасаться к себе она не позволяла. А поскольку она покорно давала водить себя за уздечку на водопой, то владелец поместья, по фамилии Дурилин, так упорно старавшийся сохранить эту последнюю дикую лошадь, решил, что она весной доброволь-*

но останется пастись вместе со всем табуном. Но не тут-то было! Как только лошадей выпустили из загона, она с громким торжествующим ржанием убежала далеко в степь. Еще один раз, правда, она вернулась назад, нашла своего жеребенка, но тот не захотел последовать за ней, и она ушла одна, чтобы никогда уже не возвратиться, будто растворилась в необозримой зеленой степи... Ни принуждением и заточением, ни любовью и хорошей кормежкой не удалось сломить бунтарского духа дикой лошади!" (Гржимек, 1982).

Во время рождественских праздников 1876 г. на Агаймманском поле местные крестьяне решили позабавиться и устроили "охоту" за этой кобылой, в результате чего она погибла. Именно она вошла в историю как "последняя из могижан". Правда, по сообщению Ф.Э. Фальц-Фейна, еще две одинокие кобылы тарпана были убиты в 1879 и 1882 гг. (Кеппен, 1896). Последняя тлевшая искорка угасла в 1918 г., когда в конюшне конного завода возле Миргорода умер старый жеребец (Банников, Флинт, 1982)...

Лесной тарпан, прежде чем исчезнуть окончательно, пустил побег среди домашних лошадей. Барон фон Бринкен писал в 1828 г.: "Уничтожение этого животного в Литве было совершено людьми, которые ловили молодых и убивали взрослых. Последние дикие лошади, которые были там пойманы, были переведены в большой зверинец графа Замойского близ города Замостья, где их содержали довольно долго, вместе с другими животными; но, так как они не приносили никакой пользы, примерно лет двадцать тому назад было приказано их переловить и раздать крестьянам" (цит. по: Кеппен, 1896). Крестьяне постепенно приручили этих лошадей и стали запрягать. От них в Польше появилась характерная порода лошадей мышастой масти с черным ремнем по спине и короткой гривой, так называемые конники. Породы домашних лошадей с чертами тарпанов встречаются и в других странах.

Используя породу конников, в 1930-х гг. польские ученые в Беловежской пушче начали проводить эксперименты по восстановлению тарпана. Путем искусственного отбора выделяли лошадей, которые все больше походили на своих диких предков. Так была выведена линия тарпановидных лошадей. Работа прервалась во время Второй мировой войны, многие лошади были убиты, но все же часть стада удалось спасти, и эксперименты были продолжены. Удалось создать стадо, которое выпустили в один из резерватов на Мазурских озерах (Ветуляни, 1952; Йовчев, 1982). Небольшая группа тарпановидных лошадей жила и в советской части Беловежской пушчи. Однако это только "макет" неукротимого дикого коня с "живыми огненными глазами". От тарпана остались лишь географические названия, как немой упрек потомкам людей, совершивших злодеяние, – река Конка, левый приток Днепра, по которой когда-то проходила граница между Екатеринославской и Таврической губерниями, ее приток Жеребец, наименования различных урочищ.

Литература

- Банников А.Г., Флинт В.Е. (1982): Мы должны их спасти. М.: Мысль. 1-174.
- Браунер А.А. (1923): Сельскохозяйственная зоология. Госиздат Украины. 1-456.
- Брэм А. (1902): Жизнь животных. 1: 566-567.
- Ветуляни Т. (1952): Проблема тарпана на фоне новейших работ Академии наук СССР по истории лошадей в Старом свете. - Зоол. журн. 31 (5): 727-735.
- Гржимек Б. (1982): Дикое животное и человек. М.: Мысль. 1-256.
- Грищенко В.Н. (2001): Новые мифы о главном: первобытный человек и природа. - Гуман. экол. журн. 3 (2): 56-74.
- Йовчев Н. (1982): По следите на исчезните животни. София: Наука и искусство. 1-150.
- Каталог млекопитающих СССР. Л.: Наука, 1981. 1-456.
- Кеппен Ф.П. (1896): К истории тарпана в России. - Журн. мин-ва народн. просвещ. 1: 96-171.
- Соколов В.Е. (1979): Систематика млекопитающих. М.: Высшая школа. 3: 1-528.
- Petzsch H., Piechocki R. (1986): Urania Tierreich. Säugetiere. Urania Verlag. 1-604.
- Sedlag U. (1983): Vom Aussterben der Tiere. Urania Verlag. 1-216.

Идейные корни экологической политики России

В. Агафонов

“Новая волна”, г. Ростов-на-Дону

Это одно из немногих теоретических обоснований политики правительства России в области экологии, публиковавшихся в открытой печати, которая позволяет пролить свет на странные, мягко говоря, действия российского правительства, направленные на ослабление государственного контроля в области защиты окружающей среды (1 фаза – ликвидация Госкомэкологии и Госкомлеса, 2 фаза, нынешняя, – их полная замена на т. н. “агентства”, т. е. “государственные”, а по сути коммерческие корпорации). Эта политика основана на вере во всеислие рыночных механизмов и надежде на то, что такие механизмы смогут стать адекватной заменой государственно-общественной деятельности по защите природы и окружающей среды.

Такая политика, предполагающая превращение экологического права в отрасль частного права, неизбежно ведет к дальнейшей “амазонизации” (когда бесконтрольно вырубаются леса) и “нигеризации” (когда репрессивный аппарат государства поставлен на службу корпорации “Шелл”) нашей страны. Разумеется, подобная политика питается не столько теорией, сколько интересами конкретных “пацанов с большими бабками”, но и такая теория – это еще одна охалка сена в костер, на котором сжигается российская природа.

Н.Д. Елецкий, “Экологические факторы спецификации собственнических полномочий”. Материалы докладов Международного экологического симпозиума “Перспективные информационные технологии и проблемы управления рисками...” в рамках научных чтений “Белые ночи – 2000”, СПб 2000, т.1, часть 2, стр. 603-606.

“...Выявляется еще один принципиальный факт – в условиях спецификации собственности отпадает необходимость в значительной части юридически-административных методов государственного экологического контроля.

Функция государства сводится лишь к защите прав собственника, который, исходя из своих экономических интересов, обеспечит более эффективную защиту природных ресурсов, чем система административных запретов, штрафов и иных наказаний. Права на сохранение экологической чистоты ресурсов или, симметрично, – права на загрязнение среды – могут продаваться и покупаться, и включающиеся при этом рыночные механизмы становятся, по мнению сторонников теории прав собственности, более действенным инструментом защиты природы, чем административно-бюрократический надзор со стороны государственных чиновников. Ясно, что в роли собственника ресурсов может, а в ряде случаев и должно выступать государство или его специализированные институты и государственные корпорации – но в данном случае в качестве именно экономических субъектов, имеющих, защищающих и реализующих экономические интересы и действующих на той же правовой базе, что и прочие рыночные хозяйствующие субъекты.

Хотя ряд тезисов теории прав собственности имеет чрезмерно абстрактный характер и полная спецификация собственнических полномочий, особенно на экологически значимые ресурсы, вряд ли возможна, но положение о существенном сужении “зон неэффективности” рынка и соответствующем уменьшении необходимости государственно-бюрократического регулирования эколого-экономических противоречий при повышении степени спецификации собственности выглядит достаточно убедительно. Чем полнее и точнее определены права собственности на природные ресурсы, тем более эффективно рыночные механизмы минимизации издержек ориентируют хо-

заявляющих субъектов на ограничение экологически вредных действий”.

КОММЕНТАРИЙ

Автор надеется, что предлагаемые меры позволят собственнику эффективно защищать приватизированную им природную среду, но игнорирует проблему: как защищать природную среду ОТ собственника? Например, в том случае, если он сочтет выгодным такой способ эксплуатации природных ресурсов, который предполагает нанесение им невосполнимого ущерба природной среде (вырубка лесов, запруживание равнинных рек, осушение болот, обводнение пустынь, распашка целины, уничтожение животных и людей, которые препятствуют освоению территории и т. п.). Даже в том случае, если будет реализован экономический механизм поощрения собственника за сохранение им природной среды, это не гарантирует ее сохранения, т. к. реальное поведение субъектов диктуется отнюдь не только экономическими интересами.

В деле охраны природы нельзя обойтись без императивных методов, которые могут быть реализованы только государством (публичной властью), т. к. это сфера всеобщего (т. е. публичного) интереса. Автор не учитывает ряд теоретических обстоятельств:

1. Экономическая ценность природных ресурсов не эквивалентна их истинной ценности и роли в природе. Особенно ярко это проявляется, когда речь идет о природных

ресурсах и иных сферах природной среды, которые имеют бесконечную ценность, т. к. являются необходимым условием самого существования человечества. Вследствие этого в экономико-математических моделях появляются сингулярности (разрывы), которые искусственным образом устраняются путем условного определения соответствующих функций и в точках разрыва и в целых областях сингулярности. Из-за этого модели утрачивают адекватность.

2. Не учитывается разница в объеме термина “собственность” в экономических и юридических науках. В первом случае термин претендует на универсальность, т. к. обозначает весь комплекс отношений человека к объектам материального мира, во втором он вполне локален, т. к. указывает на один из институтов гражданского права, который регулирует только один из аспектов таких отношений. Иными словами, юридическое понятие “собственность” значительно уже экономического. Некорректно использовать юридический институт для регулирования тех общественных отношений, для которых этот институт совершенно не предназначен, хотя и совпадает с ними по названию. Непонимание автором юридической сути дела проявляется даже в названии, где упомянуты “собственнические полномочия”. У собственника, как субъекта частного права, могут быть только ПРАВОМОЧИЯ, а ПОЛНОМОЧИЯ – это составляющая права публичного, они могут принадлежать только субъекту публичного права: народу, государству или его уполномоченным органам.

Радикализм в экологии. Оправданно ли это?

Друзья, хотелось бы обсудить такой вопрос. В последнее время в СМИ и наших электронных рассылках все чаще рассказывается о различных природоохранных

группах – “Освободители животных”, “Земля прежде всего”, “Хранители радуги”, экоанархисты и др., применяющих в своих действиях экотаж, порчу частной собственности, действия массового неповиновения и другие радикальные способы. Интересно было бы обсудить, что движет этими людьми, каковы их ценности и мотивации, со-

Дискуссия была проведена в августе – сентябре 2003 г. на серверах “Дискуссия СоЭС” и ENWL, сокращенный вариант.

гласны ли мы с их методами работы, насколько вообще можно ради охраны природы нарушать закон, портить частную собственность, рисковать своей жизнью и здоровьем и т. п.

Вл. Борейко, Украина

* * *

Книги Дейва Формена, особенно “Исповедь эковойна” подтвердили мое убеждение – радикализм, в т. ч. экотаж, порча имущества, акции неповиновения оправданы и более того – необходимы.

Благоговение перед Законом – отнюдь не добродетель. Во-первых, его хранители нарушают его первыми, много и очень часто, а карают тех, кто нарушает понемногу и вынужденно. Во-вторых, законы часто несовершенны и даже преступны. Тот же Дейв Формен приводит в качестве примера аболиционистов – борцов за освобождение негров в рабовладельческих штатах Америки. По сути, они нарушали закон: помогая неграм бежать на Север, они содействовали краже имущества (посягали на главнейшую либеральную ценность!). Партизаны оккупированных территорий нарушают законы оккупантов – потому сначала их называют террористами, и только после победы – героями. Я убежден, радикализм необходим не только в защите природы, но и в остальной жизни. Если бы в 2000-м украинцы не боялись радикализма* (как не боялись его сербы, южнокорейцы и многие другие), возможно, сегодня бы мы не жили при кучмизме.

О. Супруненко, Украина

* * *

Призыв к уничтожению чего-либо есть уже проявление насилия, к чему бы этот призыв ни относился. Уничтожение машин, детская игрушка в убивалки очень нужна делателям машин. Владельцы получают страховку, а делатели сделают им новую машину еще лучше, и полиция – без дела не останется. Этот призыв в силу своего агрессивного идиотизма есть порождение системы машин и он **НУЖЕН** этой системе.

* В 2004 г. они его уже не испугались – *ред.*

Мы уже выбрали другой путь и мы уверены, что он **БЕЗ НАСИЛИЯ** приведет к нужной цели – гармонии человека и природы Земли.

А. Метелкин, Россия

* * *

Дело в том, что радикальные экологи ценность любого живого существа или экосистемы оценивают гораздо выше, чем любой артефакт, вещь, созданную человеком. Отсюда вывод: если при помощи машин уничтожается природа, то морально оправданным становится их разрушение.

Один из лидеров “Земля прежде всего” Хевью Волке сказал: “Слово о машинах – они не имеют чувств, крови и сердца. Они не могут наслаждаться ни благословенным сексом, ни осенним восходом солнца. Они не имеют никаких эмоций или врожденного добра или зла. Не стесняйтесь убивать их. Разрушение машин может нарушать права владельца, но если владелец планирует нарушать права потоков, камней, растений, животных, дикой природы в целом, то упреждающее нарушение является оправданным.

Экосистема дикой природы является более ценной, чем бульдозер”.

Иногда природоохранники в целях защиты природы вынуждены нарушать закон. Однако вопрос состоит в том – в каких именно случаях. Экологическое движение обязано разработать некие правила, когда является морально оправданным нарушать в целях природоохраны закон. Иначе начнется беспредел.

Конечно, было бы высокомерным полагать, что повиновение письменному закону является более важным, чем, скажем, спасение дикой природы. Тем не менее, каждый случай нарушения закона нужно рассматривать конкретно. Мы можем, по видимому, нарушать закон по велению совести, ради справедливости. Как говорил Генри Торо, если закон заставляет вас нарушать справедливость, нарушайте закон! По его мнению, закон природы нужно ставить выше любого писаного закона.

Известный австралийский экофилософ, один из лидеров Мирового движения за

освобождение животных Питер Сингер пишет: “Существуют обстоятельства, когда даже при демократии морально оправданным становится неподчинение закону и в Движении освобождения животных много хороших примеров таких обстоятельств. Если демократические процессы не функционируют успешно, если проведение опроса общественного мнения подтверждает, что огромное количество людей против многих видов экспериментов, а правительство все чаще не принимает никаких эффективных действий, чтобы остановить эти эксперименты, если общественность большей частью не знает, что происходит на фермах и в лабораториях, тогда нелегальные действия могут быть единственно правильным путем помощи животным и ознакомления людей с реальными фактами происходящего”.

Вл. Борейко, Украина

* * *

Насчет камней, в частности: я что-то не видел, чтобы камни наслаждались сексом, или имеют “какие либо эмоции или врожденное добро или зло”, или хотя бы “имеют чувства, кровь, сердце”. Да и разумом не обладают.

И все-таки, призывая к убийству машин, Хевью Волке тем самым невольно признает их живыми существами (убить можно только живое, неживое – разрушают). Так что здесь все признаки умышленного убийства, что противоречит и человеческим, и Блжым Законам.

Видимо, у этого радикала явное преобладание эмоций над разумом и искаженное понимание “врожденного добра и зла”. Впрочем, насчет разума он не упоминал – возможно, за отсутствием оного в природе? (Человек-камень).

В. Сергеев, Узбекистан

* * *

Уважаемый Владимир, спасибо за Ваши интересные суждения, признаться, они также беспокоят и меня. Но давайте разберемся по-порядку.

1. Волке нигде не пишет, что камни за-

нимаются сексом. Это Вы додумали.

2. Если камень убрать с дороги, то это не нарушает его право на существование.

3. Было бы легкомысленно приравнивать экотаж, то есть скрытое разрушение определенного оборудования и техники к разрушению всякого оборудования и техники. Ибо экотаж имеет четко сформулированные правила, когда он проводится:

а) когда экологически вредные действия можно сделать экономически невыгодными;

б) экотаж не причиняет страдания живому, в том числе инициаторам войны с природой, а только ломает оружие этой войны;

в) экотаж – это благородная и самоотверженная деятельность в защиту прав природы;

г) к экотажу как к крайней мере приходят, когда любые другие способы защиты природы уже не действуют.

4. Компьютеры, пусть даже самые умные, никогда не смогут сравняться по своей ценности с живыми существами или природными экосистемами. В одном из лучших американских фильмов – “Терминатор” – показано, как ради защиты всего живого на земле главные герои пошли на уничтожение очень умных компьютеров.

5. Кстати, один их пионеров охраны природы в России академик И.П. Бородин еще в 1913–1914гг., доказывая необходимость охраны памятников природы, аргументировал это тем, что памятники культуры (т. е. созданные человеком) еще можно восстановить, но вот памятники природы восстановить нет возможности. И поэтому охрана природы всегда будет актуальной охраной памятников культуры.

Вл. Борейко, Украина

* * *

Живое отличается от неживого трудно постигаемым признаком, который можно условно назвать “феномен одушевленности”. В этом отличие. (А про секс Волке погорячился, отдав дань всеобщему увлечению сексом в его цивилизованной среде. Очевидно, что секс не может быть крите-

рием, отделяющее живое от неживого. Многие живые существа – как отдельные индивиды, так и целые виды и таксоны более высокого порядка, сексом не занимаются и даже к нему не способны. Сюда относятся и очень многие люди: младенческого и старческого возраста, люди с синдромом Дауна, евнухи и т. д. И в нашей стране тоже до некоторого времени секса “не было”.)

Даже до масс-культуры дошло сознание опасности. “Прогресс не остановить”, – любят говорить его сторонники, тем самым признавая, что мы имеем дело со стихийным и неуправляемым процессом. Может, хватит бегать за ослиной морковкой прогресса и “процветания”, а задуматься, остановиться, а еще лучше – повернуть. Ведь впереди нас поджидают Франкенштейн, Терминатор и Матрица.

В. Агафонов, Россия

* * *

С “Эковоином” я познакомился еще лет десять назад. Весной этого года наши друзья-язычники по моему совету, взятому от “Эковоиона”, чтобы защитить от вырубки идола на капище, забили в деревянную статую гвозди. Помогло, осквернители пытались рубить и пилить, да не тут-то было, зубь пообломали!

Нашим соратникам-экологам в разных концах России, Украины и других постсоветских стран угрожают убийством, избивают, сажают в тюрьмы. Принятые законы не исполняются, даже прокуратура не может заставить их выполнять; российское и украинское государства ведут откровенно антиэкологическую политику, занимаются экоцидом по отношению к собственным народам. А лидеры многих зеленых организаций продолжают придерживаться стратегии, что большая политика и экономика – это не их дело, что их дело – исключительно локальная правозащитная борьба за права природы и людей, совершенствование экологического законодательства.

Вот здесь желательно различать три типа радикализма зеленых, экологических движений:

– радикализм правозащитный, требую-

щий действий исключительно на основе права даже в условиях антинародного режима;

– радикализм партизанский, предполагающий локальные партизанские атаки на противника – “окупанта”, когда государство и промышленники действуют против интересов и воли народа, не желая вступать в диалог и беспрепятственно нарушая собственные законы из алчности;

– радикализм политический, основанный: а) на выдвижении принципиально альтернативных, экологически обоснованных принципов хозяйствования, социального и политического мироустройства, назовем этот подтип “идеологический радикализм”, б) на революционных способах решения политических, экономических и экологических проблем, типа установления экологической диктатуры, насильственного захвата власти или, как вариант, “бархатной революции”, назовем этот подтип “радикализм действия”.

Д. Георгис, Россия

* * *

Некоторые часто путают радикализм с экстремизмом. Это не верно. Согласно Российскому энциклопедическому словарю (2000 г.), “радикал” – это сторонник коренных, решительных мер. От лат. radix – корень.

Поэтому под радикальной природоохраной можно понимать течение в экологическом движении, основанное на радикальной философии глубинной экологии, эковиоцентризма, социальной экологии, эковиоцентризма, освобождения животных, биорегионализма и этики дикой природы. Радикальная природоохрана охватывает как радикализм философии, так и радикализм действий (тактики, средств и способов). То есть экотаж, акции прямого действия и т. п.

Радикальные экологи полагают, что только фундаментальные перемены в плане человеческих ценностей, социальных, политических и экономических структур позволят добиться гармонии в отношениях человека с природой.

То, что сейчас происходит с экологическим движением в России, Украине и дру-

гих странах СНГ – можно охарактеризовать одним словом ЗАСТОЙ. Поэтому так важна роль экологических радикалов, которые создают продуктивное краевое течение, поскольку идеи, творческий потенциал и энергия имеют часто тенденцию возникать на краю и позже распространяться в центр. Эти группы провозглашают идеи, отвергаемые вначале большинством как абсурдные или смешные, но которые, в конце концов, становятся достоянием традиционных умеренных организаций и, со временем, принимаются большинством.

Однако я категорически не согласен с Д. Георгисом, когда среди задач радикального экологического движения он выдвигает только вопросы улучшения жизни людей. Это самый настоящий голый антропоцентризм. А как быть с теми, кто не может выступать в свою защиту – белками, кедрами, китами, бабочками, орлами! Экологи должны прежде всего защищать их права и свободы. В этом то и состоит один из принципов радикальных экологов.

Нельзя с ним не согласиться в том, что любой экотаж не должен превращаться в беспредел. Экологи должны идти на порчу оборудования только тогда, когда все другие способы защиты природы уже исчерпаны. Кстати, очень интересен вопрос о насилии. Что такое насилие? Можно ли считать насилием порчу оборудования, техники, направленной на уничтожение дикой природы? Является ли насилием коррида, собачьи бои, другие кровавые развлекательные мероприятия? А любительская охота, когда вооруженные дробовиками дебилы ради потехи убивают беззащитных животных. Можно ли назвать это насилием? Если коррида – насилие, то почему же она разрешена?

Некоторые зеленые считают, что насилие – это когда наносится вред любым живым существам или диким экосистемам. Порча техники насилием не является. Однако официальная антропоцентрическая точка зрения вычеркивает из понятия “насилие” все живые существа, кроме человека. И поэтому даже некоторые известные

природоохранники, как мой старый приятель, очень уважаемый мной А. Затока, считают любительскую охоту не насилием, а вполне нормальным действием (как он сам писал недавно в этой рассылке). А вот в Российском офисе ВВФ существует целый охотколлектив. Эти ребята – “природоохранники”: с 9 утра до 18 вечера охраняют диких животных, а с 18 вечера до 9 утра их отстреливают. Как тот поп из анекдота, что на службе служит Богу, а в свободное время – дьяволу.

Вл. Борейко, Украина

* * *

Экотаж можно применять всегда (точно так же как и не применять). Нет и не будет конкретных инструкций как и когда он применим. Всегда нужна думать о всех возможных последствиях применения подобных вещей. Естественно если у вас идет открытая кампания и вы параллельно применяете методы экотажа, ждите обоснованных наездов соответствующих силовых структур.

Например, если идет кампания по отвоевыванию у застройщиков куска городского парка. С одной стороны, можно проводить массовые мероприятия (пикеты, митинги, демонстрации), а с другой – шиповать деревья и ломать технику (экономически давить на противника). Даже если эти разные мероприятия делают одни и те же люди, об этом нельзя говорить. Открытые вещи всегда будет делать открытое движение (НПО или что там еще) например “Ласточка”, а кто делает закрытые, либо неизвестно, либо мифическая “банда” (ну пусть, будет “Тарзаны”). От имени второй, в подобном случае, будет происходить все, что попадает под уголовку, от имени первой максимум под административку.

Но это не шаблон и всегда все бывает по-разному. Экотаж может, например, только навредить, разозлив оппонентов, а может наоборот, поставить их на грань разорения.

А. Доровских, Россия

ЧТО ТАКОЕ БИОПОЛИТИКА

А.В. Олескин

Московский университет

Предметом нашего семинара, как показывает само название, является биополитика. Биополитика представляет собой своего рода “кентавра” с биологическим туловищем и политической головой. В широкой интерпретации она может быть определена как совокупность всех приложений биологии к политической сфере. Биополитика отсчитывает свою историю со статьи американского политолога Линтона Колдвелла “Биополитика: наука, этика и социальная политика”, увидевшей свет в 1964 г. [1]. В 1968 году А. Сомит опубликовал влиятельную статью под названием “Прогресс в направлении более биологически ориентированной политической науки” в *Midwest Political Science Review* [2]. Через два года Томас Торсон дал название “Биополитика” [3] книге, в которой он утверждал, что эволюционная биология должна послужить основой для политической теории.

В разных биополитических школах и в разные периоды ее исторического развития предмет биополитики получал разные конкретные определения. Так, немецкий биополитик Хайнер Флор, опираясь на работы американских политологов 60-х – начала 80-х годов прошлого века, определял ее как “приложение подходов, теорий и методов биологических наук в политологии” [4]; греческая биополитесса Агни Влавианос-Арванитис [5, 6] – в основном как политику, направленную на сохранение биоса (планетарного многообразия живого). Разные определения биополитики в конечном счете связаны с вопросом о месте человека в планетарном многообразии жизни, о связи, родстве, сходстве, взаимозависимости между человечеством и всем биосом.

Первая крупная биополитическая школа, включавшая несколько центров, сложилась в США. В ее состав вошел целый ряд выдающихся ученых: Л. Колдуэлл, А. Сомит, Т. Виджел, С. Петерсон, Р. Мастерс, П. Корнинг, В. Эндерсон и многие другие. Важная биополитическая школа сформировалась в Германии (Х. Флор, В. Теннесманн, П. Майер и др.). Процветающий биополитический центр, посвятивший себя также проблемам биоэтики, окружающей среды и биокультуры, функционирует в Греции с 1985 г. под руководством Агни Влавианос-Арванитис (Биополитическая Интернациональная Организация и созданный под ее эгидой Интернациональный Университет по Био-окружению, *Internacional University for Bio-Environment*). С 1987 г. биополитику популяризировал в своих работах русский философ (а ныне профессиональный менеджер) А.Т. Зуб, защитивший по этой теме докторскую диссертацию (1995 г.). С 1986 г. по существу близкие биополитики идеи развиваются деканом биологического факультета МГУ проф. М. В. Гусевым, в том числе и в рамках международной Комиссии по Биологическому Образованию, членом которой он является. С 1988 г. на биологическом факультете регулярно проводится представляемый в этой брошюре семинар “Биополитика”, а с 1998 г. семестровый курс лекций на эту тему включен в учебные программы для студентов – биологов и некоторых гуманитариев. С 1995 г. на биологическом факультете существует специальное подразделение – сектор биосоциальных проблем, работающий в контакте с творческой лабораторией “Труднее” при Московской городской думе и с московской мэрией.

В рамках широкой интерпретации содержания биополитики можно говорить о следующих основных направлениях исследований:

Опубликовано: Биополитика. Открытый междисциплинарный семинар. Тезисы. М.: МГУ, 2003. стр. 1-5.

1. Природа человека: философский фундамент биополитики. Мыслители разных эпох задавались вопросом – каков человек по своей природе? Добр он или зол? Консервативен ли он или пластичен по своей природе? Рождается ли он с определенными моральными стандартами, представлениями о мире, врожденными знаниями языка или человек в момент рождения представляет собой *tabula rasa*, “глиняную табличку”, поверх которой может быть нанесен любой текст? Современная биология способствует пониманию человека как части единого планетарного биоразнообразия, продукта биологической эволюции. Даже неоспоримые уникальные характеристики человека в рамках такого подхода предстают как тем не менее продукты эволюционного развития (“уникальные адаптации”). Такая трактовка природы человека соответствует философии натурализма (от лат. *natura* – природа). На позициях натурализма, кроме самой биополитики, стоят и другие области гуманитарной биологии, в частности, к ней тяготеют многие направления современной биоэтики.

2. Эволюционно-биологическое происхождение человеческого социума и его политических систем. Данная конкретизация натурализма в биополитике восходит к знаменитой дарвиновской книге “Происхождение человека” (хотя биополитики не согласны со многими положениями этой книги). Это направление биополитических исследований тесно смыкается с антропологией (особенно политической антропологией), социологией малых групп, социальной психологией, теорией менеджмента и призвано ответить на следующие вопросы:

Как возникли в ходе биологической эволюции человекообразных обезьян, гоминид и далее первобытных людей политические системы (вначале орды и племена, далее государства)? Что может эволюционно-биологическое прошлое политики рассказать нам о ее настоящем и будущем (память генов и др.)? Какие конкретные организационные разработки – социальные технологии – например, проекты творческих кол-

лективов, возможны на биополитической базе (можно ли, скажем, творчески воспроектировать в нынешних условиях оргструктуру первобытной группы охотников-собираателей или сообщества шимпанзе)?

3. Этологический подход к социальному поведению и политической деятельности человека. Этология в целом определяется как одно из направлений биологии, посвященное изучению поведения животных. В приложении к человеку речь идет о вопросе – в каких отношениях индивидуальное и коллективное поведение людей уподобляется поведению животных. В этой связи упомянем, что Оскар Хайнрот, известный немецкий этолог начала XX века и учитель знаменитого Конрада Лоренца, говорил, что “животные – это крайне эмоциональные люди, обладающие очень небольшим интеллектом” (цит. по: [7. С. 86]). Биополитики весьма интенсивно исследуют это направление, ища корни человеческой агрессивности, национализма, расизма, вообще разделения “своих” и “чужих” не только в социокультурных факторах, но и в древних поведенческих тенденциях человека, унаследованных им у животных. Так Сомит и Петерсон в книге “Дарвинизм, доминирование и демократия” [8] утверждают, что природа снабдила человека (и других социальных животных) врожденным предрасположением к формированию иерархических структур, основанных на жестком доминировании со стороны всевластных вожаков. С этих позиций демократия выступает как искусственный конструкт разума, и этим указанные биополитики пытаются объяснить хрупкость демократии и относительную редкость демократических режимов даже в наш “просвещенный” век.

4. Физиологические факторы: влияние на человеческое социальное (политическое) поведение. Человек тщится представить себя неким абстрактным разумом, “бестелесным оком”, принимающим решения (в том числе политические) на рациональной основе. Однако фактически каждый из нас знает, что наш разум неразрывно связан с нашим телом. Субстратом мышления слу-

жит мозг – часть тела, подвластного законам физиологии. Именно нейрофизиологи вступают ныне в тандем со многими видными биополитиками (например, в США нейрофизиолог Майкл Газзанига тесно взаимодействуют с Роджером Мастерсом), числу соматических (“телесных”, физиологических) факторов, влияющих на политическое поведение, особенно на деятельность политической элиты, относятся стресс, усталость, болезни (в том числе психические расстройства), гормональный дисбаланс в организме, употребление лекарств, наркотиков и алкоголя. Р. Мастерс [9] показал взаимосвязь между загрязнением среды тяжелыми металлами (свинец, марганец, кадмий) и количеством импульсивных преступлений (акты насилия над личностью, поджоги, убийства под влиянием неконтролируемого приступа агрессивного поведения в разных штатах США).

5. Вклад биологии в решение конкретных политических проблем. В английском языке это направление обозначается термином *biopolitics*, в то время перечисленные выше направления соответствуют термину *biopolitics*. Именно практически-ориентированные аспекты биополитики рассматриваются как наиболее значимые Биополитической Интернациональной Организацией и некоторыми другими биополитическими центрами, и это не удивительно, так как соответствующие биологические разработки не могут оставить равнодушными ныне и тех людей, которые никогда не слышали о биополитике или не желают ею интересоваться. С самого начала американские биополитики уделяли много внимания “разрушительной силе ядерного оружия” и проблемам утилизации радиоактивных отходов. Говоря в предшествующем пункте о влиянии металлов на мозг и уровень преступности, мы фактически коснулись такой важнейшей грани *biopolitics* как ее экологическая составляющая. В свете нарастающего загрязнения окружающей среды, уничтожения биоразнообразия Властианос-Арванитис считает политику, направленную на сохранение планетарного биоразнообразия

(биоса в ее словоупотреблении, от греч *bios* – жизнь) основным направлением деятельности руководимой ею Биополитической интернациональной организации.

Здоровье людей напрямую зависит от того, в какой мере мы наладим взаимоотношения со всем биосом, в том числе и с нашей внутренней экосистемой – симбиотической микробиотой, которая в норме снабжает нас витаминами, летучими жирными кислотами, нейромедиаторами. Эта биополитическая задача служит основным направлением деятельности Мечниковского общества в России. Сам И.И. Мечников возлагал большие надежды на молочнокислые бактерии в своем проекте по продлению человеческой жизни.

Многие страницы биополитических публикаций посвящаются новейшим генетическим разработкам (трансгенным растениям и животным, клонированию, генетической терапии) и био-медицинской проблематике (пересадка органов, суррогатное материнство, помощь при самоубийстве и др.). Мастерс и работающие с ним в тандеме юристы (особенно Маргарет Грутер) особо интересуются применением биополитики в криминалистике и юриспруденции.

В приложении к России немаловажным аспектом являются социальные технологии на биополитической основе. Эти технологии опираются на наши знания об эволюционно-древних тенденциях поведения человека, которые учитывают многие эволюционно-консервативные черты человеческого поведения и в этой мере представляют биополитический интерес. Пример подобной технологии – сетевые структуры в социуме. По контрасту с бюрократией, сетевые структуры отличаются 1) смяченной и расщепленной должностной иерархией (принцип многоначалия: столько начальников, сколько конкретных направлений или аспектов); 2) широкой взаимоперекрывающейся специализацией всех членов сети; 3) мерами по стимуляции неформальных, личностных взаимоотношений между этими членами.

Тем самым делается шаг в сторону пер-

вобытного уклада жизни (сохраненного в наших генах) и даже в направлении уподобления групп людей рыхлым и частично эгалитарным сообществам человекообразных обезьян [10]. Одним из примеров сетевых социально-технологических проектов является хирама [11]. Это творческий коллектив, объединенный предельно широко сформулированной проблемой. Пример подобной постановки проблемы:

“Охрана редкого, исчезающего вида – амурского тигра”. Эта междисциплинарная проблема может быть подразделена на следующие субпроблемы:

- пресечение браконьерства;
- организация участков прикорма тигров;
- исследование динамики их популяции (прирост или убыль?);
- просвещение местного населения с составлением учебных программ по теме “амурский тигр”

Однако членение проблемы на субпроблемы не означает деление коллектива участников на части. Они параллельно работают по нескольким субпроблемам сразу. За каждой из субпроблем закреплен только соответствующий частичный творческий лидер, коллекционирующий идеи всех участников по соответствующей теме. Имеется также психологический лидер, призван-

ный налаживать отношения в коллективе, смягчать конфликты, способствовать успешной работе по всем подпроблемам. Структура может включать также лидера по внешним связям (внешнего лидера), координирующего контакты с другими организациями.

Наконец, весьма важный комплекс задач вытекает из необходимости налаживания – в глобальном масштабе – системы эффективного биологического образования, направленного на преодоление распространенной на Земле “бионеграмотности”.

ЛИТЕРАТУРА

1. Caldwell L.K. Biopolitics: science, ethics and public policy // Yale Rev. 1964. V. 54. N. 1. P 1-16.
2. Somit A. Toward a more biologically oriented political science//Midwest J. Polit. Sci. 1968. V. 12. P. 550-567.
3. Thorson T. Biopolitics. N. Y.: Holt Rinehart and Winston, 1970.
4. Flohr H. Unsere biokulturelle Natur: für die Beachtung der Biologie bei der Erklärung menschlichen Sozialverhaltens//Menschliches Handeln und Sozialstrukturen/ Hrsg. A. Elting. Opladen: Lesko und Budrich. 1986. S. 43-65.

Примечание: информацию по биополитике можно найти на сайте:

<http://i.cellimm.bio.msu.ru> – кликнете “Научные группы”, далее “Сектор биосоциальных проблем”, далее – любой пункт.

КАК СВЯТОЙ СТЕФАН ПОРУБИЛ “ПРОКУДЛИВУЮ БЕРЕЗУ” И КАК НАЧАЛОСЬ НА РУСИ ПЬЯНСТВО

В.В. Розанов

Лет восемь назад сижу я в гостях и от нечего делать перебираю книги на столе. Попалась следующая: “Святой Стефан Пермский. Издание т-ва П.Д. Сытина, под редакцией П.Ф. Берга. Москва 1900 г.” Книжка сопровождается богатыми картин-

ками, в золоте и красках. Стиль рисунков, этот великолепный византийский стиль, на котором запечатлелось столько духа, в котором отпечаталась целая цивилизация, не оставляет сомнений, что они все взяты откуда-нибудь из древнего христианского списка, что это суть миниатюры, украшавшие другой текст, славянский, древний. Все это делает честь вкусу составителя книжки. На рисунках передана жизнь и деяния

Опубликовано: Розанов В.В. Во дворе язычников. М.: Республика, 1999. стр. 366-382. Сокращ. вариант.

св. Стефана: вот – он учится читать и писать, вот идет построение храмов в стране зырян, дотоле языческой, вот совершается народное крещение зырян, вот – ярость зырян против святителя, вот святитель влечет волхва зырянского, Пама, в огонь зажженного костра, – особенное испытание “истины вер” в древности, вот он является в Москву и просит у великого князя и митрополита назначить для Пермской земли епископа, вот он посвящается сам в епископа, вот он блаженно кончается. И, наконец, последнюю картинкою является изображение храма Спаса на Бору, что стоит в Московском Кремле, среди дворцов и соборов, – маленький, древнейший во всей Москве. В храме этом почивают мощи св. Стефана.

Все как следует, как мы привыкли, как мы любим. Любил долго и я. Где же и греться, как не в родной истории. Ведь все другие солнца – нам чужие солнца: и светят, да не греют. Пока длинный ряд соображений, длинные и горькие наблюдения в родной земле не сошлись в уме моем в какой-то тупик недоумений, вот как есть непроходимые тупики среди московских улиц, из которых никуда выехать нельзя, кроме как двинувшись назад, обратно. Приведу по крайней мере некоторые из этих недоумений. Отчего это нигде по деревням русским, по селам русским не видно деревьев? Ни садов при домах, ни деревца перед окном. “Дерево” у нас – хозяйственная вещь, экономическая статья, которую поворачивают так и эдак, как всякий “движимый доход” или “расходуемый расход”. В дереве нет самостоятельности, нет у него своей цены, независимой от нужды человека, нет на него любования, глубокого взгляда. Оговорюсь, что всего этого попадают кое-где следы, но попадают в таком виде и в такой разрозненности, что явно – это неистребленные остатки чего-то очень древнего. Попадают они в песне. Попадают в сказке, т. е. в очень древнем по происхождению слове. “Цветник” – опять совершенно неизвестная вещь в народе: это – “барская затея”, роскошь, праздность, что-то не-

нужное и неинтересное. В цветнике тоже нет самостоятельности, своего, “души”. Теперь с этим общим наблюдением, верность коего можно опровергать только частными и ничего не значащими исключениями, у меня связывается одно воспоминание детства. В детстве мне часто приходилось присутствовать при еде мужиков, костромских плотников. Помню, как деревянной лопаткой мешали они кашу (помаслив) в громадной общей чаше, помню, как едя щи, долго не брал никто первого куса говядины и потом, взяв этот первый кусок, быстро вылавливали остальное, но с такой скоростью “второго”, “третья” и проч. куса, что явно ни одному не перепало лишнего куса, т. е. ни один не был лишаем своего куса. И теперь вкусно об этой еде вспомнить: до того они ели с аппетитом. Перед обедом неизменно ополаскивали руки “Святыня”. Все это было очень хорошо и было приятно смотреть. Но у меня через сорок лет сохранился в памяти случай, почти испуг, от следующего. Раз в кухню, где ели плотники, в отворенную вошедшим дверь вбежала незаметно собака и сейчас – под стол, а уж из-под стола, известно, высунулась морда, ожидая “кое-чего”. Была это наша дворовая собака, должно быть Шарик, сторожившая нас всех (впрочем, сторожить было нечего) и ничего никому не стоящая. Ела, что выбрасывали, а не выбросят, то и поглотит. И вот, невозможно передать той грозы и злобы, с которой мужики поднялись на собаку, и я хорошо помню слова: “тут люди трапезают, а он, поганый пес” и проч. Чем разговаривать, отворить бы дверь и выпустить собаку, очень испугавшуюся: нет, ее хотелось ударить и, чтобы побольнее было, старались, хоть и не попадали, пнуть сапогом под бок или в морду. Она оскорбила всех: “тут святая трапеза, люди вкушают, а он, поганый пес, вошел сюда”. Между тем эти бедные мужики, так ловившие куски говядины, если чем и святились, даже перед образованными людьми светились, то тем, что все-то, все-то они были “Лазари”, в труде, в скорби, в нужде и полуголоде. Ну, а Лазаря и представить себе нельзя

без того, чтобы пес облизывал ему раны. В вековой красоте Евангелия это так и сопоставлено, так и сближено. Краска к краске, неприютность к неприютности, унижение к унижению. Но тут “Лазарь” встал – и сапогом в морду псу, да чтобы больнее было. Отвратительно, – нет Евангелия, ничего нет. Есть голод и работа, есть брюхо и еда, и это до того страшно и так уныло, так не обещает из себя ничего, что возможен выкрик, несправедливый, скверный, но он возможен: “Э, да провалитесь вы, все и всякие, к черту. Ну и голод, ну и умрешь: ведь издыхают же псы. И все издыхают, и ты его не пожалел, то почему будут жалеть тебя богатые, которым ты представляешься тем, чем тебе представляется пес”.

Если в гармонию картины не внести и “пса”, то вся картина рассыпается, остается без идеала и без возможности к лучшему. Получается тот последний пессимизм, при котором вообще ничего не хочется и ничего не нужно. Хулиганство, гадость и гибель.

Но вот “пса” то и не введено в русскую бедность. Русская бедность есть “голытьба” – характерное словцо. Давно и всеми замечено, до чего русский мужик жесток ко всему, что стоит еще ниже его, под ним: к своему соседу-голяку, если мужик зажиточен, ко всей деревне, если он умный, “мудрый” кулак (ведь кулаки – мудрецы в практике); и, в особенности, до чего мужик жесток и беспощаден в обращении со всею “тварью”, с которой он может распорядиться, начиная с жены и детей, но в особенности и применительно к животным. Опять оговорюсь о “святых исключениях”, но опять с горем констатирую, что не святые исключения составляют колер жизни, уклад ее, тех “трех китов”, на которых жизнь держится и которую суть вообще “твердая земля”. Святые исключения не только ничего не говорят и ни в чем не обнадеживают, но они мучительнее подчеркивают то общее горе, в котором мы живем и против которого не “святой истерике” бороться. Нет, тут нужно другое, “общий поворот всего”... Сто “святых”, хоть обсадись они “цве-

точками” и хоть ласкай всех животных, по подобию Франсиска Ассизского, годны только в оперу, а то и в оперетку.

Впервые русские поэты и прозаики, т. е. люди искусственного, ненародного образования, люди богатого личного, “своего” развития, – начали воспевать около человека и животного, стали, рисуя человека, помещать около него и животное. Лучшая в этом отношении вещь – “Кузнечик-музыкант” Полонского, его же (уже старческая) поэма “Собаки” – очень слаба. С чувством жалости говорит о животном Некрасов, например в известном стихотворении, где он передает, в 2–3 строках, о лошади, которую мужик сечет сперва “вообще”, когда она не может свезти перегруженный воз, а потом начинает хлестать ее “по глазам”. Это описанное у Некрасова истязание лошади Достоевский поместил в “Преступлении и наказании”, в вещем сне Раскольников. Раскольников, уже решивший весь план убийства процентщицы и вместе с тем угнетенный овладевшей им идеей, увидев этот сон, посвежел, повеселел в настроении духа: сон, увиденное во сне истязание лошади, которое ему показалось так ужасно, бесчеловечно, дико, страшно создал в нем крепкое намерение “неубивать”. Действительно, “не убий” сказано не об одном человеке, это – космическая заповедь. И собственно человека, никакого человека, нельзя убить потому что уже страшно убить и животное; а если “нисколько не страшно” убить животное, то тот, кому это не страшно, может раньше или позже, так или иначе, прийти к мысли или вообще почувствовать возможность убить и человека; ну, – человека-“вошь”, как называет Раскольников процентщицу. Во сне Раскольников получил предостережение. Но не послушал его и погиб. Из других наших художников-поэтов на животных останавливается Тургенев (его “Муму”) и особенно Толстой. Его “Холстомер” (имя лошади, давшее название рассказу), лягавая собака Левина и Фру-Фру Вронского – это уже гениальное проникание в душу животного. Затем, чтобы перейти к своей теме, я припомню его рас-

сказ “Три смерти”. В нем описаны, сближены и противопоставлены три умирания капризной и злой барыни, которая все барахтается, умирая, – точно ее топят; крестьянина, который умирает совершенно спокойно, и ... кончив читать рассказ, вы ищите, где же третья смерть? И, взглянув на конец рассказа, видите: когда умер мужик, то другой мужик, взяв топор, пошел вырубать ему крест. Дерево качнулось, застонало и упало. Тонем немногих строк, простых, без сантиментальности, Толстой дал почувствовать, что мужик зарубил дерево, зарубил что-то живое в нем, а не просто экономически срубил березу. И дерево “умирает”, сказал Толстой. Иначе, чем мы, однако же умирает, а следовательно, и живет в отдаленном подобии, как мы. По-маленькому, по-своему, и дерево – человек.

III

В рисунке “Св. Стефан порубил прокудливую березу” – она вся, эта Византия, стоит перед нами, как живая. Как “живая”. Нужно читать – как “подлинная”, ибо о “жизни” тут не может быть и речи. Напротив, подлинность и выдержанность в передаче византийского мастера и заключается в том, что все здесь, все фигуры, люди, действия их уже суть “во умерщвлении”, умерли, суть схемы, манекены. Вот горка, желтообразного цвета, позади людей. Камни это или не камни – и не разберешь. “Человек не взирает на природу”, – и иконописец, зная, что молящиеся “не взирают на природу”, изобразил явно горы – как ряд желтоватых, совершенно бессмысленных овалов, без единой подробности и без всякого сходства с чем-нибудь действительным. Между тем горы ведь нарисовать так легко, – но они так же убраны, как и небо, позолотою и заменены вот этими овалами. Под ногами “травие” – схема травы; даже цвет ее не зеленый, а какой-то коричневый, хотя в листьях “прокудливой березы” дана зеленая краска и, следовательно, она была в обладании живописца. Но живописец иконописец не заметил, что трава бывает зеленая. “Не надо” или “все равно”. Это

ведь не ладан, которого выбирается всегда хороший сорт (“росной ладан”).

И вот, наконец, люди! Отрок со сложными ручками благочестиво глядит вперед, он – умилен: как бы смотрит на какое священнодействие. Позади его четыре фигуры. Три – “так себе”, схемки, схемки изнеможения и старости; однако у всех в очертаниях рта какая-то брезгливость или недоумение. “Какая гадость завелась на свете”. Гадость это то, что порубает св. Стефан. Но сперва о четвертой фигуре, которая из собирательного “народа” одна вычерчена ясно. Расставив ручки, склонив голову, выражает одновременно и одобрение подвигу св. Стефана и недоумение о том, как же люди осмелились в самом деле завести такую гадость и нечисль, как эти “прокудливые березы”. “Брады” пущено больше, чем на остальных фигурах и вообще старости и дряхлости больше. Одежда у всех, кроме отрока длинная, важная, и вообще это перед нами как бы *senatores regni caelestia*...

И вот, наконец, св. Стефан. По житию судя, в пору срубания прокудливой березы он был еще в цвете сил. Но история, точная биография, сырые факты ее так же не нужны здесь, как и природа, горы, трава. Не трава, а “травие”. “Травие”, заменившее траву, наполняет и житие святого, откуда убрано все несхематическое, все сырое, действительное; и, наконец, общая тенденция к “травию” перенесена и на рисунок. Не настоящий Стефан, срубивший в цвете лет языческое дерево, стоит перед ними, а уже совершенно изнеможенный, предгорбный старец, с белым, бескровным лицом. Последнее выражено через то, что хотя брада сделана и длиннее, чем на остальных всех фигурах, но штрихов на нее положено гораздо меньше, она чуть-чуть очерчена с каемочки, с боков и снизу, и белая бумага с этими чуть-чуть черточками дает впечатление “побледневшего, как бумага”, бескровного, почти мертвого лица. Одевание – монашеское: этот черный почти чепчик (куколь, что ли), узко охвативший голову и гладко положенный далее на пле-

чи, дает лику вид последней кротости и незлобия. “Сим победиши мир”... В фигуре нет гнева (к прокудливой березе), только недоумение: “Как сие могло стать?” То же недоумение выражено в левой, полуприподнятой руке с отставленным большим пальцем: не то благославляет она, не то дивится. Привыкла благословлять, а на сей раз удивляется! В правой руке... но это уже не рука, а десница. Кулачок маленький и елееле держит топорик. И топорик наподобие секир московских, но маленький, “кроткий”, – скорей приложен к дереву, чем рубит его. Таким кротким топориком, в таком благословляющем жесте, нельзя не то что срубить матерую березу, но и нащепать лучины. И вот, наконец, она, злодейка, – “прокудливая береза”: на ее сучьях и ветвях накинут, кажется, мех! (убитого зверя) и красная тряпка (лента, полотнище матери?). Она обряжена бедная зырянами, подобно как наш мужичок в светлую, благоую, позволю сказать себе, – в святую минуту обряжает коня, рабочего друга своего, завивая в гриву его ленты и обвивая вокруг дуги тряпку. “Сам наряжен, и коню наряд”. И хорошо, нечего смеяться. Но тут я взглянул на пояснительный текст.

“...Иоанн Васильевич III, собиратель Русской земли, для окончательного покорения зырян послал 12-тысячный отряд; зыряне были побеждены и поднесли воеводе шестнадцать сороков соболей, тридцать поставов сукна, три панциря, шишак и две сабли булатные...”

Все наше, родное из Иловайского. Или гораздо лучше – эта Русь, забредшая к зырянам, на Урал, – напоминает нам сцену из странствий Руслана и Фарлафа в воображении ли Пушкина или Глинки. Эти “сорок сороков соболей” даже звучат хорошо; а уж поносить на плечах такую красоту...

Но будем продолжать.

“Зыряне были язычники, они поклонялись идолам, многим величественным неодошевленным предметам и таинственным явлениям: солнцу, луне, звездам, грому, молнии, лесу...”

Легко написать и напечатать: “поклонялись луне и лесу...” А вообразить? Невоз-

можно для нас! До того уже давно все умерло! Ну, однако же, ну – что-нибудь представить? “Поклонялись” луне и лесу – что же и может обозначать другое, как что и “луна” и “лес” им представлялись живыми и одушевленными, но зачарованными и зачаровывающими? Это не “лес”, как его почувствовал бы Островский или Репин, а лес Жуковского или Нестерова; и луна эта – не та, на которую смотрит в трубу проф. Глазенап, а та, о которой Брюгер и Жуковский оба говорят:

Светит месяц, дол сребрится...

Мертвый с девицею мчится.

Который месяц лучше и, наконец, который истиннее – Глазенапа или Жуковского? Оба хороши, и даже оба – истинны! В другом месте той же “Людмилы” поэт говорит:

Вот усыпала звездами

Ночь спокойный свод небес;

Мрачен дол и мрачен лес.

Вот и месяц величавый

Встал над тихою дубравой...

Если и “лес” – только ботаника или сюжет лесного департамента, то позвольте спросить, отчего мне, отчего всякому, отчего при Рюрике и в сем 1908 году он кажется “мрачным”, т. е. дающим какое-то психическое впечатление, приблизительно такое же, какое от него испытывал Жуковский? Лес – конечно, ботаника, и луна – предмет астрономии. Но это – одна половина явления, и поэзия открывает нам другую и точь-в-точь столь же истинную половину их, что они “чаруют” и “зачаровывают”, что в них есть начало сказок, страхов, видений, привидений, чего угодно, и истинного, и неистинного, полуистинного, ну вот именно “сказочного”, но с оттенком правдоподобия. Не как на сказку смотрим мы, в нее не верующие, а как на сказку смотрели бы бабушки, в нее веровавшие.

Чу, в лесу потрясся лист!

Чу, в глуши раздался свист!

Черный ворон встрепенулся;

Вздрыгнул конь и отшатнулся;

Вспыхнул в поле огонек...

Этого кто же не видал, на это кто же не озирался, кто не знает этих звуковых и те-

невых совпадений, которые, бывало, как увидишь, услышишь мальчиком, – так страх и забирается за рубашонку, ноги слабеют, до дому добежать далеко, закричать – кому же?.. Да ведь и теперь, взрослым и ученым, кое что такое же переживаешь и впечатление, во всяком случае, есть у всякого, впечатление, протягивающееся не к наблюдениям проф. Глазенапа, а протягивающееся и почти дотягивающееся до переживаний Жуковского и Лермонтова –

...Бегущая комета
Улыбкой ласковой привета
Любила поменаться с ним...

Или:

Ночевала тучка золотая
На груди утеса великана.

Это – “олицетворения” природы... Опять в учебничке легко сказать – “олицетворение”, а ведь, по существу-то, действительно во всей природе рассеяны эти “лица” вещей, ведь каждый предмет имеет в себе свое “лицо”, и свою заднюю сторону или боковые стороны... И, например, сила человека; сила мыслителя, сила поэта, да даже и практического дельца заключается в том, чтобы уметь брать предметы и уметь относиться к явлениям “с лица их”... Я бессилён выразить мысль свою, но может быть, мне поможет сближение с известной, с понятной и признанной поговоркой: “взять быка за рога”, – что относится отнюдь не к “рогатым” предметам. В человеке, его фигуре, его душе дан “последний чекан”, но уже и до человека все вещи “чекан” природе; но уже и до человека все вещи тоже “чеканились”, – и во всех их, много ли, мало ли, проступала эта будущая окончательная форма, т. е. все стремилось к человеку, все очеловечивалось заранее...

Древний так называемый язычник, вот, например, эти зыряне, и прозирали “лицо” в окружающих предметах и явлениях, видели “лицо” солнца, “лицо” луны, “лик” звездного неба, “душу” грома, “душу” молнии, “душу” леса: они имели, так сказать, метерлинковский взгляд на вещи, а не взгляд писаревско-добролюбовский. И они не фантазировали, а просто душа их, еще

не износившаяся в истории, представляла, так сказать, более восприимчивую, тоньше восприимчивую фотографическую пластинку для отражения природы, нежели, например, наша душа, душа современного человека, какая-то резиновая, мертвая и загрязненная, которая “чувствует” только тогда, когда на ней обухом стучат. Было утро человечества, – и был утренний взгляд на все, этот свежий, этот чистый, этот благородный и необыкновенно здоровый взгляд... Читатель уже догадывается, на что св. Стефан поднял топор.

IV

Продолжим рассказ о зырянах и их старом язычестве.

“Главным богом признавался идол Иомал, – он был украшен золотым венцом с 12 дорогими камнями, с дорогим ожерельем, стоившим несколько сот тысяч рублей, и богатейшею разноцветною одеждою и самыми дорогими мехами”.

“Венец” – это всегда повторение солнечного диска с лучами... И может быть, “12 камней” на нем, не меньше и не больше, выражали 12 месяцев года, 12 маленьких “личиков” его: ибо и мы даже говорим, что март и декабрь имеют совершенно разную “физиономию”... Эти венчики из лучей, ничего уже более не выражая, – перешли и на наши образа. Но происхождение их – солнечное, языческое.

“Кроме Иомала большим почетом пользовалась целая семья богов – идолы: Златая Баба с сыном и внуком, и ее муж Войпель. Златая Баба была сделана из камня и покрыта золотом: она изображала собою старуху, на руках держала младенца, – это был ее сын; другой младенец стоял возле нее, этот считался ее внуком”.

От солнца – все растет, и оно святее всего; “святее” не в нашем смысле, вот чего-то старенького и ветхонького, а потому и “святого” (все безусловно лики на наших иконах), а “святее” в смысле более верховного могущества, – могущества более изначального и независимого. Вы видите – совсем другая категория святости: это не

“святость” мошей, которые лежат, а “святость” солнца, которое движется и от которого все тоже движется, растет, расцветает, приносит плоды. Но во главе всех растущих вещей стоит рост самого человека: и вот – бабушка, вот внук, вот сын ее, вот муж – целая генерация. Это – поклонение генерационному, родовому началу мира, той тайне всего живого и высшего, по которой в нем ничего не появляется вновь и самостоятельно, ничто не существует одиночно и независимо, а все связано со всем, все растет из всего, и целый мир является как бы мировым деревом, где есть смерть частей и нет и никогда не будет смерти целого. Я говорю, что “мир является”, а не что мы “представляем мир себе...”. Зыряне поклонялись не “представлениям” своим, не фантазиям, а действительно и справедливо проникнутому ими существу мира...

“В честь Златой Бабы устраивались богатые капища; ей приносились в жертву лучшие олени и другие дорогие звери; шкуры навешивались на идола и затем поступали в пользу идолослужителей; мясо тут же жарилось на костре и съедалось приносителями. Войпель, супруг Златой Бабы, держал на коленях большую золотую чашу, сюда клалось золото и серебро, приносимое в жертву богу-идолу и поступавшее в пользу старцев-наставников”.

Ну, это суеверие, нарост на истине, каких и у нас около православия по уздам много. “Суеверие” всегда надо отколупнуть и посмотреть, что за ним лежит: если – здоровое мясо, свежая истина, то его надо “постричь” и “пообчистить”, как мы остригаем ногти на пальцах, а не “вырывать с мясом”, что и вредно, и больно, и, наконец, – просто ложно. “Суеверия” – кора на Древе жизни, мохнатая, корявая, но красивая и без которой дерево не живет, умирает.

“Кроме этих идолов с особым благоговением зыряне поклонялись Прокудливой березе. Эта вековая береза отличалась громадною высотой и толщиной; она росла в Усть-Выми, на высоком крутом берегу реки Выми; при слиянии с Вычегдою. Все стволы, сучья и ветки ее обвешивались полоса-

ми разноцветных материй. Кроме этих божеств у зырян было много и других: они признавали разных духов – лесного, водяного, земляного, домового, овиного, банного, печального, портящего и др.; они верили в Бога вездесущего и всемогущего, и в злого духа, и в нечистого. Кроме общественных идолов, стоящих в кумирнях, было много идолов домашних. Зыряне также верили, что вся природа населена враждебными или дружелюбными духами-божествами, и поэтому почитали большие горы, высокие обрывистые утесы, громадные камни, больших медведей, озера и рыб”.

В этом кратком очерке-перечне, который составляет современный интеллигент, – уже ничего разобрать нельзя. “Пришел на Бежин Луг: траву скосил, а духов не встретил”, мог бы сказать Писарев, Базаров, говорили Бокль, Дрэпер, говорит половина человечества... Но мальчики с “Бежина Луга” рассказывали ночью около костра, что они видали совсем другое... Шекспир в “Буре” совершенно иначе говорит о мире, чем Дрэпер. К Шекспиру примыкают Жуковский, Лермонтов, Гоголь, поэты и вообще поэзия; какой, например, древностью веет от слов Касьяна из “Красивой Мечи” (Тургенев): “Кровь нельзя показывать, кровь – солнышка никогда не видит!” Действительно, – “увидит” и свернется, умрет. Действительно, “нельзя показывать”: “не убий!” Каким образом тайна моральная и тайна космологическая связываются?! Да, мир имеет не только что тех “духов”, ту степень повсюдной одушевленности, какая представлялась зырянам: а можно сказать, что “духов” в нем еще гораздо больше, и так много, что все Олимпы и Капитолии тесны для них...

Что же такое сделал св. Стефан, когда он поднял топор на “Прокудливую березу”? Он поднял его против мальчиков из “Бежина Луга”; и поднял его за Дрепера-Бокля-Писарева и “Stoff und Kraft”... “Все это – глупости, ничего нет, пустое, призраки”, – сказал он. И срубил все “призрачное”, “полуистинное”, пока его самого не спросили: “Да у вас-то самих не полупризрачное ли?”

Вот история богословия, круг которого заканчивается в наши дни: тем самым топором, которым была срублена “Прокудливая береза”, – именно этим топором рубится теперь и все богословие, в котором если выбрать “полупризрачное” и “полуистинное”, то останется такая скука, такой календарь всяких сведений, такая высохшая семинарская тетрадка, от которой стошнит всякого и которой никто в человечестве не поклонится и не должен поклониться.

V

Суть, главная суть смены язычества христианством заключалась в перемене поклонения, которое раньше относилось к “лицам” природы, “полуистинам” и “полупризракам”, вложенным в существо натуральных и извечных вещей, – и в отнесении этого поклонения к полупризракам же и полуистинам биографического характера, к “легендам”, “преданиям”, “житиям”. Это – одно, перемена адреса. Другое: все прежние “полупризраки” были утреннего, молодого, сильного характера; новые адресаты все суть старообразного, болезненного характера, “калеки” и калечество, “юродивые” и юродство, “блаженненькие” и блаженство; все – прихрамывающее, кашляющее и обыкновенно лежащее или сидящее. Лучше лежащее.

Вот и все. Вот главное.

“Слово о полку Игореве” – на сотни лет забылось! Не горе бы, если бы его уничтожили, вырвали, убили. Нет, произошло хуже: оно всем стало не нужно, не интересно. Грамотные жили, но его не читали. Списывали много: но его не списывали: “Не интересно! Не влечет!” Вот ужас, вот настоящий ужас: и сохранилось, завалилось, спаслось чудом всего два списка. Вообразите время, когда Пушкин станет до того неинтересным, что его сохранится всего два экземпляра в России, в старом чулане уездного помещика! Пушкина забудут. “Не интересно! Не влечет!” Не правда ли, если бы это произошло с Пушкиным, мы прокляли бы эпоху, прокляли бы тех русских, которым Пушкин сделался окончательно и

совершенно ненужным! В сердце своем мы полагаем, что Пушкин есть мера русского ума и души: мы не Пушкина измеряем русским сердцем, а русское сердце измеряем Пушкиным: и Россия, отряхнувшая от своих ног Пушкина, – просто для нас не Россия, не отечество, не “своя страна”...

Но “Слово о полку Игореве” – это как бы Пушкин ранней России. И на месте его Византия воздвигла “Киевский Патерик”, где кто-то кого-то искушал и кто-то чем-то не соблазнился, и вот что он не соблазнился, и воздержался – это для всей России должно было стать интереснее войны с половцами, и песен Баяна, и плача Ярославны!

Россия сжалась, высохла. Народ молоденький, ему по возрасту 12 лет: но он обязан был сгорбиться, покрыться морщинами, начать хотя бы искусственно кашлять и прихрамывать. И это такая “суть” России до Петра, которая важнее сотен страниц, где Соловьев или Карамзин разъясняют по рубрикам их разницу.

Все – второстепенное, это – главное. Главное – старость, обязательный образ старости, устав старости.

Явно, что народ, в сущности, с юными силами задышался под этим. На Западе Шекспир – у нас “Патерик”; на Западе Колумб плывет в Америку, Коперник рассматривает небо – у нас “Патерик”; там турниры – у нас опять “Патерик”. “Патерик” – и ничего, кроме “Патерика”. Народ стал забывать сказки, народ стал забывать свои песни. Все это едва терпелось, терпелось не на виду, под спудом. “На виду” – только Патерик. Наконец стал перерезываться или, точнее, перетираться пульс самой сказочности и песенности: “не хочется” читать “Слово о полку Игореве” и также “не хочется” слушать сказку, слушать песню: ибо в душе зародились мотивы все “слезные”, все “хромающие”.

И затянул народ “горькую”... Я хочу сказать и, наконец, я хочу закричать, что, конечно, индивидуально, там и здесь, лично и фамильно, “запой” возникает в силу конкретных причин, указуемых, называемых... Но они обманывают. Это “деревья”,

а не “лес”. Лес пьянства, как народного явления, как явления всеобволакивающего быта и пьянства не как “хмелька”, здорового и поэтического, а этого горького, унылого, беспесенного – лежит в глубокой подсеченности сил народа, подсеченности не налоговой, не финансовой, не полицейско-правительственной (хотя все это есть и выходит в пьянство “боком”, а не “с лица”), а вот этой – более глубокой и более страшной, что природа и ее великие “олицетворения” угасли для народа, и он стал одинок, остался единственным “лицом” в мире, скучающим, томящимся. Он стал “городским” человеком даже и в деревне, как, конечно, можно быть “деревенским человеком” и в городе. Суть города не в мостовых, а в отсутствие сказок. Суть нового разрыва в том, что человек везде стал видеть ботанику и дровяные склады, что “воздух” заменился для него “смесью кислорода и азота” и ему стало нечем дышать... Нечем дышать душе его... скажем для осторожности – и в Византии. Для олицетворений в природе – нет игры фантазии; нет сочувствия к природе – просто холодно стало человеку жить в похолодевшем мире. “Надо согреться...” Разумный все поймет в моих словах. И я ему доскажу только, как заплакала “Прокудливая береза”, когда ее срубили. Это удивительно близко к тому, что сказал о срубленном дереве гр. Л. Толстой в “Трех смертях”. В Толстом точно заговорило древнее язычество: какой поздний отпрыск!

Ради упрочения своей проповеди св. Стефан пожелал разрушить главную кумирницу и срубить Прокудливую березу. Это дело было очень трудное, и святитель долго молился и просил у Бога помощи. И удостоился он получить откровение от Бога: “Мужайся, Стефан, испепели кумирницу и искорени Прокудливую березу: Я твой помощник”. С твердою надеждою на Бога св. Стефан начал рубить дерево; после каждого удара, по зырянским преданиям, разносились по воздуху жалобные стоны и крики мужские, женские, старческие и младенческие:

“Стефан, Стефан! зачем нас гониши? Сие есть наше древнее пребывание”. Это вопили, по верованию зырян, темные, тайные духи, которые находились здесь. За каждым ударом лились из дерева разноцветные струи как бы крови, т. е. березового сока. В первый день св. Стефан не мог срубить дерева; на другой день утром он снова приступил к работе; к изумлению святителя и ужасу язычников, дерево оказалось целым. Проповедник не смутился этим явлением и снова стал рубить дерево; только на третий день он успешно покончил с березой. Срубленная береза свалилась с крутого утеса и реку Вымь: произошел страшный шум, потряслась земля, всколыхнулась река. Когда наступила тишина, св. Стефан приказал зырянам-христианам рубить дерево на части, а кумирницу разрушить. При этом было много устрашающих воплей. Но святитель ничем не смущался и ободрял бывших с ним. Разрубленная береза, раздробленная на части кумирница и бывшие в ней идолы, – все это было сложено в костер, сожжено и обращено в пепел. Налетел внезапный бурный вихрь и развеял пепел; неожиданно прошел сильный проливной дождь и омыл место.

Так были срублены сказки и все сказочное; и был основан первый кабак на Руси. Задуматься есть над чем. Ну, вот этот “дождь, омывающий землю после язычества”, и внезапно “налетевший бурный вихрь”, – не есть ли это та же “Прокудливая береза”, прокравшаяся в житие святого? Вечное не вечно, а ложь сама в себе умирает. Уберите из жития эти “говоры стихий”, и что от него останется? И почитать нечего. “Говоры стихий”, – но ведь это и есть то самое, чему поклонялись зыряне и что срубить только попытку сделал Стефан. “Вечное вечно”: сказка убрала житие святого, и по присутствию “милых призраков” новые христиане любовно начали читать “жития” святых. Без них, т. е. в последнем анализе без той же “Прокудливой березы”, из них вылетел бы дух, смысл, милое и прекрасное. Знаете ли, что церковь, порубившая “вечные древа”, только и живет ве-

точками их же? И не будь внесено их в храм христианский – ему нечем было бы и вздохнуть.

Вот Троицын день – и опять березки. И в руках – цветы. Самый светлый праздник в году, народный, деревенский. На Пасху христосуемся яичками, чем-то вышедшим из живого существа, окрашенным, нарядным! Ведь эти яички с “Прокудливой березы” – кто об этом не догадается? На Флора и Лавра кропят св. водой лошадей и коров. Св. вода – опять стихия, т. е. одна из “разноцветных струй”, которые с плачем потекли из Прокудливой березы. Без “Прокудливой березы” шагу ступить нельзя: умри она действительно, испепелись окончательно и все уснуло бы, погибло или стало бы до того скучным, безнарядным, томительным, что преступления из десятков возросли бы в тысячи и народ не оторвать бы от горлышка бутылки. Пока что спасается – еще ею спасается. Ее мнут и никак не могут замять. Знаете ли, что лучшее освещение дел Петра Великого отсюда же получается: он поднял “матушку-березку” и опять посадил, ну, кое-как, ну, сколько-нибудь, сколько можно еще; и из нее зацвели науки и искусства. “Прокудливая береза” – это сам народ, великое его тело, которое то сохнет, то опять оживает. И жить ему вечно; и поклонимся без рассуждений, без умствований, наивно и народу-дереву и... де-

ревцу-человечку, его маленькой и темной душеньке. И поклонимся поэтам-прорицателям, всему слову и всякой словесности и живописи человеческой, которая, посмотрите как, например, “в русском ландшафте” уловляет особое, исключительное, неповторимое “олицетворение” русского леса, русского поля, русской избы. Но это все знали уже зыряне, как и помнят дети с “Бежина Луга”, перешептываясь, что есть “духи домовые”, и “лесные”, и “ручьев”, и “гор”...

Будем любить природу. Будем любить жизнь. И мы выздоровеем! И когда мы выздоровеем – мы перестанем пить. Пьянство – болезнь. Или, точнее, – оно показатель, симптом глубоких заболеваний, духовных и биологических, народа. Знаете ли, что “лечит пьянство”, “борется против пьянства” всякий, подносящий к носу своему цветок, и всякий, сажающий деревья и всякий, срубающий себе избу... Но это уже детали “Прокудливой березы”, которые подберет себе и по-своему всякий и каждый удлинит их до бесконечности... Она вечна и она всемирна, мистична, религиозна, и в ней вечная жизнь... “Деревце огромное и старое” – как записано и в житии святого, бессильно старавшегося срубить ее и рубившего только ее призрак, ее внешность, ее кору, но не ее сердечко и существо.

СВЯЩЕННАЯ ГОРА

А. Говинда

Есть просто горы, а есть особенные горы. Особенности горы – это не те, что выделяются своей необычной формой, как странные черты лица или странные поступки еще не делают человека личностью.

Личность – это прежде всего сила влияния на окружающих, а эта сила происходит из постоянства, гармоничности и цельности характера. Если эти качества присутствуют в человеке, он способен вести за собою людей, стать правителем, святым или ученым, формирующим мысль поколения. И мы признаем в нем некий сосуд, вместилище божественной силы. Если все эти качества есть у горы, ее считают вмес-

---

Опубликовано: Говинда А. “Путь былых облаков”. Буддист в Тибете. М.: Сфера, 1997, стр. 291-301. Сокращ. вариант.

Гора Кайласа на Тибетской танке.

тилицем космической силы и называют священной горой.

Сила такой горы велика и вместе с тем тонка, люди притягиваются к ней отовсюду, как к магниту, и в этом необъяснимом стремлении приблизиться к истоку священной силы, поклониться ему, они готовы на любые трудности и лишения. Никто не объявляет специально о святости горы, но всякий знает об этом, ее святость не нуждается в провозглашении, ведь никто не сомневается в этом. И не нужно организованного поклонения, ибо люди преисполняются самим присутствием такой горы и могут выражать свои чувства только боготворя ее, преклоняясь перед нею.

И это невозможно объяснить никакими научными фактами – как, например, большая высота – являющимися самым важным, по мнению современного человечества. Здесь же вовсе нет стремления “покорить” гору. Вместо того, чтобы “покорять” гору, религиозный человек, кажется, предпочитает быть покоренным ею. Он открывается духу горы, позволяет этому духу овладеть им, потому что только тот, кто вдох-

новлен, “охвачен” божественным духом, может стать сопричастным его природе. Пока современный человек занят удовлетворением своих амбиций и прославлением собственного эго, его цель – взобраться на вершину горы, стать первым. Преданный же больше заинтересован в духовном восхождении, а не в подвиге физического покорения вершины. Для него гора – священный символ, и он никогда не дерзнет ступить на ее вершину, как не наступит на священный образ.

Чтобы увидеть величие горы, необходимо быть на расстоянии от нее; чтобы понять ее форму, нужно обойти ее: чтобы почувствовать ее состояния, следует созерцать ее на рассвете и на закате, в полнолуние и в полдень, в солнце и в дождь, в снегу, во время бури, зимою, летом, осенью и весной. Тот, кто созерцает гору, приближается к ее жизни, такой же напряженной и разнообразной, как и жизнь человека. Горы растут и разрушаются, они дышат и пульсируют жизнью. Они притягивают и собирают невидимые энергии, окружающие их: силы воздуха, воды, электричества и магнетизма. Они создают ветры, облака, бури, ливни, водопады и реки. Они наполняют жизнью все вокруг и дают кров и пищу бесчисленным живым существам. В этом величие мощных гор. Чтобы понять это, надо взглянуть на карту. Кайласа расположена на вершине Тибетского нагорья и образует шпиль “крыши мира”, как называют тибетское плато. От нее, как спицы из ступицы колеса, расходятся самые мощные реки, текущие на восток, на запад, на северо-восток и на юг: Брахмапутра, Инд, Сатледж и Карнали. Все они берут свое начало в районе Кайласа-Манасаровар, который является самой высокой частью Тибетского нагорья. Древние писания говорят, что эти реки вытекают из озера Манасаровар к подножию горы Кайласы и, семь раз опоясав священную землю, расходятся, почтив таким образом престол богов, согласно ритуалу обхода по кругу (санскр. прадак-шина). Тибетцы называют Брахмапутру, берущую начало восточнее Кайласы Манасаровара,

“Там-чог-Кхамбаб” – река, “текущая изо рта лошади”; Сатледж, исток которой западнее – “Лангчен-Кхамбаб”, то есть река, “текущая изо рта слона”; Инд, начинающийся на севере от Кайласы – “Сенге-Кхамбаб”, или река, “текущая изо рта льва”, а Карнали на юге (на равнине она называется Ганг) – “Магча-Кхамбаб”, то есть река, “текущая из клюва павлина”. Эти животные образуют “колесницу”, или престол четырех Дхьяни-Будд. Названия рек указывают, что они считаются частями вселенской мандалы, центр которой – гора Кайласа.

Именно по этим рекам осуществлялась культурная и религиозная связь Индии с Тибетом. Это видно на примере Брахмапутры и Инда, которые, подобно гигантским рукам, протягиваются из региона Кайласа-Манасаровар, обнимают Гималаи и весь индийский субконтинент, после чего Инд впадает в Аравийское море на западе, а Брахмапутра – в Бенгальский залив на востоке.

В действительности не все реки берут начало на склонах Кайласы или в озере Манасаровар, но их долины ведут на плоскогорье, над которым возвышается Кайласа, которая, таким образом, становится местом пересечения, соединяющим юг, север, восток и запад.

Если лишить Эверест или любую другую известную вершину Гималайского хребта их высоты, ничего особенно выдающегося от них не останется, они просто исчезнут с карты, утонут в мириадах неизвестных вершин и горных массивов. У Кайласы же, кроме ее высоты, есть еще уникальное положение центра горных цепей и системы рек Тибета и Индии.

Она стоит в центре Трансгималайского хребта совершенно отдельно. Чтобы обойти ее, требуется три или четыре дня. Ее форма правильна, словно купол гигантского храма, возвышающегося над горами, похожими на бастионы и укрепления. Как в каждом индийском храме есть священный бассейн, так и у южного склона Кайласы тоже есть свой священный водоем, это два озера – Манасаровар и Ракастал. Одно – круглое,

как солнце – символизирует силы света, другое – изогнутое, как полумесяц – символ сокрытых сил ночи, которые, будучи не распознаны и не направлены в надлежащее русло, предстают в виде демонических сил тьмы. Это выражено и в самих названиях озер: Манас (санскр.) означает “разум” или “сознание”, а Ракас или, точнее, Ракшас значит “демон”, так что название Ракастал можно перевести как “Озеро Демонов”.

Солнечная и лунная символика священных озер проиллюстрирована тибетскими танка, изображающими солнечный диск в небе над круглым озером Манасаровар и убывающую луну над полумесяцем Ракастала.

Символы луны и солнца присутствуют почти во всех тибетских иконах-свитках (танка), изображающих Будд, божеств и святых.

Солнце и Луна олицетворяют два потока психической энергии, которые движутся вверх слева и справа от центрального канала, или “срединного нерва позвоночного столба”. Во время йогической медитации оба потока соединяются в центральном канале и поднимаются по нему от одного психического центра (или уровня сознания) к другому до тех пор, пока не достигнут высшего, многомерного уровня просветленного сознания. Гора Кайласа, соответствующая позвоночному столбу, символизирует ось духовной вселенной, проходящую через бесчисленные мировые планы (обозначенные действительными горизонтальными напластованиями горных пород, ярусы которых правильны и отчетливы, как в индусских храмах). Эта ось восходит от человеческого уровня к божественному, а два озера подобны резервуарам двух потоков психической энергии.

Это показывает, что Манасаровар находится выше Ракастала. Это соответствует и их географическому расположению, и символическому соотношению первого озера с высшим, а второго – с низшим (но столь же важным) центром психической энергии (чакрой). Один из них является

корнем и основанием всех наших внутренних сил, а второй – цветом и плодом реализации. Первый стоит в начале, а второй – в конце духовной эволюции.

Поэтому, согласно старой буддийской традиции, последнее перерождение Бодхисаттвы – во исполнение обета достижения конечного Просветления, то есть состояния Будды – связывается с Манасароваром. Согласно преданию, спящая царица Майа была перенесена божествами-стражниками к озеру Анотатта (палийское название Манасаровара). Там ее омыли в священных водах, очистив ото всей человеческой скверны, дабы тот, кому предстояло стать Буддой, мог через нее родиться в мир. Он спустился со стороны Кайласы в облике белого слона, окруженного белым облаком. Так что с самого зарождения буддизма Кайласа и Манасаровар были окружены высочайшим почитанием. В этом буддисты полностью следуют традиции, уходящей еще к ведическим временам, если вообще не к началу цивилизации.

По индуистской традиции, озеро Манасаровар сотворил сам Брахма. Он взрастил в самом центре его божественное дерево Джамбу, невидимое человеческому глазу. Поэтому наш мир древние называли Джамбудвипа. Говорят, что благодаря плодам этого божественного дерева воды Манасаровара обратились в животворный эликсир. Древо жизни в Озере Высшего Сознания – эта символика напоминает библейское Древо Познания в Раю. На земле нет места, более похожего на рай, чем окрестности

Кайласы и Манасаровара. Тибетцы почитают эту землю как “центр Джамбудвипы” (человеческого мира), центр всех стран, корень, пуп земли, край золота и драгоценностей, источник четырех великих рек, над которыми высится хрустальная пагода Кайласы, украшенная магическим бирюзовым диском Манасаровара.

Место, откуда паломники начинают ритуальный обход Кайласы, изображено на рисунке как глубокое ущелье слева от священной горы. Это вход в западную “Долину Амитабхи”. Тропа правее Кайласы, отмеченная маленькой каменной пирамидкой (под солнечным диском), это Долмала – перевал Тары, высочайшая точка пути. Темный треугольник внизу – маленькое озеро, индусы называют его Гаурикунд, а буддисты – Тхучже-чемпой Цзо – “Озеро Великого Сострадающего. В тибетском оригинале этого рисунка содержится гораздо больше деталей, которыми нам пришлось пожертвовать, чтобы воссоздать тот идеально ясный вид Кайласы – Манасаровара, каким он предстает со стороны Гурпа, откуда паломник обычно подходит к священной земле.

Только с этого места видны оба озера и гора одновременно. Пропорции картины не соответствуют натуральным, это, скорее, умозрительная перспектива. Тем не менее, формы, хотя и стилизованы, но ближе к реальности, нежели те, что бывают на фотографиях, с их неизбежным искажением углов и объемов.

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ЭТИКА

Учебная программа для студентов экологического факультета

В.В. Дежкин, Н.Н. Марфенин

Международный независимый эколого-политологический университет, г. Москва

ЦЕЛЬ КУРСА

Дать начинающим экологам представление об экологической этике как о неразрывной и – в современных условиях – очень важной составной части общечеловеческой этики. Показать все возрастающую роль экологической этики в регулировании взаимодействия общества и природы, проиллюстрировать возможности применения ее принципов и методов в отдельных отраслях биологического природопользования. Указать на существование важных ограничений этического характера в эксплуатации природных ресурсов. Создать предпосылки для гармоничного становления эколого-природопользователей и воспитания у них экологического мировоззрения (мировосприятия).

ЗАДАЧИ КУРСА

Этика – философская дисциплина, изучающая мораль, нравственность. Центральной для этики продолжает оставаться проблема добра и зла. Элементы экологической этики зародились в глубокой древности как существенная часть проблемы взаимодействия человеческого общества и окружающей среды, человека и Природы. Они существовали, развивались, видоизменялись в течение долгих столетий, обозначая во многом все более углубляющиеся противоречия между антропоцентризмом и биоцентризмом. Но лишь в последние десятилетия экологическая этика формируется в качестве самостоятельной научной дисциплины и начинает рассматриваться в контексте выживания человеческой цивилизации. Как констатирует Д.В. Лебедев (2000),

для этого есть достаточно серьезные основания, связанные с необратимым влиянием антропогенного фактора на биосферу, вследствие чего возникает реальная угроза вымирания человека как биологического вида.

В творчестве академика РАН Н.Н. Моисеева, одного из основателей и первого Президента МНЭПУ, экологическая проблематика прозвучала особенно остро и тревожно. Человек “обречен” жить в биосфере и подчиняться законам ее развития. Осознание этого факта крайне важно для человечества. Н.Н. Моисеев предлагает выход из экологического кризиса через **коэволюцию человека и биосферы**. Будучи специалистом в теории управления и теории информационных систем, Н.Н. Моисеев исследует проблему анализа возможных каналов развития биосферы, исходя из современного ее состояния и приходит к выводу о необходимости **формирования новой экологической этики**.

В учебном курсе кратко рассказывается об истории появления и развития в философских учениях гуманных этических мотивов и постепенном формировании биологической и экологической этики. Раскрываются причины и механизмы появления гуманизма в недрах экологии, современные взгляды экологов на проблемы взаимодействия общества и Природы и сохранения жизни на Земле. Характеризуются многочисленные направления гуманитарной экологии, существующие в мировой науке, дискуссии между ними и поиски согласия. Курс экологической этики расширяет экологический кругозор будущего эколога-природопользователя, ориентирует его на комплексный подход к совокупности изучаемых дисциплин, создает у него твердую убежденность в недопустимости односторонне-

---

Программа дается в сокращенном варианте.

го решения технологических проблем природопользования, иллюстрирует сложность и противоречивость современных эколого-этических воззрений и необходимость четкой и ясной позиции в отношении к разумной эксплуатации биологических ресурсов биосферы.

Следует отчетливо представлять возможности студентов-первокурсников, для которых предназначен данный курс, необходимость постоянно считаться с этими возможностями, и наличие в учебном плане многочисленных учебных дисциплин, создающее условия для повторения и углубления полученных первоначальных знаний. В процессе обучения следует рассчитывать не столько на получение завершенных знаний и представлений, сколько на формирование определенных этических критериев, определяющих реальные современные принципы охраны природы и разумного природопользования.

ТРЕБОВАНИЯ К УРОВНЮ ОСВОЕНИЯ СОДЕРЖАНИЯ КУРСА

С учетом изложенного выше эколог-природопользователь должен знать и понимать:

- гуманные побуждения людей, стремившихся и стремящихся к установлению щадящего отношения общества к живой природе и ее важнейшим компонентам;
- возникновение и развитие элементов экологической этики в философских системах и практической деятельности людей;
- современная экология и ее интерес к проблемам гуманизма;
- содержание и главные положения экологической этики;
- сущность антропоцентризма и биоцентризма, причины резких противоречий между ними и возможность творческого компромисса на основе положений современной экологической этики;
- отечественных и зарубежных основоположников экологического гуманизма, краткое содержание их учений;
- основные направления современной

экофилософии, имена наиболее известных экофилософов и сущность отстаиваемых ими положений;

- учение академика Н.Н. Моисеева о необходимости нравственной переориентации общества и ее цивилизационных предпосылках;
- деятельность Киевского эколого-культурного центра и оценка основных эколого-гуманитарных положений, отстаиваемых ее директором В.Е. Борейко;
- необходимость этических ограничений в природопользовании;
- этические требования к регламентации деятельности отраслей биологического природопользования (в сельском, лесном, рыбном и охотничьем хозяйстве);
- этические основы рекреации;
- экологическая этика и концепция заповедного дела;
- целесообразность и возможность вегетарианства с позиций экологической этики;
- оценка современных псевдогуманистических лозунгов и движений; роль общественности в реализации принципов экологической этики;
- экологическая этика как составная часть экологического мировоззрения;
- необходимость распространения ее идей и принципов.

СОДЕРЖАНИЕ КУРСА

Тема 1. Этика: от древности до наших дней.

Введение в тему. Характеризуется зарождение этических отношений между людьми и вклад философов древности и средневековья в формирование и развитие этического учения. Подчеркивается большое значение этики в современных условиях и необходимость ее дифференциации, в том числе и в сфере экологии.

Тема 2. От антропоцентризма к биоцентризму.

В настоящее время в обществе происходит противоборство двух противостоя-

щих философских течений — антропоцентризма и биоцентризма.*

Необходима широкая и открытая дискуссия между сторонниками антропоцентризма и защитниками биоцентризма.

Тема 3. Экология и гуманизм.

“Современное экологическое мировоззрение представляет собой следующий этап развития экологической этики. Речь идет не только о взаимном уважении между современниками, но и заботе о благополучии будущих поколений, о сохранении биосферы, “общего дома”, в котором мы живем все вместе со множеством населяющих ее видов живых существ”(Марфенин, 2000, с.41-42).

Тема 4. Природа как эстетическая ценность.

Природа имеет важное значение в духовной жизни общества. Происходила эволюция основных идей эстетического отношения к природе как к ценности. С позиций экологической этики необходимы поиски объективных оценок природных ценностей и – в конечном итоге – установление гармонии в системе “общество-природа”.

Тема 5. Отечественные и зарубежные провозвестники гуманитарных идей в экологии.

К числу отечественных основоположников экологической этики относятся Г.А. Кожевников, И.П. Бородин, А.П. Семенов-Тянь-Шанский, С. Фишер, В. Хлебников и др. За рубежом гуманитарные идеи в области экологии провозглашали Г. Торо, О. Лепольд, А. Швейцер. Краткая характеристика жизни и деятельности каждого из этих ученых и общественных деятелей.

Тема 6. Формирование и принципы экологической этики.

Формирование зачатков экологической этики происходило в России и за границей с середины XIX века; начало XX века сле-

дует считать периодом становления этой науки. “На Западе экологическая этика громко заявила о себе в начале 70-х годов, когда ее стали преподавать в философских курсах вузов... С середины 70-х экологическая этика обрела право называться самостоятельной дисциплиной” (Борейко, 2000, с.28). В России это произошло несколько позже.

Сформулированы определения экологической этики и основные принципы и направления этой дисциплины. За исходный в экологическом контексте можно принять тезис Холмса Ролстона III: “Экологическая наука описывает то, что есть. Этика предписывает то, что должно быть” (цит. по Борейко, 2000, с. 19).

Тема 7. Экофилософы запада и направления экологической этики в их учениях.

Во второй половине прошлого века на Западе произошел настоящий взрыв интереса к эколого-гуманитарным проблемам. В 1981 году список англо-американской литературы по экологической этике насчитывал более 3 тыс. названий. В рамках этой дисциплины выделились сторонники экологической добродетели, проповедники благоговения перед жизнью, этики эмпатии к природе, эколохисты, экофеминисты, защитники дикой природы, философы экологической теологии, глубинные экологи и т. д. Представляет несомненный интерес выявление объединяющих их принципов и различий.

Тема 8. Этические ограничения природопользования (этические основы охраны природы и эксплуатации природных ресурсов).

Природопользование не должно противоречить коренным интересам биосферы и подрывать основы экологического равновесия, разрушать экологические системы и уничтожать виды живого. В случае возникновения существенных противоречий природопользования с живой природой и охраной окружающей среды проблемы решают с использованием основополагающих

* Точнее – антропоцентризма против биоцентризма и эоцентризма – *ред.*

экологических ограничений – экологического императива Н.Н. Моисеева, механизмов устойчивого развития, сформулированных в Рио-де-Жанейро, принципов сохранения биоразнообразия и т. д.

Тема 9. Этические требования к отраслям биологического природопользования.

Отрасли биологического природопользования, осуществляя важные для человечества функции, привносят в состояние биосферы и отдельных экосистем как общие для всех нарушения (прежде всего – разрушение и глубокое изменение коренных экосистем), так и специфические для каждой отрасли изменения. Могут быть сформулированы требования к сельскому хозяйству, лесному хозяйству, рыбному хозяйству, охотничьему хозяйству, – имеющие характер этических ограничений и обязательных для реализации. Особого внимания требуют формы деятельности, связанные с воздействием на животный мир, требующие уважения ко всему живому, не допускающие жестокого обращения с животными и гуманных методов эксплуатации их ресурсов.

Тема 10. Экологическая этика и заповедное дело.

Основной принцип заповедного дела – невмешательство в естественный ход природных процессов и явлений. Разнообразие форм ООПТ и отклонения от основополагающих принципов, допущенные при организации природных заповедников, требуют применения научно обоснованных регуляционных и биотехнических мероприятий. Развивающийся на ООПТ экологический туризм не должен отрицательно сказываться на состоянии режима их особой охраны. Формулировка целей и задач ООПТ может быть существенно усилена введением в них этико-гуманитарных мотивов.

Тема 11. Киевская школа экологической этики: достижения и просчеты.

Киевский эколого-культурный центр, руководимый крупным деятелем охраны

природы и известным публицистом В.Е. Борейко, имеет несомненные заслуги в охране природы России и Украины, в пропаганде мировых идей экологической философии, экологической этики. Центр непримирим к нарушениям этических аспектов эксплуатации природных ресурсов, к разным видам браконьерства, способствует созданию системы ООПТ на Украине. Выпускаемый им с 1999 года “Гуманитарный экологический журнал” высоко профессионален и информативен. Отрицание идей природопользования (даже – рационального) сужает теоретические возможности центра. Для творчества некоторых авторов центра, в том числе и В.Е. Борейко, свойственна некоторая идеализация дикой природы. Общий анализ деятельности Киевского эколого-культурного центра представляет значительный познавательный и методический интерес.

Тема 12. Псевдогуманистические движения и их оценка.

Широко распространенные во многих зарубежных странах “гуманные” течения представляют большую опасность для рационального природопользования и нормального мироощущения. Они основаны на идеалистических представлениях о жизни, не принимают во внимание ни экологические законы, ни реальные потребности людей и возможности общества.

Тема 13. Законодательные и нормативные основы экологической этики.

Экологическая этика может найти некоторую опору в основных законодательных актах – в Конституции России, Федеральных законах “Об охране окружающей среды”, “О животном мире”, “Об охраняемых природных территориях” и др. Совокупность нормативных актов о редких видах растений и животных помогает осуществлять деятельность по их эффективной охране и восстановлению. Необходимо укрепление и совершенствование законодательных и нормативных основ, в том числе разработка новых документов, посвященных проблемам экологической этики.

ВОПРОСЫ К ЗАЧЕТУ

1. Этика как философское учение.
2. Экология и гуманизм.
3. Антропоцентризм и биоцентризм. Возможность компромисса.
4. Основоположники экологической этики.
5. Сущность учения А. Швейцера.
6. Содержание и принципы экологической этики.
7. Современные экогуманистические теории запада.
8. Ложные антигуманистические течения.
9. Иллюзии вегетарианства.
10. Этические ограничения природопользования.
11. Этические требования к отраслям биологического природопользования.
12. Экологическая этика и заповедное дело.
13. Основные принципы Киевской экогуманистической школы.
14. Основные законодательные акты, действующие в сфере экологической этики.
15. Отношение к городским животным (нормативные акты Москвы).
16. Охота и рыболовство с позиций экологической этики.
17. Рекреация с позиций экологической этики.
18. Основные этические принципы охраны живой природы.
19. Концепция взаимодействия человека и природы (главные принципы).
20. Академик Н.Н. Моисеев как один из идеологов экологической этики.

БИБЛИОГРАФИЯ**Основная**

- Борейко В.Е. Экологическая этика. М.: Изд. МНЭПУ, 2000, 110с.
- Борейко В. Белые пятна природоохраны. Изд. второе, дополненное. Киев, 2003. 289 с.
- Дежкин В.В. Внимание: это Борейко!!! "Охота и охотн. х-во", 2001, № 2, с.1-3.

Дежкин В.В., Е.А. Кузнецов, С.И. Миньков, В.Г. Сафонов, В.А. Тетера. Этические аспекты использования ресурсов охотничьих животных Проблемы охотничьего хозяйства России. М.-Киров, 2003, с. 9-12.

Дежкин В.В., Снакин В.В. Заповедное дело. Словарь-справочник. М.: Изд. НИИ-Природа, 2003, 306 с.

Марфенин Н.Н. Экология и гуманизм// Аналитический ежегодник "Россия в окружающем мире, 2000". М. Изд. МНЭПУ, 2000, с.29-49.

Моисеев Н.Н. Быть или не быть... человечеству? М.: 1999, 288 с.

Павлова Т.Н. Биоэтика в высшей школе. М.:1997, МГАВМиБ, 148 с.

Дополнительная

Борейко В.Е. Экологические традиции, поверья, религиозные воззрения славянских и других народов. Киев.: 1996, 223 с.

Борейко В.Е. Введение в природоохранную эстетику. Изд. второе, дополненное. Киев, 1999, 125 с.

Борейко В.Е. Прорыв в экологическую этику. Киев, 1999. 126 с.

Борейко В.Е. Постигание экологической теологии. Киев, 2000, 87 с.

Борейко В.Е. Современная идея дикой природы. Киев, 2001, 122 с.

Борейко В.Е. Эссе о дикой природе. Киев, 2001, 143 с.

Родерик Нэш. Дикая природа и американский разум. Перевод с английского. Киев, 2001, 201 с.

Нэш Р. Права природы (история экологической этики). Перевод с английского. Киев, 2001.

Сингер П. Освобождение животных. Перевод с английского. Киев, 2002. 134 с.

Скарс Р. Эковоины. Радикальное движение в защиту природы. Перевод с английского. Киев, 2002. 142 с.

Тетиор А.Н. Множество этик окружающей среды. Этика эмпатии. М.: РЭФИА, 2000. 63 с.

Фетисов В.П. Добро и зло (опыт исто-

рико-философского анализа). Воронеж, Изд. ВГУ, 1982, 125 с.

Формэн Д. Исповедь эковоина. Перевод с английского. Киев, 2002, 148 с.

Хацкевич Д.Х. Природа как эстетическая ценность. Учебное пособие для вузов. М.: "Высшая школа". 1987, 119 с.

Сайт Киевского эколого-культурного центра "Гуманитарная экология и экологическая этика":

<http://www.ecoethics.ru>.

Сайт "Гуманитарного экологического журнала":

<http://www.ln.com.ua/~kekz/human.htm>.

УРОК ПО ЭКОЭТИКЕ

Л. Кондрашова

Ресурсно-информационный центр экологического образования, г. Владивосток

Бесцельное уничтожение или причинение вреда любому живому существу неприемлемо.

Манифест МСоЭС

Цель занятия: дать учащимся понятие "экоэтика".

Результат: выработать общие правила по работе с живыми организмами в исследовательской работе.

Продолжительность занятия: два урока по 45 мин или один на 1,5 ч.

Численность группы: 20 человек и более.

Возраст: 13–15 лет и старше.

Материалы:

1. Карточки с фотографиями или рисунками животных.

2. Карточки с описанием неэтичного отношения к животным.

3. Материалы для игры "Континуум этики": перечень этических утверждений, две цветные ленты 1,5–2 м длиной (привяжите середину одной ленты к середине другой).

ХОД УРОКА

Упражнение

"Ограничение – свобода"

Цель упражнения – показать разницу в ощущениях свободы и несвободы. Учащиеся встают в круг (если это сложно, каждый может встать рядом со своим рабочим

столом). Попросите ребят встать в позу, изображающую состояние свободы, спросите их об ощущениях, которые они испытывают. Затем попросите изобразить ограничение свободы, спросите, что они чувствуют теперь.

Попросите рассказать о том, чем отличались эти состояния и когда они ощущали себя более комфортно.

Упражнение

"Потребности живых существ"

Разделите класс на группы по 4–7 человек. Раздайте карточки с изображением живых существ, по одной на группу. Обсудите в группах: что необходимо для чувства свободы у животного на вашей карточке, есть ли такие потребности и у человека? Как вы думаете, животные могут чувствовать ограничение свободы?

После выступления каждой группы заполните таблицу потребностей живых существ. Сделайте вывод об общих основных потребностях.

КАРТОЧКА № 1

В цивилизованных странах цирк с животными начинают считать примитивным и жестоким развлечением. В Великобрита-

нии в большей части графств (округов) использование животных в цирке запрещено.

Для животного, особенно для дикого, выполнение трюков – противоестественная, пугающая и унижительная вещь. Чтобы заставить зверя выполнять трюк, надо сломить его волю, мужество с помощью страха перед наказанием.

До сих пор дрессировка не обходится без битья животного.

КАРТОЧКА № 2

Центр этичного отношения к животным и окружающей среде в США считает животноводство одним из наиболее серьезных нарушений этических принципов, при котором чувствующие существа рассматриваются как неживые объекты. Вызывает осуждение не только сам факт лишения жизни животных (скота, птицы), но и условия содержания скота при системе так называемого интенсивного выращивания.

“...Мясные телята страдают от невозможности себя чем-то занять... Кормежка отнимает у них только 20 минут в день!” Чтобы уменьшить беспокойство у животных, их держат в темноте, включая свет только на период кормления.

От коровы при интенсивном использовании получают примерно в пять раз больше молока, чем она дает в естественных условиях. Корову эксплуатируют до предела ее возможностей. После того как она приносит 4–5 телят, ее сдают на убой. Огромный процент коров болеет: хромота, мастит, пневмония и другие заболевания, от которых коровам дают разнообразные антибиотики и другие препараты.

В условиях интенсивного содержания питание коровы не является естественным. Вместо необходимой для нее пищи, такой как трава, сено, она получает концентрированные продукты, содержащие большое количество зерновых, соевых бобов, рыбную муку, мясные отходы.

Так как корова является социальным животным, в стаде всегда образуется иерархия взаимоотношений между животными.

При интенсивном содержании, когда все коровы находятся на маленьком пространстве и не имеют возможности удалиться одна от другой, иерархия нарушается.

КАРТОЧКА № 3

Эксперименты на животных: в Йельском университете (США) 32 котенка подверглись 49 периодам перегрева в камере. Почти у всех котят начинались конвульсии. Пять котят умерли в конвульсиях, шесть – без конвульсий. Остальных забили для вскрытия.

В университете Флориды изучалось поведение кошек, которых получали из местного приюта для животных. Сначала животным не давали есть, пока их вес не падал до 80 % нормы; затем кошек сажали на пол, к которому мог подключаться ток. Головы животных помещали в цилиндр, в задней части которого находилась кнопка, которую кошки могли нажимать, чтобы получить пищу. Каждое животное учили нажимать кнопку 1,5–2 тыс. раз в час. Затем их учили не нажимать кнопку, если загорался белый свет; если же кошка ошибалась, то получала электрический разряд.

В ходе военных исследований животных отравляют газом, цианистыми соединениями, расстреливают пластиковыми пулями и наносят им раны снарядами, движущимися с большой скоростью.

КАРТОЧКА № 4

Ежегодно компания “Проктэр энд Гэмбл” убивает не менее 50 тыс. животных, для того чтобы изготовить новые, чуть улучшенные варианты стирального порошка, отбеливателя или еще каких-нибудь отнюдь не самых жизненно необходимых средств.

Кролику-альбиносу в глаз наливают чайную ложку шампуня “Хэд энд Шоулдерс” или “Пантин про-ви”. У него нет никакой возможности избавиться от этой жгучей вязкой жидкости: во-первых, у него нет слезоотделения, во-вторых, его обездвигили. Шампунь находится в глазу у кролика

в течение трех недель... Это называется “промышленный тест Дрейза”.

ЧЕЛОВЕК ИСПОЛЬЗУЕТ ЖИВОТНЫХ

Раздайте группам карточки с примерами использования животных человеком. Попросите определить, какие потребности животных в указанных примерах не удовлетворяются и каково отношение учащих к прочитанным примерам. Обсудите, существуют ли альтернативы неэтичному отношению к живым существам в медицине, науке, развлекательной сфере, животноводстве, от чего можно было бы отказаться.

Упражнение “Континуум этики”

Это упражнение: а) создает ситуацию, когда начинается борьба как между индивидуумами, так и между группами; б) обеспечивает осознание нелинейности и сложности этических дилемм.

Предварительные замечания

Используйте схему “Континуум этики”.

Двум ведущим нужно приготовить перечень противоположных утверждений или выбрать утверждения из представленного ниже перечня.

Когда участники заняли соответствующие места, ведущий должен обратить внимание на то как они выстроились вдоль ленты. Если, например, большая группа людей скопилась в одном месте, выберите одного-двух участников и спросите их: “Почему вы здесь стоите?” или “Почему вы не предпочли стоять, например, в середине?”. Или, если только один или два участника стоят отдельно, спросите их, что для них значит находиться там. Дискуссия внутри группы об утверждениях как таковых должна быть сведена к минимуму. Цель этой инициативы – пробуждать интерес в процессе принятия этических решений, а не вырабатывать решения и достигать единодушия. Следует отметить, что накал страстей может быть весьма высоким. Ведущий

должен все замечать и слушать, но не вмешиваться.

Схема “Континуум этики”:

Утверждение № 1

Утверждение № 2

Позиции: полностью согласен, нейтрален, согласен.

1. Двое ведущих стоят в противоположных концах комнаты. Каждый держит конец длинной ленты. Другая лента прикреплена к этой ленте в середине так, чтобы ее другой конец свешивался до пола. Участники держатся за эту ленту. Ведущие отмечают нейтральную точку с помощью первой ленты.

2. Один ведущий зачитывает утверждение из списка, второй ведущий зачитывает противоположное утверждение.

Прослушав, какое утверждение зачитал каждый ведущий, участники должны встать в соответствии со своим отношением к этим утверждениям вдоль ленты, представляющей континуум.

Утверждения

для “Континуума этики”

Ведущий № 1

– Я никогда не буду держать дома экзотических животных, которым не могу предоставить хорошие условия.

– Я не ловлю насекомых для коллекционирования.

– Я не буду держать дома собаку, потому что не имею времени для прогулок с ней.

– Я не приобретаю лекарственные и косметические препараты, в состав которых входят вещества, для добычи которых были умерщвлены животные.

– Живые уголки не нужны, так как в них животные находятся в неволе.

– Я не хожу в цирк, мне не нравится использование животных для развлечения.

– Я не хожу в дельфинарий и на зооферму, потому что думаю, что диких животных нужно держать в неволе только в рамках спасения редких видов.

– Я не ношу одежду из меха животных.

– Я считаю, что стерилизовать кошек негуманно.

Ведущий № 2

– Я хочу держать дома экзотических животных, мне это интересно.

– Мне нравится ловить насекомых для своей коллекции, и я ею горжусь.

– У меня есть собака, хотя и нет на нее времени, но она радуется и успокаивает меня, когда я возвращаюсь с работы.

– Я приобретаю лекарственные и косметические препараты, в состав которых входят вещества, для добычи которых были умерщвлены животные, потому что считаю их эффективными.

– Живой уголок в школе учит детей любить животных и ухаживать за ними.

– Я люблю ходить в цирк и вожу туда детей.

– Мне нравится ходить на зоо выставку и в дельфинарий, где я могу увидеть животных, которых видел(а) только на картинках.

– Я ношу шубы из натурального меха, потому что у нас очень холодные зимы.

– Я думаю, что кошек нужно стерилизовать, чтобы регулировать их численность.

Послеигровое обсуждение “Континуум этики”

1. Были ли высказаны утверждения, касающиеся важных этических проблем?

2. Как вам показалось, легко или трудно стоять в каком-то месте относительно утверждений?

3. Когда становится важным, что у членов вашей команды те же этические взгляды, что и у вас?

4. Были ли сделаны такие утверждения, что вы сразу знали ваше место на линии или вне ее?

5. Что вы почувствовали, когда была сделана вся серия утверждений? Что-то вас разозлило? Или обрадовало?

6. Важно ли для вас разделять ваше мнение с другими членами команды? Показалось ли вам, что у вас была тенденция приблизиться к месту, где было большинство?

Выработка правил обращения с животными при проведении исследовательских работ

Обсудить с ребятами методы исследований, которые предполагается использовать в экспедиции. Разделить класс на малые группы и дать задание выработать правила обращения с живыми существами, учитывая потребности животных. После этого правила каждой группой представляются и составляются общие правила, которые оформляются и вывешиваются на информационном стенде в экспедиции или в лаборатории.

Экопоэзия

В.И. Постников

г. Киев, vpost@i.kiev.ua

Нет разных душ.

Гёте

Что такое экопоэзия?

В течение многих лет я собирал любимые стихи, поддерживающие меня в трудную минуту. Теперь настало время, когда я почувствовал необходимость поделиться своими “сокровищами” с другими людьми. Так родилась идея написания книги под названием “Экопоэзия”. Ее основную идею я попытаюсь изложить в данной статье. Это ни в коем случае не академическое “исследование” – скорее личное поэтическое видение, которое, я надеюсь, будет созвучно многим читателям. Его можно охарактеризовать как священное чувство единения с природой, выражаемое поэтами на протяжении многих веков; чувство, которое объединяет нас, несмотря на национальные, расовые, культурные или религиозные различия. “*Нет разных душ*” – эти слова великого Гёте, взятые в качестве эпиграфа, звучат сегодня с новой силой и надеждой, ибо никогда прежде в своей истории люди не нуждались так сильно в духовном единстве.

Экопоэзия возвращает миру такое единство. Ее лучше всего можно определить как интуитивную попытку гармонизировать себя с миром, как “разговор с Богом”, проводимый через природу. Такой “разговор” можно вести с помощью поэзии и литературы, живописи и архитектуры, философии и музыки, а также с помощью других духовных “техник”, способствующих развитию духовности и преодолению жизненной рутины. Если быть точнее, так это Бог го-

ворит с нами через природу, и в такие моменты мы начинаем смутно осознавать Его присутствие, пытаюсь “ответить” своим поэтическим чувством – лучшим, что у нас есть. Такой “ответ” превосходит все наши личные и культурные различия и выражается на универсальном языке. Вот почему, мы любим и понимаем поэтов прошлого, живших в разные эпохи, в разных странах и в разном культурном окружении; мы слышим их, словно они обращаются к нам лично. Поистине, в этот момент мы слышим величайшего Поэта.

Некоторые из нас не верят в Бога, у некоторых свои идеалы и фантазии. Однако по мере того, как будет развиваться коллективное сознание человечества, мы увидим пропасть, отделяющую нас друг от друга и захотим ее преодолеть. Тогда экопоэзия выйдет из обители поэтов и художников и станет естественным способом человеческого поведения: каждое выражение станет спонтанным и прекрасным. И Жизнь сама станет поэзией, в самом широком смысле этого слова.

Философия

Чувство, лежащее в основе экопоэзии, своими корнями уходит в незапамятные времена, когда наши предки, живя в этом непостижимом мире, по словам Тагора, “с благоговением смотрели на огонь, небо, солнце, луну, облака; когда каждое прикосновение во вселенной вызывало ответную мелодию в их сердцах; когда они умирали с удивлением, застывшем во взоре”.¹ Постепенно, с развитием цивилизаций, это очарование уступило место “рациональ-

---

Авторский перевод статьи, первоначально опубликованной в канадском журнале *The Trumpeter* (2001) 17 (1), <http://trumpeter.athabascau.ca>.

ным” теориям и религиям. Тем не менее, отголоски старого союза с миром все еще слышны в некоторых духовных практиках, позволяющих достичь постепенного или внезапного “озарения”, т. е. очищения сознания от цивилизационных наслоений.

Первыми, кто приблизился к экопоэзии, теперь уже на сознательном уровне, были, по-видимому, японцы, разработавшие философию и приемы дзэн-буддизма – техники, направленной на воссоздание утерянной спонтанности и чувства красоты. При достижении озарения (яп. *сатори*) граница между внутренним и внешним исчезает, и вы испытываете “начальное”, космическое сознание. Теперь вы свободны, ничто не связывает вас – ни тело, ни мысли. Вы наблюдаете за всеми вещами одновременно, без привязанности к ним; сталкиваясь с различными ситуациями – не зависите от них. Ваша природа чиста, мысли приходят и уходят, не оставляя следа. На санскрите это состояние называется *праджня-самадхи*. Это не забытие, как некоторые могут подумать, – напротив, высшая степень внимания, которую мы не можем испытывать в нормальном состоянии сознания ввиду его загрязненности страстями, или *индриями*.

Техники

Несмотря на то, что на западе и востоке существуют различные типы экопоэзии, они объединены некими общими принципами, которые отличают этот вид поэзии от всех остальных, а именно: (1) чувством очарования, (2) упором на возвышенные, а не низменные чувства, (3) простотой и спонтанностью, (4) философской глубиной, (5) ритмом, “настроенном” на вечность. Для того, чтобы освоить эти качества многие философские школы предлагают свои методы, включающие физические и умственные упражнения (или практики), медитацию, поэзию (декламацию), живопись, боевые искусства и т. д. (например, школы Риндзай или Сото в Японии). В шаманистских культурах, для пробуждения чувства

духовного единства с природой, практикуются особый вид пения или танца. Даже в нашем “западном” мире, когда мы выполняем физические упражнения, плаваем или катаемся на лыжах, мы можем иногда достичь спонтанного и бессознательного единства с природой. Даже прогулка по лесу или любование предметом искусства, могут вызвать у нас (тех, кто особенно восприимчив к красоте) состояние полноты существования, или *дхьяны*.

Патриархи экопоэзии

Басё

Экопоэзия берет свое начало в древнем Китае в период Тянь (618–907), но достигает наивысшей точки своего развития в японских “хайку” – исключительно коротких стихах (17 слогов), предназначенных для того, чтобы вызвать чувство грусти (“саби”), красоты и загадочности мира. Мастера хайку стремились, по словам Т.С. Элиота, “найти пересечение вневременного существования со временем...”, раскрыть тайный смысл природы и человеческой жизни. Мацуо Басё (1644–1694), патриарх поэзии дзэн, использовал саби для того, чтобы “подсмотреть в небытие”; для этого он сводит предмет почти к нулю:

На голой ветке
Ворон сидит одиноко...
Осенний вечер!

Д.Т. Судзуки так комментирует это хайку: “Здесь есть великое Над – в одиноком вороне, застывшем на ветке. Все вещи появляются из неведомой бездны тайны, и через каждую можно заглянуть в эту бездну. Не нужно сочинять поэму из сотен строк, чтобы дать выход чувству, которое пробуждается, когда заглядываешь в эту бездну. Когда чувство достигает высшей точки, мы замолкаем, потому что нет слов, чтобы выразить это. Даже семнадцати слогов много. Японские мастера дзэн, следующие Пути², стараются выразить свои чувства как можно меньшим количеством слов или ударов кисти. Когда они выражаются слишком полно, не остается место для на-

мека. В намеке же – тайна японского искусства. Чем меньше понятно, тем лучше, считают мастера”.³ Чувство саби пронизывает хайку – постоянное чувство иллюзорности существования, его быстротечности, его красоты. Все личные привязанности исчезают – вот почему грусть скорее похожа на мудрость, чем на тоску. Другими словами, саби – это соединение “я” с “не-я”.

Басё призывал своих учеников: “Возвысьте свое сердце! Пережив сатори, возвращайтесь в мир обыденный. “Сатори, говорит Судзуки, это “тот же повседневный опыт, только на два вершка над землей”. Самые обыкновенные вещи могут вызвать озарение: краб, ползущий по ноге; ворон, застывший на ветке; всплеск воды от лягушки, прыгнувшей в пруд. В момент сатори ум озаряется, душа распахнута в мир, все видишь в неповторимости: цветок в его “цветочности”, дерево в его “древесности”.

Уитмен

В противовес японским, почти несуществующим стихам, великий американский поэт Уитмен (1819–1892) производит поток слов со спонтанностью, не уступающей мастерам дзэн. Он не сводит предметы в точку, а напротив, безгранично расширяет свою поэзию, не подчиняясь ни правилам, ни нормам. Его сборник стихов *Листья травы* – непревзойденный по свободе выражения и богатству жизни шедевр экопоэзии Запада. Внутренний ритм его стихов рожден сменой бесконечных картин, разворачиваемых перед нами; вечные вопросы, которые он ставит перед нашим сознанием, по сути, те же дзэнские коаны⁴:

Ребенок сказал: Что такое трава?

И принес мне ее полные горсти,
Что мог я ответить ребенку? Я знаю не
больше его, что такое трава.
Может быть, это флаг моих чувств,
сотканный из зеленой материи – цвета
надежды.

Или, может быть, это платочек от Бога,
Душистый, нарочно брошенный нам
на память, в подарок,

Где-нибудь уголке есть и метка, чтобы,
увидя, мы могли сказать, чей?
Из “Песни о себе” (*Листья травы*).

Он боготворит каждое земное существо, каждое проявление жизни и признает их превосходство перед искусственными человеческими поделками. Следующие строчки, из той же поэмы, могут служить гимном для всех сторонников глубинной экологии:

Я верю, что листик травы не меньше
сверкающих звезд,
И что не хуже их муравей, и песчинка,
и яйцо короля,
И что древесная лягушка – шедевр, выше
которого нет,
И что ежевика достойна быть украшением
небесных гостиных,
И что малейший сустав моих пальцев
посрамляет всякую машину,
И что корова, понуро жующая жвачку,
превосходит любую статую,
И что мышь – это чудо, которое может одно
сразить секстильоны неверных.

Уитмен прослеживает всю драму эволюции с незапамятных времен – но поразительно! мы не слышим в прославлении мужчины и женщины ни нотки самомнения или исключительности; он подчеркивает внутреннее родство между всеми существами и нами:

Долго трудилась вселенная, чтобы создать
меня.

Ласковы и преданны были те руки,
которые направляли меня.

Вихри миров, кружась, носили мою
колыбель, они гребли и гребли, как
лихие гребцы.

Сами звезды уступали мне место,
вращаясь в своих кругах.

Покуда я не вышел из матери, поколения
направляли мой путь,

Мой зародыш в веках не ленился,
Ничто не могло задержать его.

Для него стусились в планету мировые

туманности,
 Длинные пласты наслоялись, чтобы
 стать для него опорой,
 Гиганты-растения давали ему себя в пищу,
 И чудища-ящеры лелеяли его в своей
 пасти и бережно несли его дальше.
 Все мировые силы трудились надо мною
 от века, чтобы создать и радовать меня,
 И вот я стою на этом месте, и со мною
 моя крепкая душа.
 “Песня о себе” (*Листья травы*).

Тагор

Глубокое влияние на мировую, в частности, восточную, экопоэзию, оказал Рабиндранат Тагор (1861–1941), великий индийский мыслитель, поэт, художник и композитор. Его наследие огромно, его вклад в метафору и образность бенгальского языка, неоценим, его страсть к жизни беспредельна. В непрерывной борьбе и тяготах Жизни, он обнаруживает скрытый божественный дар любви. Поэтому он говорит: “Зелень травы – божественная музыка, человек – божественные слова”.⁵ Некоторые из его шедевров написаны на превосходном английском языке и переведены на многие языки, а именно: “Гитанджали” (1912), “Садовник” (1913), “Залетные птицы” и другие сборники.⁶

Ниже я привожу свой перевод одного из стихотворений Тагора, удивительно перекликающегося с поэзией Уитмена, в котором Тагор, говоря о единстве человека и вселенной, непосредственно обращается к Богу:

Сегодня я знаю, что в сердце
 всех вещей живешь Ты.
 Ты, которого я всегда любил.
 Среди толпы, во все времена,
 существовали только Ты и я.
 Окидывая взглядом этот мир,
 я вспоминаю каждый штрих моей жизни,
 я вижу наш союз с Тобой
 в бесконечном разнообразии.
 С незапамятных времен я принадлежу
 Вселенной,
 хотя много уже позабыл.

В свете мерцающих звезд,
 пробивающих тьму,
 была и частица меня, колеблющаяся
 с Тобой.
 Смотрю на покрытую травой
 трепещущую землю
 в утренний час сбора урожая –
 я ищущую свою душу
 и радость переполняет мое сердце:
 я нахожу ее в невысказанных словах
 природы.

В сердце молчаливой земли
 живет вечное чувство,
 на ее поверхности – вечная жизнь
 В золотистом свете осени
 мы дрожим с тобою вместе
 на бессчетных
 стебельках травы...
 Миллионы лет назад, когда над землей
 занялся первый рассвет,
 разве Ты не взял луч солнечного света
 и не вплел его в мою жизнь?
 Кто знает, как я появился на свет
 однажды утром;
 какую форму Ты придал мне,
 спрятавшись,
 чтобы я расцвел в будущем?
 О Ты, безвременный, существующий
 раньше времени,
 Ты отливал меня заново в течение многих
 веков,
 Живущий рядом со мной,
 Ты останешься со мною вечно.

Тагор, который ищет более личный контакт с Богом, чем Уитмен (поразительное соединение христианства и Упанишад!), в полном согласии с буддийской традицией, ощущает единство с каждым объектом и существом Вселенной. Он так комментирует это стихотворение:

“Я чувствую, что в неведомые времена я побывал в неведомых, странных условиях и через них пришел к своему настоящему существованию. Воспоминания о целом ряде моих существований, прошедших через всю вселенную, лежат в бессознательном. Вот почему я чувствую странную привязанность к животным и растениям. Вот

почему эта огромная и загадочная вселенная не кажется мне враждебной.

Тагоровская философия религии поистине универсальна и охватывает элементы всех мировых религий – буддизма, индуизма, христианства, дзэн и даосизма. Она предназначена, по его словам, “установить совершенную любовь между Высшей Душой и душой всех земных существ”.

Гёте

Великий немецкий поэт Иоган Вольфганг Гёте (1749–1832) был несомненно самым “экологичным” среди европейских поэтов, а также наиболее “научным” в западном смысле. “Я сравниваю Землю, – писал он по поводу своих барометрических исследований земной атмосферы, – с огромным живым существом, которое постоянно вдыхает и выдыхает”.⁷ Он был так же неисчерпаем, как сама земля. Его природа – в сравнении с Басё, Уитменом, Тагором – активная, ищущая, творческая. В социальной жизни он не признавал никаких других законов, кроме естественных (он называл их демоническими⁸). Интересно, что он не принял французскую революцию, заняв, вообще говоря, реакционную, роялистскую позицию. Мотивы? Насилие противоречит природе. Диспут в отношении происхождения видов значил для него гораздо больше, чем все социальные пертурбации вместе взятые. “Познавать природу – это значит чувствовать ее дыхание; каждое научное открытие – это одновременно и религиозное событие”. Разногласие между наукой и верой, поразившее сердце современного человека, было неведомо Гёте: он был первым (и, наверное, последним), кому удалось разрешить эту дихотомию. “Я всегда был уверен, что мир не мог бы существовать, если бы не был так прост” – одна из глубочайших догадок гетевской религии. Простота мира и есть его чудесность, таинственность, божественность. “Все мы бродим ощупью среди тайн и чудес; высшее, чего может достичь человек в познании, есть чувство *изумления*” (нем. *Erstaunen*). Это чувство приближает его к цитируемым выше поэтам. Он также верил в бессмер-

тие духа, как и природы: “Никогда и ни при каких обстоятельствах в природе не может быть и речи об уничтожении таких высоких душевных сил; природа никогда не расточает так своих сокровищ...”

Много поколений на западе восторгались широтой его философии, и, конечно же, его главная поэма – “Фауст” – становится вершиной всех его устремлений; в ней он дает долгожданный ответ заблудившемуся человечеству. Удивительно, но его ответ поразительно гармоничен с современным “зеленым” движением (в то же время парадоксальным образом противоречит его социальному конформизму!). Его ссылка на “гнилой воды застой”, конечно же, аллегорическое представление человеческих пороков. Ниже приводится последний монолог Фауста⁹, в котором мы находим “конечный вывод мудрости земной”:

До гор болото, воздух заражая,
Стоит, весь труд испортить угрожая;
Прочь отвести гнилой воды застой –
Вот высший и последний подвиг мой!
Я целый край создам обширный, новый,
И пусть миллионы здесь людей живут,
Всю жизнь в виду опасности суровой,
Надеясь лишь на свой свободный труд.
Среди холмов, на плодоносном поле,
Стадам и людям будет здесь приволье;
Рай зацветет среди моих полей,
А там, вдали, пусть яростно клокочет
Морская хлябь, пускай плотину точит:
Исправят мигом каждый в ней изъян.*
Я предан этой мысли! Жизни годы
Прошли не даром, ясен предо мной
Конечный вывод мудрости земной:
*Лишь тот достоин жизни и свободы,
Кто каждый день за них идет на бой!*¹⁰
Всю жизнь в борьбе суровой,
непрерывной
Дитя, и муж, и старец пусть ведёт,
Чтоб я увидел в блеске силы дивной
Свободный край, свободный мой народ!

* Гёте, конечно, экологичен, но вообще-то Фауст в своем последнем монологе воспекает преобразование и окультуривание природы, противопоставляя ее природе дикой – *ред.*

Тогда сказал бы я: мгновенье,
Прекрасно ты, продлись, постой!
И не смело б веков течение
Следа, оставленного мной!

Экопоэзия мира

Мощные истоки экопоэзии заключены во многих произведениях мировых поэтов. Мы отмечаем огромное разнообразие стилей, направлений, жанров, форм. Поистине, поэзия также многолика как и сама жизнь; именно из жизни она черпает свою неувыдающую силу и вечный интерес. Гёте сравнивал историю цивилизации с грандиозной фугой, в которой каждая нация, по очереди, поет своим отличительным голосом. Для поддержания красоты человеческой симфонии, каждый голос должен иметь свой отличительный тембр и звучание. И мы слышим застенчивые, почти японские по духу, стихи Эмили Дикинсон (1830–1886); задумчивые стихи Роберта Фроста (1874–1963); афористичную поэзию Вильяма Блэйка (1757–1827) экологическую лирику Вильяма Вордсворта (1770–1850); мистические эссе Мориса Метерлинка (1862–1949), философские стихи Федора Тютчева (1803–1873). Всего несколько имен – но какая гамма звучания! У всех народов есть экопоэты, о которых мир может ничего не знать, но одно можно сказать наверняка: все они говорят на универсальном языке природы. На ум приходят стихи еще одного замечательного японского мастера хайку, Кобаяси Иссэ:

Чужих меж нами нет!
Мы все друг другу братья
Под вишнями в цвету...

Они всегда будут нашими учителями, нашими маяками в беспокойном мире, поэтому нам, честное слово, не надо расстраиваться.

Спасет ли красота мир ?

Что такое красота? Есть ли у нее универсальное мерило? И что имел в виду Достоевский, когда говорил, что “Красота спа-

сет мир?” Думаю, что экопоэзия, до некоторой степени, отвечает на этот вопрос. Хотя истинная красота превышает любые попытки ее определения. И все-таки риску дать ей определение.

Начнем с того, что красота – не человеческое “изобретение”, она *уже* существует. Это универсальный закон, который мы только начинаем постигать. Но его нельзя постичь размышлением, логикой, или используя наш обычный язык. Каким-то образом красота связана с цельностью мира. Все культурные устремления – всего лишь слабое приближение к идеалу; наша самонадеянная цивилизация создает синтетическую красоту, выражая ее посредством “вещей” с ограниченными “функциями”. Эстетика и этика на протяжении столетий имели явно выраженный антропоцентрический уклон. Даже такой гений как Оскар Уайльд весьма подозрительно относился к природной красоте и воспринимал ее только через человеческие творения. Такие же тенденции мы видим сегодня, когда красоте пытаются загнать в виртуальную реальность, или киберпространство. Будучи неспособным постичь природу и, как следствие, достойно приспособиться к ней, человечество решило создать искусственный мир, которым легче манипулировать.

Но будем надеяться, что люди не такие уж бесчувственные существа. Возможно, нависшая над нами экологическая катастрофа тем или иным способом напомнит нам о нашем предназначении и самом главном, что мы можем потерять.

Ради союза между Тобой и мной
существует свет во вселенной.
Ради союза между Тобой и мной
земля окрашена в бледнозеленый свет.
Ради союза между Тобой и мной
ночь замерла беззвучно с
младенцем-миром на руках.
Рассвет уже что-то бормочет,
стучится в приоткрытую дверь на восток.
Корабль надежд плывет по волнам
вечности;
берег, куда он стремится, – это наш союз.

Цветы веков уже собраны в букеты
для встречи двух влюбленных.

Тагор (*Наша вселенная*).

Литература

1. R. Tagore, *A Tagore Testament*. (Trans. Indu Dutt.), Jaico Books. 1980
2. D.T. Suzuki, *Zen Buddhism. Selected Writings*. New York.
3. Уолт Уитмен, *Листья травы*. (В пер. К.И. Чуковского), М.: ГИХЛ, 1955.
4. Д.С. Мережковский, Полн. собр. соч. т. 17 *Вечные спутники* (М.: типография И. Сытина, 1914).
5. Т. Григорьева, *Красотой Японии рожденный*. (М.: Искусство, 1993).
6. R. Tagore, *Our Universe*. (Indu Dutt trans). Jaico Books. 1980.
7. T.H. Johnson (ed.) 1955. *The Poems of Emily Dickinson*. Cambridge: Harvard University Press.
8. M. Ueda, *Matsuo Basho*. New York, NY. 1970.
9. St. John, Donald P. 1992. "Whitman's Ecological Spirituality." *The Trumpeter*: Vol. 9-3.

Сноски

1. Dutt, Indu (trans.) 1980. *A Tagore Testament*. Jaico Books.
2. Дао, или Путь – центральная философская категория даосизма, означающая ось вселенной, динамическое равновесие между полюсами. Даосизм отвергает логический дискурс и базируется на спонтанности природы.
3. Barret, W. (ed.) 1956. *Suzuki, D.T. Zen Buddhism. Selected Writings*. New York.
4. Коаны – алогические загадки, используемые мастерами дзэн для инициации озарения учеников.
5. Здесь и далее цитаты из [1].
6. Самые лучшие переводы Тагора были выполнены Н.А. Пушешниковым (под ред. И.А. Бунина); см. например, Рабиндранат Тагор, Соч. в 7-и томах, т. 7, М.: ГИХЛ, 1957. В советское время глубокий религиозный смысл стихов Тагора выхолащивался.
7. Здесь и далее цитаты по книге: Д.С. Мережковский, Полн. собр. соч., т. 17, *Вечные спутники*, (Москва: типография И. Сытина, 1914).
8. От daimon – Бог, в типично гётевском, античном смысле.
9. И.В. Гёте, Избранные произведения. М.: ГИХЛ, 1950. (Пер. Н. Холодковского).
10. Выделено мной.

Остмысление дикой природы в польской поэзии

М. Чижишина

“Зелений світ”, г. Чертков, Тернопольская область

*Непроходимые джунгли разрастаются в людях
В эпоху, когда исчезают леса.*

В. Яхимович

Уже мне звезд не видно снизу,
Небесная поблекла синь.
О Вседержитель! Дай мне визу
В пустынейшую из пустынь.
Чтоб, не грустя, не презирая,
С любовью очи я возвел
В те дали без конца и края,
В сиявший истиной костел.

Ю.Тувим.

В мировой поэзии, начиная с древних времен, скажем, с наиболее известного нам Гомера, есть уже много примеров, когда

природа наделена высшей эстетической ценностью.

Со временем образ природы в литературе (и в жизни) становился более значимым и необходимым, неотделимым от человеческой жизни. Просвещенные европейцы все более начинали понимать неотделимость человека от природы. И, хотя в литературе картины природы носили еще описательный характер, то в жизни в восприятии природы происходят большие изменения, например, в садоводстве – переход от геометрического “французского”

сада к “английскому” саду-ландшафту; все чаще совершались путешествия в трудно-доступные гористые местности, привлекали людей морские путешествия. И уже в конце XVIII в. в противовес “цивилизованному” саду выдвигается вольная природа, открытие красок дикой природы – густых лесов, высоких горных вершин, озер, океана, звездного неба. В Польше, Литве, Беларуси нетронутой дикой природы было много и в ней росли, о ней писали польские поэты-романтики – А. Мицкевич и Ю. Словацкий. В поэме “Пан Тадеуш” А. Мицкевич пишет:

Кто мог бы исходить литовские чащобы?
Чье зренье острое проникнуть вглубь
могло бы?

Не перебраться нам сквозь гиблые озера,
Во веки вечные на них не бросить взора,
Скрывает облако глухую чащу бора.

.....
Здесь свято чтит зверье исконные уставы,
Хранит обычаи – залогом доброй славы.
Цивилизации нет в заповедной шири.
И собственности нет, поссорившей всех
в мире.

Нет поединков здесь, нет воинской науки,
Как жили прадеды, так поживают внуки.
Медведи с лосями встречаются друзьями,
И лисы с зайцами играют под ветвями.
Когда бы человек забрел сюда случайно,
Его бы встретило зверье необычайно;
Глядело б на него, застыв от изумленья,
Как в тот субботний день, последний день
творенья,

Их праотцы глядели на Адама,
До ссоры роковой, – доверчиво и прямо,
Однако, человек сюда не глянет даже,
Тревога, Труд и Смерть стоят на вечной
страже!

Но вскоре человек-страдалец находит
сочувствие в нетронутой, неискаженной,
неиспорченной природе.

Я помню осень, поздний час, прохладу...
.....
Я шел меж зарослей куда глаза глядели...
Росинки землю в легкий блеск одели;

Как снег лежал туман кой-где в долине.
А.Мицкевич “Дядя”.

Поэты-романтики все писали о природе, но оценка человека, живущего на лоне природы у них разная. Так, у английских поэтов Вордсворта и В. Скотта образцом выступает человек, жизнь которого близка к природе и он доволен своей простой судьбой.

Лесов и рощ прохладна тень,
Незыблем мрак ночной,
Здесь тьма и лень,
Здесь полон день
Весной и тишиной.
В. Скотт

Мой конь, обрызганный росой,
Играет и храпит,
Мое поместье под луной,
Ночной повито тишиной,
В горячих травах спит.
В. Скотт

У Байрона на передний план выдвигается вольная жизнь и моральное превосходство естественного человека (“Манфред”, “Чайльд Гарольд”). Тема вольности и свободы звучит и в произведениях русских романтиков – Пушкина и Лермонтова (особенно в “кавказской” тематике).

У А. Мицкевича только в отдельных стихотворениях природа выступает как вольная стихия, свободный, прекрасный мир, отличный от человеческого (“Крымские сонеты”), где горы необъятны и величественны, их сверкающее великолепие, их возвышающая красота и пространственная высота ассоциируются с высотой духа.

Чернеют гребни гор, в долинах ночь
глухая,
Как будто в полусне журчат ручьи
впотьмах.
Склоняюсь с трепетом к стопам твоей
твердыни,
Великий Чатырдаг, могучий хан Яйлы.
О мачта крымских гор!

О минарет Аллы!
До туч вознесся ты в лазурные пустыни.

Нигде, мне кажется, нет такого точного соответствия настроения поэта с миром природы как в польской поэзии.

И сколько образов дарила глушь лесная;
Садился я на холм, охоту забывая,
Седобородый мох на том холме высоком,
Черника заалела иссиня-черным соком,
Цветущим вереском отсвечивали дали,
И ягоды в листве, как бусины, сверкали.
А ветви наверху темнели, словно тучи,
И застлала высь завесою дремучей.

А. Мицкевич, “Пан Тадеуш”.

Часто поэт спешит к природе от сложных общественных проблем, от неуверенности в своей повседневной жизни, от бед и разочарований, от сомнений и печали. И внутренняя связь с природой приносит ему облегчение, придает новые силы.

О, если б сердце улететь могло бы
Туда, где я не знал ни слез, ни злобы,
Где, как по лугу желтому, по свету
Бродили, радовались первоцвету,
Топтали белену, а трав целебных
Не избегали на лугах волшебных.
Тот край счастливый, небогатый, скромный
Был только наш, как божий мир огромный.
Все в том краю лишь нам принадлежало,
Все помню, что тогда нас окружало,
От липы той, что на холме росла там
И зеленью дарила тень ребятам,
До ручейка, бегущего по скатам.

А. Мицкевич, “Пан Тадеуш”.

Следует отметить большое влияние народных традиций, фольклорных мотивов на польскую поэзию. А в народной традиции – почитание природы и уважение к природе огромно. Самый радостный праздник лета Троица (Зельна), когда освящается благодатью Святого Духа все зеленое, все растущее и цветущее, когда целебные травы особенно волшебны и целебны.

Второй летний праздник – Ивана Купа-

лы, пик, макушка лета, когда оживает сама земля, когда расцветает волшебный цветок – папоротник, дарящий людям любовь.

В польской традиции всегда было принято одушевлять природу, любоваться ею. И польские поэты-романтики обращаются к природе как к живому существу, сочувствующему человеку, как к доброй матери, хранящей память о счастливых днях быстротекущей жизни.

Где светел луг и ландыши влажны,
Благоухают сосны и калины,
Где в ручеек березки влюблены,
Где одинока роза среди равнины.
Где ходили были б нужны,
Что б пересечь болота и трясины,
Но я на крыльях там парил не раз,
Как месяц в тучах – то сиял, то гас.

Ю. Словацкий, “Бенёвский”.

В традиции польской поэзии восхваление красоты родной земли, гордость за нее. Иногда это проявляется в связи с воспоминаниями о детстве, юности или это тоска по родине у таких изгнанников как А. Мицкевич и Ю. Словацкий. Они ищут спасения от давящего на них чуждого мира и находят созвучия этому в природе.

А между тем налево и направо
Литовские леса темнели величаво.
Кудрявый хмель обвил черемуху
багрянцем,
Рябина расцвела пастушеским
румянцем,
А рядом с жезлами орешины-менады
Орехов жемчуга вплели в свои наряды.
И тут же детвора – шиповник и калина,
Устами спелыми к ним тянется
малина,
Дубы с кустарником переплелись
ветвями
И каждый кавалер уже склонился
к даме.
А сбоку парочка, ну, впрямь,
молодожены
Всех выше, всех стройней, всех зеленее
кроны,

От всех отличные осанкой и нарядом –
Береза белая и граб влюбленный рядом.
Вдали безмолвные ряды высоких буков,
Они, как старики, любят на внуков.
Седые тополи, за ними бородастый
Пятисотлетний дуб, от старости

горбатый

На предков оперся сухих, окаменелых,
Как на кресты могил, давным-давно
замшелых.

А. Мицкевич, “Пан Тадеуш”.

Природа навевает им мирные сны и
сладкие грезы, дает покой и забвение или
возбуждает бурное смятение чувств, под-
тверждающих силу мятежного духа и не-
удовлетворения страдающей личности.

Деревья старые, вас меньше год от году,
И вырубает вас стяжательству в угоду!
Не петь лесным певцам в густой листве
весенней,

Поэтам не мечтать под шелковистой
сенью.

Я отклик находил у липы в Чернолесье,
Дуб, старый говорун, разросся
в поднебесье,

Нашептывал певцу сказания не раз.
А скольким, скольким я, деревья, вам
обязан.

А. Мицкевич, “Пан Тадеуш”.

Польские поэты одушевляют, очелове-
чивают природу, приближая к ней своего
героя, и часто воспевают людей, живущих
на лоне природы, психологически цельных
и не лукавых.

“Панове, – он сказал, – не место здесь
раздорам,
Луга, поля, леса – единственный наш
форум!”

А. Мицкевич “Пан Тадеуш”.

Следует вспомнить о еще одной поль-
ской традиции, сути, потребности – о вере,
о вере в Бога. О вере, которая возвышает
все, созданное творцом, и природу прежде
всего. Один из самых любимых в Польше
святых – Франциск Азизский – покрови-

тель и защитник природы, один из первых
учителей экологов.

И здесь нельзя не рассказать о совре-
менном польском поэте, любящем людей и
природу. Это священник и поэт (современ-
ный классик) – Ян Твардовский.

В своих стихах он чувствует и осязает
весь мир, всю Вселенную. Но его стихи, его
мысли и чувства не космичны, не масш-
табны – они проникновенны и просты, щедро
согреты добротой его сердца и лаской
Бога – творца всего живого.

В его стихах мир человека и природы
один, общий. Каждый цветок, травинка,
птица полны значения, смысла, и в то же
время они просты и беседа с ними окраше-
на светлой печалью, легкой грустью, свет-
лым юмором.

Тает лето
Со мной только кусочек
Растворяюсь в нем.
А тем временем растет ромашка,
Коровяк растертый пахнет как
хризантема,
Сова брови хмурит,
Кмин вкус обеда освящает,
Приводит влюбленных от котлеты
к сердцу.

Вчитываясь в стихи Я. Твардовского, на-
чинаешь по-новому видеть хорошо знако-
мые предметы и явления, находишь в себе,
казалось, забытые нюансы чувств, самые
повседневные явления предстают перед
нами в обновленном виде, как будто встре-
чаемся с ними впервые.

Поздняя осень – шестая пора года,
Золото плачет, падая с дерева.

Природа в его стихах неотделима от
человека, она не просто часть его, она жи-
вая и родная, она живет с нами, смеется и
грустит и она достойна благоговения, по-
тому что человек умирает, а она вечна и
каждую весну возрождается снова.

Береза слишком деревенская, чтобы
жить в городе,

Хранящий тайны граб в самый раз
на обои,
Рябина для дроздов звенящих
и скворцов,
Акация, у которой не золотой только
белый мед,
Ольха, единственная имеешь
при листьях шишки,
Боярышник, что хранишь соловья
в кровавых ягодах,
Ясень, что первый теряешь листья,
приближая нам осень,
Попросите Божью мать,
Чтобы мы после смерти
В каждую свободную субботу ходили
по лесу
Оттого что небо не небо
Если выхода нет.

Вчитываясь в стихи Яна Твардовского, испытываешь ощущение незнакомого счастья оттого, что ты часть мудрого замысла, мудрой системы, которая называется Природой. Где место человека в ней? Как найти гармонию и покой в лабиринтах жизни и лабиринтах души? Как преодолеть горечь

утраты Эдема, когда человек был по-настоящему счастлив и не знал этого? Самым важным в его поэзии является человек, его впечатлительность, чуткость, обычный человек, кто каждый день подвергается искушению, кто считает, что земной ад – это духовное убожество, моральное оскудение, неумение различить добро и зло.

Ян Твардовский – истинный христианин – с глубокой любовью и осторожностью относится ко всему живому, он видит внутреннюю сущность всего живого, его необходимость на земле.

Пошел в леса огромные искать
Буки червленные,
Ежевика, дозрелых детей малых,
Рогов оленьих,
Ягод настоящих возле живого
муравейника

И в очи Сарны – бронзовой панны
Посмотреть близко,
Шишек упавших – тайн свиных
Одолжить,
И мысль о Боге – без конца.

Звезды в защиту тюленей

Ричард Дин Андерсон, Пирс Броснан, Шон Пенн, Крисчиан Бэйл, Рутжер Хауэр, Линда Блейр, Джеймс Кромвел и Мартин Шин присоединились к движению, организованному обществом “Sea Shepherd” за спасение детенышей тюленей от ежегодной весенней бойни в Канаде.

Последним известным именем, добавленным к списку участников, была Пэрис Хилтон (наследница многомиллионной империи “Хилтон”).

Едва ли можно найти более благородный способ применения своей популярности, чем выступление в защиту бессловесных существ.

Капитан Ватсон, основатель “Sea Shepherd” возил с собой на лед знаменитостей, и они смогли своими глазами увидеть неопишемую жестокость, происходящую там во время промыслового сезона.

По существующей канадской квоте в этом сезоне, только легально будет зверски забито 350 000 детенышей тюленей.

Люди мира должны знать, о том, что происходит на планете с ее обитателями, и этому помогают голоса тех, кому дан более удачный шанс на то, что его услышат.

Стихи о заповедниках

Ксения Авилова

* * *

Заповедники России,
Да минует Вас беда,
Необузданная сила,
Ненасытная орда.
Средь разора вы пригожи,
Средь неволи вы вольны!
Был бы мир на вас похожим,
Если б не было войны.
В беззаконье вы законны,
Остров правды в море лжи.
Ваши люди непреклонны,
Нерушимы рубежи.
Мир вам в солнце и в ненастье,
Да пребудут навсегда
Отвоеванное счастье,
Побежденная беда.
Заповедники России!
Всех святых за вас молю.
Словно сводки фронтовые
Сообщения ловлю!
Люди смертны, царства бренны,
Бог помилуй и спаси!
Будьте неприкосновенны,
Эталоны всей Руси!

Аскания-Нова

На Украине, словно в печке, жарко,
Ни холодка, ни ветра на заре,
А птицы привыкают в зоопарке
К июльской обжигающей жаре.
И каждым утром, стройные, как гусли
С отточенными формами судов,
Шеренгой белой выплывают гуси,
Питомцы приполярных холодов.
Они взлетают, разбежавшись плавно,
Дробят и колют зеркало пруда.

И удивленно вслед кивают плавни,
Дремучая зеленая вода...
Их родина лежит за дальней далью,
Где ветры только волны теребят,
Ты их не жди обратно, Заполярье,
Они живут далеко от тебя.
Не ждите их, тропиночки оленьи,
Не жди, ненастный тундряной апрель,
Они от вас за десять поколений,
За сто цивилизованных земель!
Но даже здесь, под этим южным небом,
Со мною рядом гуси принесли
Дыханье свежеевыпавшего снега
Неведомой полуночной земли.

1971 г., Аскания-Нова

Черноморский заповедник

Я не знаю, может, это снится,
Только что ты там ни говори,
Есть на свете розовая птица,
Птица цвета утренней зари.
Для нее – оранжевые зори
Для нее – зеленая трава,
Для нее – волшебники над морем
Голубые, ставят острова.
Я в жар-птиц и в синих птиц не верю,
Канули в столетья чудеса,
Верю только в розовые перья,
В алые тугие паруса.
Пусть для вас не будет странным это,
То, что мне так долго не забыть –
Чайку нежно-розового цвета,
Парусную лодочку судьбы.

1971 г., Черноморский
заповедник, о. Орлов

Декларация прав природы

А. Асмолов

От имени Природы говоря...
 От имени Природы и во славу
 Природе возвратим ее права,
 Пока Земля на Солнце не упала.
 Давно летим в космической пыли
 Куда?
 Зачем?
 И для чего? –
 Не знаем.
 Себе твердя: “Природы мы цари”, –
 В Природе ни фига не понимаем.
 Уж на Земле озоновый сквозняк.
 Смотри, чтоб Человечество не сдуло.
 Без прав Природы
 Жить нельзя никак,
 Пока Земная совесть не заснула.

Оставьте философию вражды,
 Враги природы и враги народа.
 Куда ни глянешь всех цветов враги,
 Все борются не разбирая брода.

Нет победителей и побежденных нет.
 И наша жизнь – совсем не бой
 на сцене.
 Не нужно над Природою побед.
 Уже достаточно кровавых воскресений.

Но снова клич: “Давайте выживать!”
 Борьба за выживание – новый лозунг.
 Вам было мало классовой борьбы?
 Взамен нее – зеленые угрозы.

Искусство жить трудней, чем выживать.
 Его уроки вместе постигая,
 Разучимся с Природой воевать,
 Себя Людьми в Природе узнавая.

От имени Природы говоря...
 От имени Природы и во славу
 Природе возвратим ее права,
 Пока Земля на Солнце не упала.

Однажды посетовали: в экологии нет позитивной личности мирового масштаба, такой крупной, как раньше в философии — Бердяев, Розанов, В.С. Соловьев и т. д. Впрочем, в рамках одной только экофилософии такому автору все равно было бы тесно.

Люблю утопистов. Не то чтобы я могла в утопии поверить, но общение с этими авторами дает возможность отдохнуть от проявлений всего низменного в человеческой природе, утешает, трогает, дает облегчение.

То, что расцвело в XIX в., ошеломив человечество, теперь ушло в рецессив, ассимилировалось. Частично истребилось. Наше поколение цепляется за остатки. Хоть плодами и пользуемся, но свидетелями не были и не будем: так быстро это, конечно, не вернется. То, что произошло в XX в. с музыкой, архитектурой, литературой — вдруг случится в XXI в. и с наукой?

Хоть и были-то их единицы (ну, может быть, десятки) — таких личностей мирового масштаба, но все-таки цивилизацию они за собой тянули. А сейчас такие бурлаки есть? Точнее сказать — наоборот. Они-то тянули как паровозы, это мы — как бурлаки. Экологи блестящие, конечно, есть, а вот универсалы? И если да, то сколько их? Серьезное этико-философское учение — как может быть узким? Мне кажется, для того, чтобы быть серьезным, оно должно брать под защиту все: природу, искусство, человеческую личность. Вот если бы кто-нибудь мог объединить взгляды позитивных мыслителей и представить вместе с анализом синтез! Или создать что-то совсем непохожее, столь же глубокое, широкое и масштабное... Но это же какая эрудиция нужна! В одной только этнологии пришлось бы по эрудиции догнать Л.Н. Гумилева, а этика, а психология, а другие науки, направ-

ления, дисциплины! Реально ли это вообще? Ведь пик уже пройден, “интеллектуальная пассионарность”, кажется, затухает!

Те, кого мы называем великими мыслителями — всегда одиночки. Их мысль необычна, капризна, непоследовательна, что с этим можно поделаться? А простому — как все объять? Они так своеобразны, что искреннее следование им не всегда и возможно. Их даже не всегда знаешь, как понять, и уж тем более трудно во всем соглашаться. Да и вообще, как среднему человеку выжить в реальности, если он смотрит в такие философские глубины. И человечеству было бы не выжить. (Слегка отвлекусь. Известно же, например, что среднему человеку от рождения доступны кое-какие истины, к которым мыслитель приходил за много мучительных лет: искать смысл жизни бессмысленно, в философствовании тоже никакого особенного смысла нет... И еще кое-какие вещи. Мыслитель мучится, ищет ответа, а средний человек с этим знанием рождается.)

Предположим, мыслителю “повезло”: набрался круг последователей, учение превратилось в религию. И что же произойдет? Последователи в своей приверженности продемонстрируют весь диапазон проявлений человеческой природы. Ведь это подтверждает история любой религии. Интеллектуальные бурлаки умеют превращаться в разбойную ватагу, чтобы пощипать расшиву цивилизации! Вообще, я не уверена, что взаимоотношения людей друг с другом и с природой зависят в первую очередь от религии... От чего же тогда? От уровня пассионарного напряжения? От черт, присущих в целом психологии вида *Homo sapiens*? Зато рядовой человек окажется перед необходимостью выбирать; да, я люблю, жалею природу, понимаю, почему древние ей покло-

нялись, но ведь я же христианин, как же я признаю, что природа выше Бога? Понятно, что выбор мучительный и не способствует обретению душевного равновесия. А без религии и вовсе человеку тяжело.

Предположим, что нашлась гениальная личность. Думаю, она не станет лишать людей родной веры (в нашем случае — христианства), а придаст своему учению статус философско-этического направления. Мысль о философско-этическом направлении совсем не нова для экологов, я же никакой Америки не открываю, присоединяюсь к тем, кто хотел бы его появления. Оно даст возможность представителю любой религии, не вступая в мучительный конфликт с самим собой, превратиться в последователя экологов. И будет не разобщать, а объединять исповедующих разные религии, ибо к религии не будет иметь отношения. И экологи получат максимальное количество приверженцев.

Основная причина возникновения религии — страх (сошлюсь на Э. Фромма, которого люблю за четкость). Философско-этическое течение питалось бы не страхом и отчаянием, а сочувствием, любознательностью, чувством справедливости.

Вот кого не хватает миру: широких специалистов по этике! По всей мировой этике. Есть ли они в списках специалистов, выпускаемых учебными заведениями мира? Насколько мне известно, этикой занимаются философы. Побольше внимания собственно этике в вузовском образовании — может быть, появилось бы больше спе-

циалистов, которые могут хоть немного помочь обществу регулировать отношения внутри него и отношения с природой. Очень здорово, если бы были кафедры мировой этики. На них студентам пришлось бы изучать, кроме экологии, физическую и экономическую географию, философию, этнологию, этнографию, историю, литературу, антропологию, подробно — мировые религии, и еще — психологию, психоанализ, психиатрию, экономику. Возможность пообщаться с такими специалистами облегчила бы жизнь атеистам — не все ведь в Бога верят, можно и вне вероисповедания жить и быть высокоморальным, порядочным и честным.

Эти специалисты занимались бы действительно мировыми взаимоотношениями. А то врачи изучают врачебную этику, биологи — биологическую, каждый — свою, а кто занимается этикой в целом? Может быть, я просто не в курсе? Вопросами этики занимаются и философы, и священники, но к слову священника вряд ли внимательно прислушаются атеисты и иноверцы, а в философии этике приходится делить внимание специалистов с другими направлениями и разделами. А есть ли такие, для кого вопросы этики являются основным содержанием и целью всей работы, узкие специалисты-этики с широчайшей эрудицией (без которой эта работа просто теряет смысл), специалисты по ЭТИКЕ ЧЕЛОВЕКА. Или как их там лучше назвать?

Н. Щербакова, г. Москва

В поисках дикости

М. Немцов

Сибирский экологический центр, г. Новосибирск

Рецензия на книгу: Тернер Д. Дикость и дикая природа. Киев: Киевский эколого-культурный центр, 2003. 77 стр.

Очень много времени проводит в горах. Как и почти все классики природоохраны, он ни в коем случае не является фанатом-отшельником; он активно ведет переписку по электронной почте, “до сумасшествия любит свой грузовой фورد”, путешествует по всему миру и следит за новой литературой. Короче, Тернер сочетает блага технологий современного общества и радости простой жизни вдали от шума городского. Пользуясь благами этого (современного высокотехнологизированного западного) общества как его полноправный представитель, он выступает все же против одной из его основ: устоявшихся представлений о природе и о методах ее охраны. Его критика целит не только в упрощенное и полностью потребительское отношение к природе большей части современных людей, но и против форм природоохраны, которые в этом обществе приняты, считаются перспективными, “продвинутыми” и фактически являются измененной (превращенной) формой все того же рационального природопользования. Эта критика использует не только обычный для американского радикального экологического движения набор суждений и понятий из работ Отцов-Основателей – Торо, Эмерсона и Олдо Леопольда, но использует и результаты, полученные рядом видных современных философов. Довольно разнообразный арсенал статистических фактов и глубокомысленных цитат Тернер направляет на объяснение и доказательство простой идеи, которая достаточно радикальна, чтобы поставить под сомнение многие современные экологические программы.

Дикая природа есть именно дикая при-

рода. В. Борейко много пишет о поклонении дикой природе; Тернер делает следующий шаг, вводя “дикое” как предельную категорию мировоззрения. Дикие друзья, дикая жизнь, дикая река. Дикость противостоит любой “культурности”, приручению и облагораживанию, по определению, дикое невозможно поставить под какой-либо рациональный контроль. Менеджмент дикой природы – противоречие в терминах. Дикое может быть только диким.

Дикое определяется негативно (через определение того, что не-дикое; именно так, апофатически, средневековые богословы рассказывали о том, что есть Бог), познается в опыте “пребывания среди дикого”, взаимодействия с ним. Это возможно при прямом контакте, сопряженном чаще всего с прямой опасностью (даже простая прогулка по национальному парку вне маркированной тропы опасна, ведь при этом возможно, например, столкновение с гризли, которое “означает испытать дикое наиболее естественным путем”, то есть почувствовать себя “частью биологического порядка, известного как пищевая цепочка” (с. 39); добровольно на такой впечатляющий опыт, вероятно, пойдут немногие). Но именно такой опыт рождает чувство иррациональной и очень эмоциональной связи, создает “ауру магии, духа, святости, божественного присутствия, души, наконец” (с. 64), короче говоря, только опыт дикой природы и может породить любовь к природе как любовь – а не форму эстетского любования пейзажем из окна остановленной в обзорной точке машины. Такое любование ни к чему не обязывает; но любовь к дикому превращает любящего в “дикого” – яро-

стного, нетерпимого (великое чувство любви нетерпимо) защитника того, что он любит. “Гнев питает надежду и поддерживает восстание, он предполагает суждение, предполагает... заботу” (с. 13). Гнев – ключевое слово; он присущ вполне принявшим дикое; и Тернер показывает, что как раз на замещение таких чувств, как гнев, а с ним – и духовность, сопричастность, благоговение работает современный менеджмент дикой природы. Его органичной частью, как показано в книге, вместе с правительственными комитетами являются и крупнейшие природоохранные организации.

Радикальная критика направлена против всех форм извращения дикости; вероятно, английское название книги – “The Abstract Wild” – лучше выражает это. Выражаясь философским языком, которого совсем не избегает Тернер, дикое всегда конкретно: ощутимо на вкус и на ощупь, недоброжелательно, непредсказуемо и удивительно. Зоопарк – не дикая природа. И национальный парк – тоже только подмена (Тернер ничего не пишет о российских заповедниках, видимо, это то, что он имеет в виду под “выделенной обширной областью дикой природы”). Такие извращенные формы дикой природы делают из нее только форму умственной абстракции. Теперь это лишь картинка, с которой не может быть никакой подлинной эмоциональной связи, никакой (кроме безответственной сентиментальности типа “ах, какой красивый водопад! Папочка, купи его!”). Природа (для автора природа может быть только дикой) вытесняется из сознания и стирается “коммерческими образами дикости: книжным чтением, календарями, постерами и картами местности” (с. 16), при этом активное “гневное” действие в ее защиту становится немислимым. “Стирание притупляет остроту утраты и удаляет нас от нашей ответственности” (с. 19). Возможности присутствия в диком непрерывно сокращаются, кроме прочего – и усилиями экологов.

Тернер указывает на две причины этого: утрату чувства дома (не развивая эту

тему, к сожалению) и то, в чем она выражается – экономизацию природоохраны, как частное проявление того, что “у нас нет более дома, кроме как в грубом коммерческом смысле: дом – это место, куда приходят счета” (с. 21). Любимое не может иметь стоимость; поэтому экспансия экономической расчетливости в охрану природы – применение языка ресурсов, затрат и прибыли для описания ценности чего бы то ни было природного – фундаментальное предательство и отказ. Очевидно, что деньги – “абсолютная абстракция”; как только что-либо оценено, оно становится частью обмена чего угодно на что угодно в денежном эквиваленте, а экономисты, используя свой родной язык, уж наверное смогут обосновать выгодность обмена данного участка дикой природы на, допустим, дамбу (больная тема экологов Юго-Запада США). Представление природы как совокупности оцениваемых ресурсов, таким образом – мощное средство замещения дикого “абстрактным диким” с последующей его очисткой от природы. Оно должно быть включено в приводимый самим автором перечень того, что ведет к росту абстракций, “которые делают абстрактным даже дикое”: 1) недостаток персонального опыта природы; 2) предпочтение искусственного (копий и суррогатов) натуральному; 3) рост зависимости от экспертов в контроле над природным миром, “которого мы больше не знаем”; 4) предпочтение “экономики, развлечения и рекреации” другим ценностям (судя по всему, религиозным или квазирелигиозным; сам Тернер – буддист); 5) однородность и стирание всех разнообразий по мере распространения западного мышления; 6) “растущее игнорирование того, что мы утратили” – непонимание значения самого факта “кражи” у нас дикого.

Дикое не может быть коммерчески прибыльным. Оно не синонимично эстетической привлекательности. Это не синоним биоразнообразия, с которым может обратно соотноситься (с. 48). Это – предмет любви и веры, который должен просто быть, как точка отсчета в природоохране и вооб-

ще в современном сознании. Тернер призывает строить “новую природоохранную этику, основанную на дикости”, – прежде всего, для этого необходимо осмысление опыта Генри Торо, “апостола дикости”; это, в принципе, обычно для американского радикального эколога.

В целом, книга вдохновляет на искренность, непреклонность и преданность, хотя оставляет немного двойственное впечатление.

Довольно оригинально в контексте природоохранной литературы использование понятия современной философской социальной критики для обоснования радикального разрыва с экологическим мейнстримом и вообще с господствующими идеологиями (в 1996 г., когда вышла книга, еще не разгорелись дискуссии вокруг глобализации, но в мексиканских лесах уже родилось антиглобалистское движение, выступившего именно против “глобальной уравниловки” с лозунгами “Мир – не на продажу!” и “Другой мир возможен!”). Книга Тернера вполне может быть прочитана в контексте этого движения). Но именно это и указывает на ущербность аргументации Тернера. Убедительно критикуя абстрактное восприятие дикого, автор избегает четкого подробного указания на его источник. Он пишет: “структура, которую должна изменить радикальная позиция защиты окружающей среды (так!), это система позитивной обратной связи, включающая перенаселение, урбанизацию, возмутительно высокий уровень жизни (так?), возмутительно несправедливое распределение базовых благ, соединение классической науки, технологии, государства и рыночной экономики, которые поддерживают высокий уровень жизни, бесконечные допущения относительно наших прав, свобод и привилегий и полное отсутствие духовной жизни, которое могло бы смягчить эти формы жадности”. Он убедительно повествует о своей ненависти к экономике за то, что она “разрушает волшебное кольцо жизни” (с. 29). Но масштабу проблемы должен ведь отвечать и масштаб предлагаемых средств.

Прежде всего, откуда же берутся эти абстракции? И почему экономика как образ мысли столь влиятельна? Тернер, будучи профессором философии, не может не знать, что его коллеги, на которых он прямо ссылается (с. 14), уже назвали имя, так сказать, главного врага: капитализм. Критикуя абстракции, Тернер выступает против отчуждения – так это называется. А отчужденное, частичное сознание, сводящее, например, все богатство переживаний дикого к одному лишь “живописному и необычному” (с. 16), превращающее животных в часть лабораторного оборудования, не говоря о других неприятных его проявлениях, всегда воспроизводится и будет воспроизводиться в условиях капиталистического общества. Спрашивается, если новая этика, к которой призывает Тернер, экономически не выгодна – как он предложил бы распространять ее среди экономически мыслящих современных людей?

Короче говоря, это возможно при изменении базовых основ всего общества. И это – политика. Призывы не считаться с экономическими расчетами, а “жить дикой жизнью” особенно убедительны от человека, использующего все возможные блага экономически развитого общества! Капитализм вполне может терпеть и развешивающего по всему свету с высокодуховными и очень экологичными целями буддиста (сотрудника коммерческого предприятия “Национальный парк Гранд Тетон”), с его призывами к духовности и единению с дикой природой. Не является ли его позиция скрытой формой защиты этого общества от себя самого, от развешивающего его ресурсного подхода ко всему (к человеческой жизни, к отношениям супругов, к дикой природе, к китам...)? Точнее, способом уклониться от прямого вопроса к самому себе – так почему же на самом деле у нас все меньше дикого? Т. е. почему мы все более отчуждены?

Более того, не в этом ли нежелании выступить против капитализма, т. е. выдвигать политические требования, состоит различие “просто” экологов, для которых Тер-

нер не жалеет сарказма и горечи, и радикальных экологов, к которым он стремится себя отнести и которые сегодня пополняют ряды т. н. антиглобалистского движения? Впрочем, когда вышла эта книга, дискуссии о “глобализации” еще не вошли в моду; но странно, что слово “капитализм” в ней не упоминается.

И вот, оказывается, что последовательная радикально-экологическая критика превращается в социальную критику, и приводит к требованию политических измене-

ний. Иначе блестящая критика абстракций в какой-то момент превращается в довольно типичную проповедь преимущества духовных ценностей над потребительскими, оставляя в недоумении насчет возможности изменения этих ценностей у сколь-либо значимой массы людей. Впрочем, Джек Тернер – философ; он указывает направление. Возможно, что расчищать завалы уже не его работа. “Дикое и дикая природа” – лишь один из полезных целеуказателей.

Обзор зарубежной и отечественной литературы по гуманитарной экологии

Taylor P. Respect for nature. A theory of environmental ethics. Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 1989. 329 p.

Одна из наиболее полных и всесторонне разработанных зарубежных работ по экологической этике. В этой книге американский экофилософ Пол Тейлор дает обоснование уважения к природе, главному, по его мнению, нашему этическому отношению к природе. Тейлором разработаны довольно универсальные нормативные принципы и правила отношения к природе и разрешения конфликтных ситуаций (они опубликованы в ГЭЖ № 1 и 2 за 2004 год).

Sagoff M. The economy of the Earth philosophy, law and the environment, Cambridge University Press, 1994. 271 p.

Книга американского автора Марка Сагоффа посвящена критике экономических взглядов в охране природы, когда анализом рентабельности пытаются подменять этические, исторические, культурные и другие суждения. По мнению Сагоффа, природоохранная политика должны основываться на этических, культурных и других

факторах; таким образом, должна стать субъектом политической воли, а не просто экономического анализа. “Состояние этического аргумента не зависит от готовности платить” – пишет автор. По его мнению, природоохранные законы и учреждения не должны быть экономически выгодными. Можно расставить в национальном парке казино и игральные автоматы, собирая дополнительные деньги, но это уже не будет национальный парк.

Экологические и нравственные проблемы особо охраняемых территорий. Минск, 2000. 140 с.

Тезисы докладов республиканской научно-практической конференции, состоявшейся в Минске в декабре 2000 г., имели очень интересное и важное название – не только экологические, но и нравственные проблемы ООПТ. К сожалению, тема была раскрыта лишь наполовину: о нравственности из почти шестидесяти докладчиков сказалось лишь несколько человек, да и то, что называется, на бегу. Что еще раз подтверждает нашу более чем грустную реальность: охраняемые природные территории продолжают оставаться сферой научного

интереса, но никак не моральной озабоченности.

Мальцева Ф.С. Мастер русского пейзажа. Вторая половина XIX века, ч. 1 ч. 2, ч. 3, ч. 4, М.: Искусство, 2001.

В четырехтомнике “Мастера русского пейзажа”, недавно выпущенного Московским издательством “Искусство”, рассказывается о картинах известных русских пейзажистов А.И. Куинджи, В.Д. Поленова, Ф.А. Васильева, И.И. Шишкина, К.А. Коровина, И.И. Левитана и других, изображавших родную природу. Все тома хорошо иллюстрированы репродукциями. Особый интерес для гуманитарного эколога представляют картины, посвященные дикой природе России. В основном это изображение гор, древнего леса, пойм сибирских рек.

Шишкин И.И. М.: Издательский центр “Классика”, 2001. 64 с.

Книга является частью издательского проекта “Мир шедевров”. 100 мировых имен в искусстве”. И.И. Шишкин – один из тех одаренных русских живописцев, кто внес особенный вклад в изображение дикой природы России. Его полотна в основном посвящены древним лесам. Книжка иллюстрирована лучшими работами художника.

Райгородецкий Р. Живность и жизнь. М.: ЦОДП, 2002. 180 с.

Книга представляет собой сборник экологических эссе российского писателя, в 1988 году эмигрировавшего в США. Автор осмысливает такие понятия как “жизнь”, “красота”, обсуждает и поддерживает идею прав природы. По его мнению, “право на жизнь и право на долю даров природы прирождены жизнью всем видам живности, дарованы вместе с рождением”.

Краткая история Движения ДОП. Под ред. С. Мухачева и С. Забелина. М.: РЭФИА, НИА-Природа, 2003. 100 с.

Очерк истории Движения студенческих природоохранных дружин с начала 1960-х годов и по наши дни подготовлен известными лидерами Движения ДОП 1970-х начала 1980-х Сергеем Мухачевым (г. Казань) и Святославом Забелиным (г. Москва). К сожалению, очень схематично представлен современный этап истории Движения дружин – с середины 1990-х годов и по 2003 год. Крайне небольшой тираж – всего 200 экземпляров, уже сделал эту интересную книжку библиографической редкостью.

Студенчество и охрана природы. М.: МГУ, 1982. 131 с.

Этот во многом пионерный сборник был издан на основе материалов конференции, посвященной 20-летию ДОП биофака МГУ (11–12 декабря 1980 г.) и отражает результаты разнообразной деятельности Движения студенческих природоохранных дружин в свой расцвет. И спустя четверть века некоторые работы не имеют своих аналогов и очень актуальны сейчас – по изучению жестокости горожан в отношении к животным (Д.Н. Кавтарадзе, В.А. Зубакин), или изучения браконьерства как социального явления (Д.Н. Кавтарадзе, Е.Н. Букварева, Ю.Е. Веремеев и др.). К сожалению, из-за своего небольшого тиража эта книга практически неизвестна современным гуманитарным экологам, в связи с чем некоторые наиболее интересные работы опубликованы в нашем журнале.

Тетиор А.Н. Целостность, красота, целесообразность мира множественной природы. М., 2004. 444 с.

Книга московского ученого, доктора технических наук, профессора А.Н. Тетиора

продолжает его ранее изданные работы: “Красота и целесообразность природы”, “Бинарная множественность природы”, “Множество этик окружающей среды” и др. Автор рассматривает сложные и малоисследованные философские вопросы бинарной множественности и эволюции этик окружающей среды, познания человеком красоты природы и т. д. Любопытен взгляд автора на бинарную множественность духовной культуры, биологические истоки целесообразности и нецелесообразности природы, понятие и роль красоты и безобразия. Книга проиллюстрирована множеством оригинальных и точно подобранных фотографий и рисунков.

**Экология и нравственность:
материалы межвузовской научной
конференции 3–4 февраля 1998 г.
Воронеж: ВГЛА, 1998. 80 с.**

Нельзя не согласиться с посылом, высказанным во введении к данному сборнику: “До тех пор, пока взаимодействие с природой определяется только экономической выгодой и политическим интересом, пока идея максимального извлечения пользы доминирует над умами и чувствами людей, никакие законы и штрафы... не спасут от нарушения гармонии и гибели человека как творческой личности и природы как величайшего творения. XXI век должен стать веком выработки нового нравственного отношения к живой и неживой природе”.

К сожалению, сами тезисы конференции мало несут каких-либо новых мыслей в плане “выработки нового нравственного отношения” к природе. Можно заявить даже жестче: этот сборник – яркий пример идейного кризиса в российской философии, экологии и этике. Авторы сборника практически не знакомы с западной экофилософией (упоминается только А. Швейцер, даже об изданных в СССР О. Леопольде и Г. Торо забыли), да и с отечественной тоже (есть одна ссылка только на Рерихов).

Вызывают сомнение и некоторые реко-

мендации, предлагаемые авторами тезисов. Например, о необходимости “помочь природе в процессе ее будущего обновления и возрождения”. Что само по себе является не только экологически опасным, но и безнравственным делом.

**Проблемы охраны фауны. Ч. II.
М.: МГУ, 1982. 137 с.**

Небольшой, изданный на ротопринте Московского университета более 20 лет назад тиражом 500 экземпляров сборник, посвященный изучению браконьерства как социального явления, по-прежнему не имеет аналогов. Тема изучения браконьерства, поднятая авторами междружинной программы “Выстрел” Д. Кавтарадзе и А. Мартыновым, сейчас находится в совершенном заgone. Сами ДОПы борьбой с браконьерством практически перестали заниматься, а государственные природоохранные органы относятся к этому как к третьестепенному явлению.

С целью привлечения внимания к изучению браконьерства как социального явления, редакция “Гуманитарного экологического журнала” опубликовала в спецвыпуске 2004 г. наиболее интересные статьи из этой ставшей библиографической редкостью книги.

**Холл С. Эволюция и воспитание
чувства природы у детей. Пг., 1914. 80 с.**

Переведенная на русский язык книга известного английского педагога Стенли Холла, к сожалению, в настоящее время совсем неизвестна. Автор рассказывает о воспитании чувственного отношения к природе у детей, анализируя детское восприятие звезд, луны, цветов, деревьев, животных. Глава книги “Любовь к природе как основа искусства, литературы, религии и науки” будет опубликована в ближайших номерах “Гуманитарного экологического журнала”.

Законов В.А. Лес в духовной жизни народа. Тюмень: ТГУ, 1999. 92 с.

К сожалению, заявленное интересное название книги автор так и не смог раскрыть. Обзор влияния леса на развитие музыки, живописи оказались довольно поверхностным, а глава “Пути восстановления партнерских отношений между лесом и человеком” вообще не раскрыта.

Григорьев А.А. Природные святыни. СПб: Образование, 1997. 124 с.

В популярной книге ученого из питерского госуниверситета рассказывается о природных (горы, ключи, деревья, реки) и рукотворных святынях России. Объясняя термин святынь, автор приводит слова В. Даля: святыня – это то, “что кому-то свято, чему поклоняются, что чтим нерушимо”. К сожалению, книга не лишена некоторой политизации: слишком много, например, внимания уделяется христианству, как государственной религии России. А вместе с тем, о природных святынях других народов России, как и о святынях других религий, практически ничего не сказано.

Виноградова Н.А. Китайская пейзажная живопись. М.: Изобразительное искусство, 1972. 160 с.

По-видимому, наиболее полное описание на русском языке знаменитой средневековой китайской живописи, особенно двух ее популярных жанров – “горы-воды” и “цветы и птицы”. В книге приводятся многочисленные цитаты из трактатов китайских пейзажных живописцев, позволяющие познакомиться с их философией и техникой изображения дикой природы. Так, например, вполне современным является взгляд китайского древнего мастера Го Си, писавшего, что красота дикой природы заключена в ее непрерывной изменчивости.

Чтобы постичь эту красоту, нужно прежде всего познать все изменения, происходящие как в восприятии природы человеком, зависящим от навиваемых ею настроений, так и в ней самой.

Казанник А.И. Народная охрана природы Сибири. История. Состояние. Перспектива. Омск, ГУИПП, Омский дом печати, 1997. 192 с.

Автор рассматривает влияние народных экологических традиций и религий народов Сибири на практику охраны природы. Вместе с тем, эту интересную книгу несколько портит политиканство: огульная критика всего того, что было сделано за период советской власти, а также некоторая идеализация народного природопользования пришлых народов (в частности, российских поселенцев в Сибири).

Николаев В.А. Ландшафтоведение. Эстетика и дизайн. Учебное пособие. М.: Аспект-пресс, 2003. 174 с.

Учебное пособие рассказывает об основах ландшафтной эстетики – одного из наиболее слабо развитых разделов современного ландшафтоведения. Интересны и поучительны разделы книги – “Философская мысль об эстетике природы”, “Эстетическое восприятие ландшафта”. К сожалению, в своей работе автор не использует современные наработки украинских и российских авторов – А. Тетиора, К. Горба, В. Сесина, а также признанных лидеров в этой отрасли – финских и канадских специалистов.

Федотова Е. Каспар Давид Фридрих. М.: Белый город, 2003. 64 с.

Книга посвящена одному из выдающихся представителей немецкого романтизма – Каспару Давиду Фридриху, чье художе-

ственное творчество значительно повлияло на развитие различных школ художников дикой природы в Европе, США и России. Книга великолепно иллюстрирована лучшими работами художника.

Государственный художественный музей Алтайского края. М.: Сканрус, 2002. 80 с.

Альбом представляет репродукции картин, хранящихся в художественном музее Алтайского края, в том числе таких алтайских художников дикой природы как Г.И. Гуркин и А.О. Никулин.

Дятлева. Мастера пейзажа. М.: Вече, 2002. 304 с.

Книга посвящена пейзажным художникам XV–XX веков, проживавших в США, Европе и России. Дается краткий очерк развития пейзажной живописи. Вместе с тем сборник выглядит очень неполным, так как в нем не представлены американские пейзажисты “школы реки Гудзон”, а также мастера пейзажа из Японии, Кореи и Китая.

Лукашов А. Николай Рерих. М.: Трилистник, 2001. 31 с.

Небольшой альбом посвящен творчеству Н. Рериха, создавшему немало полотен о дикой природе Финляндии, европейской части России и Индии.

Кардинал Р. Художники-примитивисты. М.: Искусство, 2000. 40 с.

Очень интересный альбом, посвященный такому направлению искусства как примитивизм. Примитивисты очень часто обращались к теме природы, изображая на своих полотнах как дикую природу, так и

дикую флору и фауну. Альбом знакомит читателя с историей возникновения примитивизма, а также с лучшими работами художников-примитивистов, рисовавших в том числе природу.

Слово о живописи из сада с горчичное зерно. Перевод и комментарии Е.В. Завадской. М.: Изд. В. Шевчук, 2001. 506 с

Перевод уникального древнего трактата по китайской ландшафтной живописи, созданного в XVII веке. Книга очень ценна для гуманитарного эколога, так как позволяет понять мировоззрение и технику работы старых китайских художников дикой природы. Трактат раскрывает теорию живописи таких известных китайских жанров, как “цветы и птицы”, “горы – воды”.

Роули Дж. Принципы китайской живописи. М.: Наука, 1989. 160 с

Одна из наиболее серьезных книг на русском языке о древней китайской пейзажной живописи. Китайские художники отказывались показывать, как человек покоряет природу. Люди в лодке скорее погружены в медитацию, нежели ловят рыбу. Когда китайцы говорили, что Чжоу Муши уснул в лодке, то оказывалось, что “его сны смешивались со снами лотосов”. Другими словами, цветы живут своей собственной жизнью и видят сны, непохожие на человеческие.

Риган Т. В защиту прав животных. Линзи Э. Божественные права животных. К.: КЭКЦ, 2004. 104 с

Впервые в СНГ изданы работы классиков Движения за освобождение животных – Тома Ригана и Эндрю Линзи.

В.Е. Борейко

РЕЗОЛЮЦИЯ

Первой Международной междисциплинарной конференции по дикой природе (“Трибуна”–10)

Киев, 26 апреля 2004 г.

24–26 апреля 2004 г. в Киеве состоялась Первая Международная междисциплинарная конференция по дикой природе (“Трибуна”–10), организованная Киевским эколого-культурным центром, Украинской коалицией “За дикую природу” и ЦКИ Международного Социально-Экологического Союза при поддержке Фонда МакАртуров. Конференция была посвящена 15-летию Киевского эколого-культурного центра.

В работе конференции приняли участие 45 человек, представляющих общественные, научные организации, вузы, заповедники и национальные парки Украины, России, Беларуси и Польши.

На конференции было заслушано 28 докладов, проведено 2 “круглых стола” – “Идеология заповедного дела”, “Гуманитарный экологический журнал”: 5 лет пути”, презентация книг и журналов по охране дикой природы. Подготовлены к изданию материалы конференции.

Участники конференции согласились с необходимостью защиты дикой природы по причине ее важности не только для человека, но и ради нее самой. Это объясняется не только значимостью дикой природы как носителя нематериальных и экономических ценностей, но и тем, что дикая природа имеет такое же право на существование, как и человеческая цивилизация.

В целях улучшения охраны сохранившихся участков дикой природы участники конференции:

1. Считают необходимым дальнейшую разработку философских, социальных, религиозных, экологических, экономических, культурных и других основ и аргументов в защиту дикой природы, а также повышение значимости внутренней и нематериальных ценностей дикой природы.

2. Обращают внимание природоохран-

ного сообщества стран СНГ на необходимость срочной инвентаризации участков дикой природы (малонарушенные леса, целинные степи, болота, дикие реки, горные области, тундра, пустыни и т. п.) с целью взятия их под защиту.

3. Обращаются к педагогам с призывом применять в своих занятиях по охране природы понятие “прав природы”, а также шире использовать мифопоэтическое восприятие дикой природы, основанное на поэзии, живописи, философии, религии, музыке, народных традициях и т. п.

4. Считают, что участки дикой природы, находящиеся на территории стран СНГ, должны быть сохранены как ОПТ или территории мягкого природопользования.

5. Считают необходимым, чтобы страны и регионы, лишившиеся дикой природы, однако пользующиеся благами и ценностями дикой природы других стран и регионов, компенсировали им усилия по защите дикой природы.

6. Поддерживают экоэтический принцип равноценности и равноправия всего живого и считают необходимым на его основе, как предлагал академик А.Д. Сахаров, выделить дикой природе половину территории и акватории планеты Земля. Призывают к дальнейшей разработке научно-обоснованных критериев выделения территорий дикой природы.

7. Поддерживают инициативу Киевского эколого-культурного центра и Государственной службы заповедного дела Украины о разработке идеологии заповедного дела Украины, а также о законодательном закреплении новых категорий ОПТ – “резерват дикой природы”, “дикие свободно-текущие реки” и создании Государственного реестра территорий дикой природы Украины и рекомендуют разработку идео-

логии заповедного дела и внесение подобных поправок в законы по ОПТ других стран СНГ.

8. Поддерживают инициативу национальной белорусской организации “Охрана птиц Беларуси” по разработке факультативного курса для средних образовательных школ “Дикая природа Беларуси”.

9. Поддерживают инициативу Лесной кампании МСоЭС о создании Международного движения по восстановлению лесов.

10. Поддерживают инициативу Киевского эколого-культурного центра и Украинской коалиции “За дикую природу” о проведении в рамках СНГ систематических международных междисциплинарных конференций по дикой природе.

11. Поддерживают деятельность Лесного клуба российских НПО по инвентаризации малонарушенных лесных массивов России и рекомендуют его опыт к широкому распространению в странах СНГ.

12. Обращаются к руководству мировыми Конгрессами по дикой природе с предложением о сотрудничестве с природоохранными организациями стран СНГ, занимающимися охраной и инвентаризацией дикой природы.

13. Предлагают природоохранным организациям стран СНГ рассмотреть вопрос о создании Международной конфедерации по дикой природе стран СНГ.

14. Предлагают организовать взаимодействие с представителями СМИ стран СНГ с целью выработки языка и технологий популяризации радикальной природоохранной идеологии.

15. Обращаются к руководству стран

СНГ с предложениями об институционализации биосферных резерватов и внесении соответствующих изменений в законодательство.

16. Считают необходимым введение образовательного ценза для руководителей охраняемых природных территорий.

17. Считают необходимым развитие международных междисциплинарных гуманитарно-экологических проектов (изданий, обучающих тематических семинаров и пр.) в области экологического образования, воспитания и обучения.

18. Выступают категорически против планов Министерства транспорта Украины (министр Г. Кирпа) строительства судоходного канала через Дунайский биосферный заповедник.

19. Выступают категорически против корректировки границ регионально-ландшафтного парка “Гранитно-степное Побужье” с выведением земель из его территории.

20. Благодарят:

– ЦКИ МСоЭС и электронную рассылку ENWL (Санкт-Петербург) за информационную поддержку международных кампаний в защиту дикой природы, связанных с защитой Дунайского биосферного заповедника, белорусского национального парка “Беловежская Пуща”, акций против весенней охоты и по защите бельков;

– ДОП Казанского университета “Служба охраны природы” за создание первого в СНГ сайта против любительской охоты;

– организаторов конференции за ее отличное проведение.

Культура Жизни

Всемирная Сувонская Декларация

Всемирный Форум “Культура Жизни” – 2003 состоялся 18–21 декабря в Сувоне, провинция Геойнги, Корея. Он был организован Культурным Фондом Геойнги и

Институтом Изучения Культуры Жизни. В форуме приняли участие ученые, художники, писатели и гражданские лидеры из 17 стран.

800 участников Форума объединяли принципы Культуры Жизни, подразумевающие, что:

– жизнь каждого человеческого существа нежно любима;

– высшим проявлением человечности (человеческой культуры) является деятельность, направленная на гармоничное сосуществование людей с живой и неживой природой.

Основанием для созыва Форума послужила глубокая обеспокоенность разрушением экосистем, отчуждением людей (сообществ) от природы и собственной культуры, угрозы глобальной безопасности и здоровью, исходящие от человеческого сообщества, и острое желание мирной жизни, необходимой для возрождения человеческой духовности. Мы собрались вместе с надеждой и оптимизмом в душе, чтобы обменяться идеями и сформулировать новые направления сотрудничества во имя воплощения Культуры Жизни.

1. Участники Форума, ведомые принципами Культуры Жизни и основываясь на докладах, прозвучавших на Форуме, заявляют:

1.1. Мы признаем, что Всемирный Форум “Культура Жизни”–2003 может положить начало новым исследованиям критических угроз жизни и культуре в целях поиска решений, реализуемых в современном обществе.

1.2. Концепция Культуры Жизни выражает стремление к устойчивому развитию природных и антропогенных экосистем как высших проявлений Космоса на Земле посредством усиления малых сообществ людей, культура и социум которых существуют в гармонии с природой.

1.3. Народы мира должны осознать как положительные, так и отрицательные последствия глобализации для природы и общества. Глобализация приносит некоторые выгоды, но одновременно нарушает гармонию Культуры и Жизни во многих странах.

1.4. В той мере, в какой “более-чем-че-

ловеческий” мир, то есть все другие формы жизни, находится под угрозой, не столько наша философия, сколько наши действия обозначают, в какой мере наша жизнь слита с единым космическим (природным) потоком. Все культуры и традиции должны критически оценить практику своего взаимодействия с живой природой и решительно изменить то, что наносит существенный ущерб другим живым существам. Если же мы не понимаем природу нашего (негативного) воздействия – наш долг разобраться в этом и предпринять адекватные действия. Все виды живых существ должны быть квалифицированы как “другие народы” с их собственными правами и местом в мире. Мы должны поставить перед собой задачу обеспечить мирное сосуществование и взаимное уважение этих “других народов” между собой и народами людей.

1.5. Концепция Культуры Жизни должна развиваться на фундаменте традиционной азиатской философии и мысли, служа основой “новому Азиатскому Ренессансу”. Разумеется, она должна включить в себя достижения космологической мысли других континентов.

1.6. Народы планеты должны признать отрицательные экологические и социальные последствия притекающей экономической глобализации и ее разрушающее воздействие на Культуру и Жизнь в странах развивающегося мира

1.7. Мы должны внедрить принципы Культуры Жизни в практику всемирного жизнеустройства и совершить мирную культурную революцию.

1.8. Мы должны создать новые глубокие этику, философию, исторические науки, искусство и эстетику, основанные на принципах Культуры Жизни (Sallim).

1.9. Мы должны предпринять политические действия, чтобы добиться изменений, соответствующих принципам Культуры Жизни.

Вечер, посвященный 5-летию “Гуманитарного экологического журнала”

16 марта 2004 года в Московском представительстве Фонда МакАртуров состоялся праздничный вечер, посвященный 5-летию Гуманитарного экологического журнала, в котором приняло участие более 40 человек: ученые, представители общественных организаций, студенты.

Вечер открыл директор Московского представительства Фонда МакАртуров Т. Жданова. По ее мнению, очень важно, что журнал является междисциплинарным, что позволяет эффективно обсуждать проблемы, находящиеся на стыке гуманитарных и естественных наук, например, вопросы экологической этики или эстетики.

Главный редактор журнала В. Борейко познакомил собравшихся с основными успехами и достижениями. Это и знакомство нашего читателя с зарубежными классиками в области гуманитарной экологии, помощь молодым отечественным авторам, появление курсов экологической философии и экологической этики в ряде ВУЗов Украины, Белоруссии и России, утверждение ряда разработок, обсуждаемых на страницах “Гуманитарного экологического журнала” Государственной службой заповедного дела Украины.

В прениях выступило более 20 человек, наиболее интересные высказывания которых приводятся ниже.

В. Дежкин, доктор биологических наук, профессор, зав. кафедрой природопользования МНЭПУ:

– Было бы замечательно, если бы на страницах журнала появились разработки в области гуманизации природопользования.

Н. Данилина, директор экоцентра “Заповедники”:

– Сейчас, когда поднимаются темные силы, сидящие в человеке, выпуск “Гуманитарного экологического журнала” становится особенно актуальным.

А. Никольский, доктор биологических

наук, профессор Университета дружбы народов:

– Журнал побуждает желание заниматься охраной природы... Необходимо помнить, что природа и зло несовместимы.

А. Семенов, предприниматель:

– Очень плохо, что экологическая тусовка работает только сама на себя. Журнал как раз удачно расширяет эти узкие рамки тусовки.

А. Кожара, экологическая организация “Ноохора”, г. Борок, Ярославской области:

– Прекрасно, что руководство журнала доброжелательно выслушивает своих авторов, это уникально.

Ю. Мазуров, кандидат географических наук, НИИ Наследия:

– Настала пора переходить от восприятия природы как ресурса к восприятию природы как наследия.

К. Авилова, кандидат биологических наук, биофак МГУ:

– Надо больше публиковать стихов о природе. Они быстрее доходят до сердца.

В. Ермолаева, кандидат философских наук:

– Очень здорово, что журнал дает зарубежную классику.

Д. Кавтарадзе, доктор биологических наук, биофак МГУ:

– Устойчивое развитие должно происходить на базе гуманитарных идей.

Ю. Горелова, представительство МСОП для стран СНГ:

– Журнал помогает мне решать внутренние конфликты.

Ф. Штильмарк, доктор биологических наук:

– Нужно давать больше публицистики.

С. Кричевский, кандидат технических наук, летчик-космонавт:

– Это прекрасно, что журнал впервые в СНГ поднял вопрос прав космоса и создания там охраняемых территорий.

А. Яблоков, доктор биологических наук, член-корреспондент РАН, президент Центра экологической политики России:

– Журнал получился лучше, блестяще, чем я думал. Он очищает мозги.

А. Олескин, доктор биологических наук, биофак МГУ:

– Хотелось бы видеть в журнале материалы по биополитике.

И. Лисеев, доктор философских наук, заместитель директора по науке Института философии РАН:

– Н.Ф. Реймерс говорил, что экономическая революция исчерпывает себя, ей на смену приходит гуманитарно-экологическая революция. Ее провозвестником и является журнал.

Информационно-справочная система “ООПТ России”

Сегодня в России действует более двухсот особо охраняемых природных территорий (ООПТ) федерального уровня общей площадью свыше 500 000 км², что составляет около 3 % территории страны. Российская система природных резерватов уникальна и имеет исключительную ценность с точки зрения поддержания естественного функционирования экосистем и сохранения биоразнообразия, редких и исчезающих видов, развития экологического мониторинга, научных исследований и экопросвещения. Распространение разносторонней информации о заповедниках, национальных парках, заказниках крайне важно для популяризации идей охраны природы, поддержки самих ООПТ, повышения уровня экологического сознания и ответственности общества.

Несмотря на постоянный интерес к российским ООПТ со стороны отечественных и зарубежных специалистов, информация о них сильно разрознена, недостаточно распространена и зачастую труднодоступна. Большая часть печатных изданий, посвященная ООПТ, выпускалась небольшими тиражами и только на русском языке, к настоящему времени они являются библиографической редкостью. Информация о недавно созданных ООПТ часто не отражена на должном уровне в печатных и электронных изданиях. Труды заповедников малотиражны. Списки редких и исчезающих видов на ООПТ также сильно разрознены. Таким образом, колоссальный труд

многих сотен натуралистов, ученых и энтузиастов остается крайне труднодоступным для специалистов, государственных служащих, преподавателей, студентов, общественности. Разумное объединение и планомерное распространение существующей информации об ООПТ представляется нам важной и актуальной задачей.

Поэтому в феврале 2003 года Центр охраны дикой природы открыл новый интернет-ресурс “ООПТ России: информационно-справочная система”, посвященный заповедникам, национальным паркам и федеральным заказникам. Цель его создания — объединить основную научную, научно-популярную, картографическую, публицистическую и прочую информацию о российских ООПТ федерального уровня в одной справочной системе.

Разработка структуры и информационное наполнение ресурса начались в конце 2001 года объединенными усилиями большого числа специалистов-энтузиастов из ЦОДП и других организаций при поддержке акад. *Е.Е. Сыроечковского* и д. б. н. *Ф.Р. Штильмарка*. В результате была подготовлена справочная система, в которой можно найти базовую информацию практически по всем российским ООПТ федерального уровня. Эта информация включает *дату создания, географическое положение, площадь, цель создания, число кластеров, подчиненные территории и охранную зону, конвенции, контактные адреса*. Кроме того, по большинству ООПТ име-

ются более подробные описания *истории создания, физико-географических условий, особенностей растительного и животного мира, библиографии* и т. д. Навигация сайта позволяет легко находить необходимую территорию по карте либо по алфавитному списку.

Работа по наполнению ресурса и уточнению данных продолжается. Пока здесь недостаточно информации по некоторым, в том числе недавно созданным ООПТ, не хватает карт, фотографий. Планируется перевод на английский и немецкий языки основных материалов сайта. Будут пополняться разделы по общим вопросам развития заповедного дела в России: *статьи и книги по проблемам территориальной охраны природы, итоги и материалы тематических конференций и совещаний, новости из ООПТ, история отечественного заповедного дела, законодательство* и др. Сотрудники российских ООПТ уже начинают использовать возможности сайта для публикации собственных текстов и объяв-

лений, и этот процесс его коллективного насыщения актуальной информацией, безусловно, будет расширяться.

Создатели сайта рассчитывают на участие и сотворчество заинтересованных специалистов. Мы планируем пополнять и совершенствовать сайт, учитывая Ваши мнения и замечания, и приглашаем к сотрудничеству всех, кто так или иначе связан с российскими ООПТ.

Мы будем очень признательны за отзывы и предложения. Просим Вас также сообщать нам обо всех ошибках, опечатках и недочетах по адресу:

reserves@biodiversity.ru

Информационно-справочная система “ООПТ России” находится по адресу:

http://reserves.biodiversity.ru

Алексей Зименко,
генеральный директор ЦОДП
Максим Дубинин,
координатор проекта

Вегетарианское движение в России

1 декабря 2001 г. в России была отмечена дата – 100 лет вегетарианского движения России, так как в этот день 100 лет тому назад в Санкт-Петербурге было зарегистрировано первое вегетарианское общество.

История вегетарианства в России начинается с XIV в. и связана с именами русских святых: Сергей Радонежский, Серафим Саровский, Епифаний Премудрый. Они своими правилами жизни и проповедями показывали православным, что истинная вера в Бога и употребление в пищу живой плоти вещи несовместимые. Православные посты (более 200 дней в году) и постное питание были присущи подавляющему большинству россиян. Особыми приверженцами вегетарианского образа жизни были представители религиозных общин: староверы, духовоборы, озерники, адвентисты и др.

Статья помещена на сайте www.vegworld.ru.

В конце XIX и начале XX столетия неопределимую роль в развитии вегетарианского образа мышления и конкретных действий сыграл писатель и мыслитель мирового масштаба – Л.Н. Толстой. Он убежденно считал, что вегетарианство необходимо и полезно с точки зрения морали, этики, медицины и экономики.

В апреле 1913 г. в Москве был проведен первый Всероссийский вегетарианский конгресс. Усилиями вегетарианских обществ были открыты столовые и рестораны в 24 городах России, а также больницы с вегетарианским питанием. Стали выходить журналы и газеты вегетарианской ориентации. Вегетарианское движение было широко распространено среди разных слоев населения.

Октябрьский переворот 1917 г. прервал развитие вегетарианского движения в России. Причиной этого стала официальная точка зрения Советской власти, что вегета-

рианство является псевдонаучной теорией, буржуазным мировоззрением, вредным для советского человека. В 1929 г. было закрыто последнее Московское вегетарианское общество. Советскому руководству не нравилась главная идея вегетарианского движения – идея ненасилия, независимости, любви ко всему живому и свободе мышления. Лидеры вегетарианских обществ стали преследоваться властями, многие из них за свои вегетарианские убеждения были арестованы и наказаны. В Большой советской энциклопедии (1961) утверждалось: “Вегетарианство, основанное на ложных гипотезах и идеях, в Советском Союзе не имеет приверженцев”. Слово “вегетарианец” исчезло из словарей русского языка.

В 1989 г., с началом перестройки в СССР, при Экологическом фонде было вновь организовано вегетарианское общество (с 1992 г. – Межрегиональная общественная организация “Вегетарианское общество”).

Направления работы:

1. Первое – медицинское, ставящее основной целью оздоровление людей, им руководит Ирина Львовна Медкова, доктор медицинских наук. Она создала и возглавила Научно-практический медицинский вегетарианский центр, задачей которого является не только практическая работа по оздоровлению людей, но также научные исследования, раскрывающие преимущества вегетарианского образа жизни для здоровья.

2. Второе направление работы Вегетарианского общества, которое осуществляется через Центр этичного отношения к животным (директор – Татьяна Николаевна Павлова) – это гуманизация взаимоотношений человека и животных не только в плане отказа от употребления их в пищу, но и отказа от других форм жестокого использования животных человеком.

КТО ТАКИЕ ВЕГЕТАРИАНЦЫ

Под словом “вегетарианство” обычно понимают питание, исключающее мясо. Но вегетарианство – это образ жизни и образ мышления, исключающие потребление продуктов, полученных путем убоя скота, рыбы, птицы. Вегетарианство – это образ жизни,

придерживающийся принципа жизни без насилия по отношению к животным.

В настоящее время 5 % населения мира – вегетарианцы, и вегетарианство стремительно распространяется.

Вегетарианство стало обязательной составной частью “жизни без жестокости” на Западе. Популярность его сейчас настолько велика, что промышленность и торговля учитывают запросы новой группы потребителей, открываются вегетарианские рестораны, магазины, где можно купить любой товар, не содержащий животных компонентов: продукты питания, косметику и гигиенические средства, продукцию из заменителей меха, кожи и шерсти. Иными словами, если человек решит придерживаться “жизни без насилия”, т.е. не участвовать в эксплуатации и умерщвлении любых животных, он может купить все, что ему нужно.

ПОЧЕМУ СТАНОВЯТСЯ ВЕГЕТАРИАНЦАМИ?

1. Из желания улучшить свое здоровье.
2. Из этических соображений.
3. Из философских или религиозных убеждений.
4. По экологическим мотивам.

В поддержку вегетарианства написано много книг, личные примеры российских вегетарианцев доказывают, что вегетарианцем можно стать, если захотеть, даже в условиях России. Многие вегетарианцы считают, что с того момента, как человек переходит на беззубойное питание, постепенно он начинает по-другому воспринимать мир, его жизнь больше не омрачена убийствами животных.

Вегетарианское движение в России набирает силу. Развитию вегетарианской культуры способствует развитие движения в защиту прав животных, так как практически все активные участники движения в защиту прав животных, а с недавнего времени и некоторые экологи, – вегетарианцы по этическим и экологическим соображениям.

Вегетарианцами становится все больше людей. За последние пять-семь лет в вегетарианское движение влилась много молодежи. А это значит, что движение добра и гуманизма будет развиваться.

Правила для авторов

1. “Гуманитарный экологический журнал” публикует статьи по гуманитарным аспектам экологии и охраны природы: экологическая этика, эстетика, теология, этнософия, этнография, культурология, социология, социальные проблемы охраны природы, конфликтология, история охраны природы и т. п.
2. Принимаются статьи объемом до 1 печатного листа (24 стр. машинописи или около 40 тыс. знаков компьютерного текста). При компьютерном наборе предпочтительны файлы в текстовом формате (не использовать выравнивание, переносы и линии в таблицах!) или подготовленные в одной из версий Word for Windows. Помимо файла (на дискете или электронной почтой) в редакцию нужно высылать и распечатку текста статьи. Таблицы по ширине не должны превышать лист формата А4.
3. Работы печатаются на русском или английском языках. По желанию авторов статьи на русском языке могут сопровождаться английскими резюме.
4. Иллюстрации должны быть готовы к непосредственному воспроизведению, выполнены на белой бумаге черной тушью или распечатаны на лазерном принтере. Все подписи печатаются на отдельной странице. Фотографии должны быть хорошего качества на глянцевой бумаге.
5. Редакция оставляет за собой право сокращать и править полученные материалы, а также отклонять не отвечающие данным требованиям.
6. Рукописи и фото не рецензируются и не возвращаются.

— Исповедовал ли ты экологию? Благоговел ли ты перед жизнью? Сотрудничал ли ты с журналом Гуманитарным экологическим?

Рис. Э.Д. Шукурова.

СОДЕРЖАНИЕ

Экологическая философия

Дерябо С.Д. Экологическое сознание	1
Борейко В.Е. Любовь к природе: спорные вопросы	10
Левченко В.Ф. Новая эволюция биосферы	18

Экологическая этика

Сагофф М. Этика и рынок. Конфликт внутри нас	24
Загороднюк И. Цена жизни животного с точки зрения ученого	27
Антонов В. Сострадание и природа. Экологическая этика	32
Безобразов П.В. Права животных	34
Супруненко О. Экологическая этика и СМИ	40
Тейлор П. Пять принципов приоритетности и разрешения конфликтных ситуаций с позиций экологической этики	42
Новожилова И. Эксперименты на животных – есть альтернатива	55
Борейко В.Е. Экобиоцентризм как основание экологической этики	58
Грищенко В.Н. О концепциях экологической этики	61

Экологическая теология

Агафонов В. Животные в свете религиозного мировоззрения	69
Природоохранное движение и православная Церковь: перспективы взаимодействия	71
Основы социального учения Церкви Христиан-Адвентистов Седьмого Дня в России	72
Заявление об охране окружающей среды обитания	77
Заявление о проблеме изменения климата Всемирной Церкви АСД	78

История охраны природы

Скляренко Б. Как мы создавали Социально-Экологический Союз	80
Грищенко В.Н. Презиравшие узду	90

Дискуссии

Агафонов В. Идейные корни экологической политики России	96
Радикализм в экологии. Оправданно ли это?	97

Экодайджест

Олескин А.В. Что такое биополитика	102
Розанов В.В. Как святой Стефан порубил “Прокудливую березу” и как началось на Руси пьянство	105
Говинда А. Священная гора	114

Методика

Дежкин В.В., Марфенин Н.Н. Экологическая этика. Учебная программа для студентов экологического факультета	118
Кондрашева Л. Урок по экоэтике	123

Экологическая культурология

Постников В.И. Экопоэзия	127
Чижишина М. Осмысление дикой природы в польской поэзии	133

Художественный уголок

Авилова К. Стихи о заповедниках	138
Асмолов А. Декларация прав природы	139
Щербакова А. Письмо в редакцию	140

Критика и библиография

Немцов М. В поисках дикости	142
Обзор зарубежной и отечественной литературы по гуманитарной экологии	145
Хроника и информация	79, 138, 150